

• Ким Хоён •

МАГАЗИН ШАГОВОЙ НЕДОСТУПНОСТИ

18+

История, помогающая поверить в себя

Annotation

Госпожа Ём – учитель на пенсии и владелица скромного продуктового магазина в одном из районов Сеула. Ее принцип – не прибыль, а помощь людям. Даже если продажи не радуют, сотрудники всегда найдут у нее не только работу, но и поддержку. Она помогает бездомному с Сеульского вокзала, который однажды выручил женщину. Этот человек не знает о себе ничего, кроме прозвища – Токко. Попав в магазин госпожи Ём, Токко начинает меняться, обретая себя. Он не только выручает своих коллег и улучшает продажи. Загадочный продавец помогает покупателям найти выход из сложных жизненных обстоятельств. Но сможет ли Токко помочь самому себе? Заходите в магазин и узнайте всю историю!

- [Ким Хоён](#)
 -
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
-

Ким Хоён

Магазин шаговой недоступности

UNCANNY CONVENIENCE STORE

By Ho-yeon Kim

UNCANNY CONVENIENCE STORE

The Korean edition was originally published by Namu Bench, Korea

This Russian language edition was published by AST Publishing Group in 2024

by arrangement with Namu Bench through KL Management, Seoul Korea

Copyright © Ho-yeon Kim, 2021 All Rights Reserved

© Д. В. Мавлеева, Е. А. Похолкова, перевод на русский язык, 2024

© ООО «Издательство АСТ, 2024

* * *

...

**Хиты
Кореи**

Все имена и события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Глава 1

Сытный обед

Она обнаружила пропажу, когда поезд уже проехал Пхёнтхэк^[1]. Госпожа Ём совершенно не помнила, где могла оставить свою сумочку. Хотя потеря расстраивала ее не так сильно, как проблемы с памятью. Обливаясь холодным потом, она изо всех сил пыталась вспомнить, что именно произошло.

На Сеульском вокзале, когда госпожа Ём покупала билет на скоростной поезд, сумочка точно была при ней. Ведь там лежал кошелек с банковской картой. В зале ожидания она еще полчаса смотрела круглосуточный новостной канал, потом села в вагон и с вещами в руках задремала, а когда проснулась, не заметила, чтобы что-то исчезло. Госпожа Ём собралась достать телефон и только тогда с ужасом обнаружила пропажу. У нее перехватило дыхание. Ведь в сумочке были самые важные вещи: кошелек, печать^[2] и записная книжка.

Госпожа Ём напрягла память. Она перебирала воспоминания, которые сменяли друг друга, как пейзажи за окном скоростного поезда. Бормотала себе что-то под нос, нервно трясла ногой, из-за чего мужчина средних лет, сидевший рядом, недовольно кашлянул.

Но ее прервал не он, а звонок телефона из сумки. На рингтоне стояла песня группы ABBA, но женщина не помнила названия.

«То ли Chiquitita, то ли Dancing Queen...^[3] Чунхи, похоже, у бабушки склероз...»

Дрожащей рукой госпожа Ём вытащила телефон из сумки и вспомнила, что песня называлась Thank you for the music. Звонили с незнакомого номера, который начинался на 02^[4]. Она сделала глубокий вдох и взяла трубку:

– Алло.

Ответа не последовало. Но по шуму на заднем плане можно было предположить, что звонили из общественного места. Госпожа Ём спросила:

– Кто это?

– Ём... Ёнсук? – прозвучал чей-то невнятный и резкий голос, будто не человеческий. Словно рев медведя, который только что очнулся от зимней спячки и вышел из пещеры.

– Да.

– К-кошелек в-ваш?

– Мой. Вы его нашли? Где?

– Сеул.

– В Сеуле? На вокзале?

– Да, н-на вокзале.

Она с облегчением выдохнула и, убрав от уха телефон, прокашлялась.

– Спасибо, что подобрали. Но я сейчас в поезде. Сойду на следующей станции и вернусь. Вы не могли бы пока оставить его у себя или отдать работникам вокзала? Как приеду, сразу отблагодарю вас.

– Мне н-некуда идти. Оставлю у себя...

– Договорились. Где мы можем с вами встретиться?

– Н-недалеко от выхода к аэроэкспрессу. Возле к-круглосуточного.

– Спасибо, скоро буду.

– Н-не торопитесь.

– Хорошо, спасибо.

Госпожа Ём положила трубку. На душе у нее все еще было беспокойно. Судя по невнятному грубому голосу, ее собеседник – бездомный. Кроме того, он сам сказал, что ему некуда идти, а код 02 в

номере телефона говорил о том, что звонок сделали с таксофона, значит, сотового у него нет. Госпожа Ём не могла успокоиться. Ей стало тревожно и страшно: вдруг мужчина потребует чего-то взамен.

Однако вряд ли человек, который сам сообщил о находке, захочет причинить вред. Вместо благодарности можно просто дать ему сорок тысяч вон, которые лежат в кошельке.

Объявили, что следующая станция – «Чхонан». Госпожа Ём положила телефон в сумку и встала.

* * *

Она села на обратный поезд до Сеула, и, когда он проезжал Сувон, телефон зазвонил снова. Для профилактики деменции госпожа Ём как раз проговаривала слова песни АВВА, как вдруг увидела, что звонят с того же номера. Подавив тревогу, госпожа Ём взяла трубку.

– Это я, – прозвучал невнятный голос.

– Говорите, – твердо произнесла госпожа Ём, словно разговаривала с нерадивой ученицей.

– Я... И-извините. Просто я очень хочу есть.

– И что вы собираетесь делать?

– В-в магазине обеденный набор... Можно купить?

Госпожа Ём ощутила легкий жар. Но слова «извините» и «обеденный набор» смягчили ее настрой, и она расщедрилась:

– Хорошо. Купите. И возьмите что-нибудь попить.

– С-спасибо.

В тот же миг ей пришло уведомление об оплате со счетом. Видимо, незнакомец звонил прямо с кассы. Раз мужчина так голоден, значит, он точно завсегда с Сеульского вокзала и бездомный друг голубей.

В счете значилось: «Обеденный набор от Пак Чханхо»^[5]. Заметив, что мужчина не взял ничего из напитков, она подумала, что ему стало неловко. Поэтому госпожа Ём отбросила все сомнения и решила пойти в одиночку, не приглашая никого на встречу. Пусть в свои семьдесят она уже стала замечать симптомы деменции, однако верила в себя. Верила в образ женщины, которая до самой пенсии твердо стояла у доски и строго, но с достоинством обходилась с учениками.

Госпожа Ём приехала на Сеульский вокзал и сразу же заметила эскалатор, ведущий к аэроэкспрессам. Впереди справа располагался круглосуточный магазин GS^[6], возле которого, уткнувшись в обеденный набор, сидел мужчина с медвежьим голосом. Подойдя ближе, она снова стала нервничать. Человек с длинными волосами, напоминавшими швабру, одетый в легкую спортивную куртку и грязные, то ли бежевые, то ли коричневые штаны, аккуратными движениями палочек брал венские сосиски из обеденного набора. Ну точно бездомный. Госпожа Ём собралась с духом и зашагала к нему.

Неожиданно появились трое незнакомцев. Увидев, что мужчина ест, они набросились на него, как гиены. По-видимому, тоже бездомные. Госпожа Ём испугалась и остановилась. Они стали его бить, стараясь отобрать обед. Женщина нервно оглянулась по сторонам, но прохожие лишь изредка косились в их сторону, считая драку бездомных на вокзале обычным делом.

Мужчина уронил обед и свернулся калачиком в попытке защититься. Но нападавшие схватили его за горло, заломили руки и отобрали все, что у него было. Вместе с ее розовой сумочкой.

Незнакомцы еще несколько раз пнули мужчину и собрались уходить. Госпожа Ём задрожала. Внезапно бездомный поднялся и всем телом навалился на того, кто держал сумочку. Затем, застонав, схватил нападавшего за ноги, повалил на землю и отобрал ее. Остальные тут же бросились на помощь. Вдруг в глазах госпожи Ём точно загорелось пламя. Она вскочила и ринулась на них, так яростно, что на ее шее вздулась вена.

– Вот негодяи! Что же это творится!

Нападавшие оцепенели от ее криков. Подбежав, она сумкой ударила по голове того, кто оказался ближе всех. Он закричал от боли, а остальные поднялись и попятились.

– Воры! Украли мой кошелек! Негодяи!

Гневные крики госпожи Ём привлекли внимание прохожих – нападавшие развернулись и побежали прочь. Остался только бездомный, который сидел на полу, крепко сжимая сумочку.

– Вы в порядке? – спросила она его.

Мужчина поднял на нее взгляд. Синяки под глазами, стекающие из носа сопли, смешанные с кровью, нечесаная борода – он напоминал первобытного человека, только что вернувшегося с охоты. По-видимому только сейчас осознав, что обидчики исчезли, бездомный встал. Госпожа Ём достала платок и села рядом с ним.

В это мгновение ей в нос ударил характерный отвратительный затхлый запах. Госпожа Ём задержала дыхание и протянула ему платок. Бродяга покачал головой и вытер нос рукавом. На секунду госпожа Ём испугалась, как бы сумочка не испачкалась, и ей тут же стало стыдно за эту мысль.

– Вы точно в порядке?

Бездомный кивнул и посмотрел на госпожу Ём. Заметив его внимательный взгляд, она на мгновение забеспокоилась, что сделала что-то не так, и захотела скорее уйти. Осталось только забрать сумочку.

– Спасибо, что сберегли ее.

Бездомный переложил сумочку из левой руки в правую и протянул ей. Но внезапно передумал. Глядя на ошеломленную женщину, он открыл сумочку.

– Что вы делаете?

– Она точно в-ваша?

– Конечно. Я поэтому и вернулась за ней. Мы с вами разговаривали по телефону, помните?

От его абсурдных сомнений у нее испортилось настроение. Мужчина начал рыться в сумочке и, найдя кошелек, достал из него удостоверение личности.

– Назовите н-номер.

– Думаете, я вас обманываю?

– Нужно убедиться. Я верну т-только владельцу.

– Там есть моя фотография, можете сравнить.

Мужчина моргнул несколько раз опухшими от ударов глазами и перевел взгляд с женщины на фотографию.

– Похоже, но не очень.

От нелепости происходящего госпожа Ём непроизвольно ухмыльнулась. У нее не было сил даже злиться на мужчину.

– Фотография о-очень старая, – добавил он.

Тем не менее на ней явно можно было узнать госпожу Ём. Похоже, у мужчины проблемы со зрением. Или же она так сильно постарела...

– С-скажите... номер.

Госпожа Ём вздохнула и быстро ответила:

– 820725... Так?

Бездомный внимательно посмотрел на госпожу Ём, вернул удостоверение обратно в кошелек, кошелек – в сумочку и протянул ее женщине. Именно в этот момент госпожа Ём поняла, что мужчина заслуживает уважения. Так отчаянно защищать и педантично проверять, действительно ли перед ним владелица сумки, мог только поистине ответственный человек.

С хрипом бездомный поднялся на ноги. Госпожа Ём тоже встала и вытащила из кошелька сорок тысяч вон:

– Вот, держите.

Мужчина в нерешительности посмотрел на деньги, и она это заметила.

– Возьмите.

Будто не услышав ее, он вытащил из рукава мятую салфетку и вытер кровь под носом. Затем развернулся и пошел прочь. Смутившись, госпожа Ём так и стояла некоторое время с протянутой рукой и смотрела ему вслед. Бездомный, хромя, вернулся на свое место, где до сих пор ел оплаченный ее картой обед. Госпожа Ём поспешила за ним.

Мужчина взглянул на разбросанные возле магазина остатки своего обеда и что-то пробормотал себе под нос. Послышался стон. Тогда госпожа Ём наклонилась к нему и похлопала по спине. Он развернулся и увидел лицо учительницы, которая хочет утешить испуганного ученика.

– Мужчина, пойдёмте со мной...

* * *

Когда они оказались у западного выхода в город, он засомневался. Словно травоядное, которое покидает лоно природы и отказывается залезать в грузовик, стоящий перед ним на дороге. Госпожа Ём жестом

убедила его идти дальше, и они из вокзала отправились в квартал Кальвольдон. Мужчина шел на несколько шагов позади, едва поспевая за госпожой Ём, которая энергично шагала к Чхонпхадону. Плоды, свисавшие с деревьев гинкго, источали столь же неприятный аромат, как и ее попутчик, и только тут она задумалась, зачем вообще вывела его с вокзала.

Ей хотелось отблагодарить его, ведь от денег он отказался. В конце концов, мужчина отчаянно защищал ее сумочку. Да и хоть как-то позаботиться о бездомном – ее гражданский долг. Кроме того, даже вне школы ей хотелось быть примером для своих учеников, перед которыми она столько часов простояла у доски. Госпожа Ём родилась христианкой и хотела отплатить бездомному самаритянину добром.

Они шли минут пятнадцать. Когда неприметные привокзальные улочки остались позади, впереди показалось огромное здание церкви. Поблизости располагался женский университет, поэтому повсюду было много веселых компаний девушек в джинсах и толстовках. Перед закусочной, которая прославилась после упоминания на радио, в очередь выстроились люди. Госпожа Ём оглянулась и увидела, что бездомный внимательно изучает улицы. Многие прохожие искоса смотрели на госпожу Ём и ее попутчика. Ей было одновременно забавно и тревожно думать, какое впечатление их пара производит на окружающих. Ведь она здесь жила. Здесь же находился и ее магазин.

Госпожа Ём свернула к женскому университету Сунмён, а мужчина так и плелся позади. Пройдя несколько переулков, они вышли к трехстороннему перекрестку. Там, на углу, и располагался круглосуточный магазин – ее собственный маленький бизнес, где она могла еще раз угостить мужчину обедом. Госпожа Ём открыла дверь и жестом пригласила его внутрь. Он нерешительно последовал за ней.

– Добро пожаловать. Вы уже вернулись? Так скоро? – отложив телефон, с улыбкой спросила Сихён, которая там подрабатывала после учебы.

Хозяйка улыбнулась в ответ и, заметив брезгливость в глазах девушки, поспешила добавить:

– Все нормально, это наш гость.

После этих слов лицо Сихён искажилось еще сильнее. Госпожа Ём подумала лишь, что девушке еще предстоит повзрослеть, и за руку

подтащила мужчину к витрине с обеденными наборами. Бездомный все еще не догадывался, что происходит, и молча следовал за ней.

– Выбирайте что захотите. Я угощаю.

Мужчина бросил на нее вопросительный взгляд.

– Это мой магазин. Так что не стесняйтесь и берите все, что приглянется.

– Т-тогда... э-э... – растерянно пробормотал он, глядя на полки.

– Что-то не так? Нет того, чего вы хотите?

– Нет... «Обеденного набора... от Пак Чханхо».

– Это вам не GS. Ланч-бокс от Пак Чханхо продается только там. Но у нас тоже много вкусного. Попробуйте что-нибудь новое.

– Пак Чханхо, он х-хорошо делает.

Разозлившись из-за назойливого упоминания конкурентов, госпожа Ём схватила самый большой обед и протянула мужчине:

– Попробуйте этот. Называется «Сытный обед». В нем тоже много закусок и салатов, очень вкусно.

Мужчина взял упаковку и с серьезным видом принялся считать закуски. Двенадцать.

«Для тебя это и так королевский стол, дурачок», – про себя подумала госпожа Ём.

Он закончил подсчет, поднял голову и кивнул ей. Затем вышел на улицу и направился к столику, будто там ему зарезервировали место.

* * *

Обед за пластиковым столом на веранде магазина стал для него настоящим пиром. Он аккуратно открыл крышку, будто перед ним была шкатулка с драгоценностями, разделил деревянные палочки и положил в рот рис. Госпожа Ём внимательно наблюдала за его движениями, затем взяла с полки заварной суп с морскими водорослями и соевой пастой и подошла к кассе. Сихён отсканировала штрих-код, госпожа Ём залила миску кипятком и вместе с приборами вынесла на улицу.

– Суп тоже поешьте. С рисом вкуснее.

Переведя взгляд с супа на ее лицо, мужчина тут же схватил миску, не дожидаясь приборов. Сделав сначала глоток, уже в следующий миг

он опустошил половину упаковки, будто и не чувствовал, что суп горячий. Затем кивнул и снова взял в руки палочки.

Госпожа Ём принесла стакан с водой и села напротив, наблюдая, как шустро мужчина расправляется с едой. Он напоминал ей медведя, который после зимней спячки добрался до меда. На вид гость был слишком крупным для бездомного, хотя едва ли имел возможность питаться три раза в день. Может, он один из тех бедняков, которые страдают ожирением из-за дешевой высокоуглеводной еды? Или просто привык есть быстро.

– Не торопитесь. Никто ее у вас не отберет.

Пережевывая еду, мужчина поднял взгляд на женщину. Не настороженный, как прежде, а уступчивый.

– П-правда вкусный, – сказал он и посмотрел на крышку набора, – этот «Сытный обед»...

Явно не договорив, мужчина просто кивнул и снова принялся за суп. Его движения стали заметно естественнее, и госпожа Ём поняла, что он наелся и успокоился. Наблюдая, как он подносит ко рту рыбные тефтели, она почувствовала странное удовлетворение. А по его настойчивым попыткам ухватить палочками еду было видно, что он немного осмелел.

– Когда проголодаетесь, можете заходить к нам. В любое время.

Мужчина замер и с удивлением уставился на нее.

– Я предупрежу всех сотрудников, что для вас «Сытный обед» бесплатный.

– П-просрочка?

– Почему же? Свежий.

– Это роскошь. С-сотрудники ведь едят просрочку?

– В нашем магазине все едят свежее. И сотрудники, и вы будете.

Так что приходите.

Помедлив, мужчина вновь кивнул и вернулся к попыткам ухватить рыбную тефтелю. Когда госпожа Ём протянула ему ложку, гость взял ее и уставился, как шимпанзе на смартфон. Но вскоре принялся соскребать ей остатки рыбы и с довольным видом отправлять в рот, будто наконец вспомнил, как пользоваться ложкой. Похожее ощущение бывает у людей, которые вновь садятся на велосипед после двадцатилетнего перерыва.

Доев все до последней крошки, он поднял взгляд на женщину:

- Очень в-вкусно, спасибо.
- А вам спасибо за сумочку.
- Ее украли т-те двое.
- Они?
- Да, а я у них отобрал... вместе с кошельком.
- То есть вы отобрали ее у них, чтобы вернуть мне?

Мужчина кивнул и сделал глоток воды, которую она принесла.

- Да, у д-двоих я отобрал, вот они и вернулись. Но уже втроем.

При этих словах мужчина вспомнил разборку на Сеульском вокзале и злобно стиснул зубы. От их желтизны и застрявшего между ними красного перца госпоже Ём стало не по себе, но она знала, что тот просто злится из-за произошедшего. Осушив стакан, мужчина огляделся по сторонам.

- Мы г-где сейчас?
- В квартале Чхонпхадон.
- З-зеленый холм...^[7] Хорошо.

Уголки его губ, прикрытые усами, приподнялись, он встал и собрал упаковки от еды. Будто по привычке, мужчина выбросил их в контейнер для перерабатываемого мусора и снова вытер рот салфеткой, которую держал в рукаве. Затем почтительно поклонился чуть ли не в пол.

Госпожа Ём проводила мужчину взглядом и вернулась в магазин, бездомный же направился в сторону вокзала. Не успела она зайти, как Сихён набросилась на нее с расспросами. Госпожа Ём во всех подробностях рассказала, что произошло, а сотрудница слушала ее рассказ, охая то от удивления, то от беспокойства.

- Необычный мужчина. Ответственный. Так и не скажешь, что бездомный.

- А по мне, так обычный бродяга... Из кошелька ничего не пропало?

Госпожа Ём открыла кошелек. Все было на месте. Она улыбнулась Сихён и протянула ей свое удостоверение личности.

- Я сильно изменилась?
- Что вы, совсем нет. Только чуть седины прибавилось.

Госпожа Ём сама взгляделась в фотографию и поняла, что разительно отличается от женщины на снимке.

- К сожалению, он прав.

– Что? Вы о чем? – непонимающе спросила Синхён.

– Он ответственный. А ты, Сихён, тактичная.

Госпожа Ём поручила ей всегда угощать того бездомного, если он придет, и попросила передать это остальным сотрудникам. С заметным недовольством Сихён принялась печатать эту новость в групповом чате, пока госпожа Ём довольно осматривала магазин. Внезапно хозяйка поникла. Она не помнила, приходил ли кто-то, пока бездомный ел. От страха у нее пересохло во рту: «Неужели правда деменция?»

И все же сегодня ей сделали добро и она отплатила тем же. Значит, день прошел не зря.

– Так вы не едете в Пусан?

– Ой, совсем вылетело из головы.

День еще не закончился, но сегодня ей обязательно нужно оказаться в Пусане. Она ехала на похороны двоюродной сестры и планировала остаться в городе на несколько дней. Женщина положила кошелек в сумку и вновь направилась к вокзалу.

* * *

Вернувшись через пять дней, госпожа Ём сразу же наведальась в магазин. В этот момент Сихён рассчитывала молодую пару, которая взяла напитки, поэтому госпожа Ём только поприветствовала ее взглядом. Когда посетители исчезли за дверью, девушка вышла из-за прилавка и приблизилась к хозяйке магазина. После дежурных фраз о том, что за время ее отсутствия ничего не произошло, Сихён наклонилась к госпоже Ём и выпалила:

– Знаете, тот человек приходит каждый день.

– Какой? А-а, бездомный.

– Да. Он появляется здесь каждый день в мою смену, ест и уходит.

– А в смены других сотрудников?

– Нет. Только при мне.

– Видимо, ты ему приглянулась, – пошутила госпожа Ём, и Сихён брезгливо закатила глаза. – Это шутка, не переживай так.

– Но знаете, он приходит к восьми вечера, когда мы убираем старый товар.

– Что? Я же сказала давать ему свежее.

– Да, я пыталась его убедить, но он говорит, что скоро все равно умрет и ему без разницы.

– Но я же обещала ему свежее... Нехорошо получилось.

– Госпожа Ём, это невыносимо. Он вечно встанет возле прилавка и бормочет что-то, а еще от него воняет. Будто у нас в магазине лежит кусок фекалий. Покупатели сразу уходят, когда замечают его. И что мне остается делать? Я даю ему, что он просит, чтобы поскорее избавиться от него. Потом еще проветривать приходится.

– Ох, понятно.

– Мне кажется, он специально появляется в одно и то же время.

– Ответственный он.

– А вчера опоздал. Я даже испугалась: может, заболел.

Сихён выглядела так, будто правда озабочена судьбой бездомного, и госпожа Ём усмехнулась. Всякий раз при виде этой высокой стройной девушки с добрым сердцем хозяйка магазина представляла себе надувную куклу-зазывалу, какие обычно стоят возле торговых центров.

– Сихён, твоя доброта спасет мир.

– Вот вы хотели ему помочь... А вдруг он приведет с собой других? – обеспокоенно спросила та. В ней все же чувствовался стержень.

– Он не из таких.

– А откуда вам знать?

– Я разбираюсь в людях. Поэтому тебя и наняла.

– Ничего себе!

Госпоже Ём всегда нравилось спорить с Сихён, как раньше – с младшей дочерью. С одной стороны, хозяйка искренне надеялась, что девушка вскоре сдаст экзамен на государственную службу и покинет их магазин, но, с другой – было жаль расставаться с ней.

Прозвенел колокольчик на входной двери. Зашли покупатели, и Сихён вернулась за прилавок. Госпожа Ём тем временем проверила, сколько осталось ланч-боксов, и решила как-нибудь прийти в магазин к появлению бездомного. Чтобы узнать, как его зовут.

В тот вечер, вернувшись домой, госпожа Ём заснула под звуки телевизора. Разбудил ее телефонный звонок. Когда она увидела на экране «Сын», дрему как рукой сняло и подкатила тошнота. Из трубки послышался нетрезвый голос. Сын не знал о ее поездке в Пусан и, по-видимому, забыл, что завтра день рождения матери. Он говорил лишь, что любит ее, пусть и не смог стать нормальным сыном, которым она могла бы гордиться. После долгих жалоб он поинтересовался, как идут дела в магазине. Госпожа Ём ответила, что ему не о чем беспокоиться. В ответ на это сын предложил продать убыточный магазин, а деньги отдать ему на развитие бизнеса, и тогда ей ни о чем больше не придется волноваться. Не выдержав, она резко сказала:

– Минсик, разве можно так обманывать родных? Какой бизнес?

– Мам, ну ты что, мне не веришь? Разве я могу тебя обманывать?

– До самой пенсии я работала учителем истории и прекрасно знаю, как важно усваивать уроки прошлого. Ты сам помнишь, что натворил. Сам-то себе веришь после всего этого?

– Знаешь, мне так одиноко. И ты, и сестра меня бросили. Мы же семья. Как так?

– Если ты выпил, то лучше закончим наш разговор на сегодня.

– Мам...

Госпожа Ём положила трубку и пошла на кухню. Защемило в груди, сердце сжалось, она не могла дышать, будто ей в горло налили раскаленного масла. Она открыла холодильник, взяла маленькую банку пива и разом выпила, надеясь притупить боль и потушить огонь внутри. От такого она даже закашлялась, мысленно коря себя за то, что заглушает переживания из-за пьянства сына алкоголем.

Госпожа Ём была растеряна. Ей всегда казалось, что она жила уверенно и целеустремленно, логически объясняя все свои поступки. Но проблемы с детьми выбивали ее из колеи. Допустим, она продаст магазин и вложит вырученные деньги в его бизнес, легальный или нелегальный. А вдруг он обанкротится? Тогда, кроме ее двухкомнатной квартиры на третьем этаже старого домика на холме^[8], у них ничего не останется. Сын, похоже, не успокоится, пока не разорит ее вконец.

Как ни прискорбно это осознавать, но ее сын – неудачник. Невестка спустя пару лет после свадьбы поняла это и поспешила развестись. Тогда госпожа Ём сердилась на нее, однако вскоре

пришлось признать, что вся вина за неудавшийся брак лежит на сыне. За следующие три года он растратил все, что у него было, и превратился в оборванца. А что в этих условиях делает она, его мать и единственный человек, который способен ему хоть чем-то помочь? Кормит бездомного с Сеульского вокзала, а родному сыну, который ушел из дома и заливает свои проблемы алкоголем, помочь не может.

Госпожа Ём убрала пиво в сторону и стала молиться. Ведь это все, что ей оставалось: молиться и просить.

* * *

День рождения госпожа Ём провела с дочерью, зятем и своей любимицей – внучкой Чунхи. На этот раз они не стали приезжать сами, а пригласили ее в традиционный мясной ресторанчик, который расположился на первом этаже жилого комплекса в их районе.

По сравнению с этим местом квартал Чхонпхадон очень густонаселен: старые невысокие дома там буквально жмутся к студенческим хостелам с пансионом. Современная экодережня в Ичхондоне, где жила семья дочери, и простенький малоэтажный дом госпожи Ём в Чхонпхадоне различались как небо и земля, хоть и находились не так далеко друг от друга: в Ёнсане, который вслед за Каннамом вошел в тройку самых дорогих районов Сеула.

Дочь с зятем уклончиво говорили, что их квартира принадлежит банку, но к моменту, когда Чунхи пойдет в среднюю школу^[9], они планируют приобрести что-то в Каннаме. Госпожа Ём часто задавалась вопросом, кто именно из супругов увлекся такими амбициозными и агрессивными инвестициями, настолько чуждыми ее устарелым представлениям об экономике. И в конце концов пришла к выводу, что это их общий интерес. Все-таки после свадьбы дочь сильно изменилась, и зять стал настоящим главой семьи. К счастью, в отличие от непутевого сына, в доме дочери было все хорошо – за нее госпожа Ём могла особенно не волноваться. Хотя и чувствовала нутром, что после переезда в Каннам они отдалятся еще больше, не только физически.

Решение отпраздновать день рождения матери и свекрови в таком дорогом ресторане не столько ее тронуло, сколько поставило в

неловкое положение. Раньше они всегда отмечали этот праздник в закуской, где подавали свиные ребрышки и которая располагалась в окрестностях женского университета. Теперь, сидя в дорогом ресторане, госпожа Ём чувствовала себя неудобно. Подняв взгляд на внучку, она радостно улыбнулась, хотя Чунхи сидела, уткнувшись в YouTube, и не обращала на бабушку никакого внимания. Зять с дочерью обсуждали фьючерсы и инвестиции. Из их разговора госпожа Ём не поняла ни слова и потому мечтала лишь о том, чтобы скорее принесли еду. Она решила, что раз сегодня ее день рождения, то нужно просто радоваться.

Наконец блюда появились на столе. Все снова занялись кто чем: зять жарил мясо, дочь кормила внучку, а госпожа Ём ела кусочки, которые зять подкладывал ей на тарелку. Вдруг дочь взяла бокал пива и произнесла так, будто давно готовилась:

– Мама, мы решили отдать Чунхи на тхэквондо.

– Девочку – на тхэквондо?..

– Мам, а при чем тут это? Что мешает ей заниматься? Недавно Чунхи пришла домой и сказала, что ее задирали мальчик. Она сама захотела научиться давать таким хулиганам отпор.

Дочь права. Госпожа Ём расстроилась: похоже, она мыслит слишком старомодно. Зять решил не вмешиваться, а пока госпожа Ём размышляла, дочь уже опустошила бокал. Госпожа Ём перевела взгляд на внучку и улыбнулась:

– Чунхи, ты хочешь заниматься тхэквондо?

– Да, – ответила девочка, не отрывая взгляда от экрана телефона.

– Мам, говорят, в твоём районе есть очень хорошая школа. Тренера все хвалят. Он молодой, в резерве национальной сборной. И мыслит правильно... Он очень известен в нашем местном клубе мам.

– Клубе мам?

– «Сообщество матерей восточного Ичхондона». В интернете.

– А тренер точно в своём уме? Вместо того чтобы открыть школы в вашем богатом районе, он ютится в переулках Чхонпхадона.

– Он собирался. Просто тут очень дорогая аренда. А нам некогда ждать, так что отдадим туда, к тебе. Нам понадобится твоя помощь.

Внезапно мягкая говядина из модного ресторана в экодеревне Ичхондона перестала жеваться. Конечно, госпожа Ём всегда была рада провести время с Чунхи, но ей бы хотелось самой выбирать когда.

На два часа между занятиями тхэквондо и уроками скрипки дочь хотела поручить Чунхи бабушке. А чтобы внучка не перепутала автобус, госпожа Ём должна была водить ее на музыку сама. Для обычной бабушки на пенсии это не составило бы большого труда, но госпожа Ём вовсе не обычная бабушка. Она занималась магазином, ходила на церковные службы и учила английский, чтобы замедлить деменцию. А теперь получается, что ей придется отодвинуть свои дела на задний план, если они совпадут с планами дочери и зятя.

Однако госпоже Ём ничего не оставалось, кроме как согласиться. О вознаграждении она не спрашивала: знала, что дети уже подумали об этом.

По пути домой в автобусе она вспомнила всех сотрудников своего магазина. Они стали ей ближе, чем семья – непутевый сын и зазнававшая дочь. Если бы та услышала мысли матери, обязательно сказала бы, что в бизнесе нельзя слишком сближаться с работниками. На самом же деле ничего плохого в этом не было. Они ничего у нее не просили, а она не нагружала их лишней работой. Госпожа Ём успокоила себя мыслью о том, что хотя бы на сотрудников магазина она еще могла положиться.

В первой половине дня магазином занималась госпожа О, с которой они дружили уже двадцать лет и ходили в одну церковь. Она, словно старшая сестра, делила с госпожой Ём все горести и радости.

Днем работала Сихён. К ней хозяйка относилась как к дочери или племяннице, о которой хочется заботиться. За исключением пары ошибок в чеках, за целый год к ней не было никаких претензий, а ведь даже год работы в круглосуточном магазине, где всегда большая текучка кадров, – это уже немало.

Но самым верным сотрудником госпожи Ём стал Сонпхиль, заступавший на смену по вечерам. Он попросился в магазин два года назад, сразу после открытия. Сонпхиль жил неподалеку, в полуподвальном помещении. Растил двоих детей и часто заглядывал в магазин за сигаретами. Когда госпожа Ём повесила объявление о поиске сотрудника на ночную смену, Сонпхиль сразу же поинтересовался, подходит ли он на эту должность. По его словам, с предыдущего места его уволили, а новое он никак не мог найти, поэтому перебивался ночными подработками, чтобы хоть как-то хватало на жизнь. Понимая, какая ответственность лежит на главе

семьи, госпожа Ём добавила к его почасовой оплате еще пятьсот вон. А когда новое правительство резко повысило минимальную почасовую оплату труда, он стал получать больше двух миллионов вон в месяц. В конце концов, Сонпхиль работал в самые тяжелые, ночные смены, которые нарушают все жизненные ритмы.

Однако что в ее понимании значило «ближе, чем семья»? Как начальница, она хотела, чтобы они работали в магазине и дальше. И все-таки, если бы Сонпхилью, который хотел бы снова найти постоянную работу в компании, и Сихён, мечтавшей о государственной службе, подвернулся шанс, она бы со спокойной душой их отпустила. Иногда госпожа Ём даже находила для Сихён разные вакансии. Но девушке не удавалось продержаться и дня: она снова возвращалась в магазин и говорила, что, похоже, ее время еще не пришло.

По выходным в магазине подрабатывали студентки из университета по соседству. А бывало, выйти на смену было совсем некому, и тогда помогала молодежь из церкви. Когда появлялся человек, готовый задержаться на пару дней, у госпожи Ём становилось меньше забот и она могла на время отвлечься от главной проблемы малого бизнеса – поиска сотрудников. С удивлением она замечала, что и ставшие родными сотрудники, и студенты, которые приходили на время, чувствовали, как ответственно она относится к делу, и оберегали магазин.

Все бы хорошо, вот только торговля шла с трудом. Себя госпожа Ём прокормила бы и благодаря учительской пенсии, однако после смерти мужа по совету младшего брата, который управлял тремя круглосуточными магазинами, решила открыть такой же. Тут кстати пришлось наследство, полученное от супруга. Брат твердил, что нужно постоянно расширяться и стремиться к процветанию, но госпоже Ём хватало и одной лавки. На жизнь ей было достаточно пенсии, а магазин скорее помогал сотрудникам оставаться на плаву. Поначалу она не понимала, что круглосуточный нужен не столько ей, сколько тем, кто в нем работает: без него госпожа О и Сонпхиль не имели бы средств к существованию, а Сихён не могла бы оплачивать учебу. И только осознав это, госпожа Ём взялась за магазин всерьез.

Поначалу дела шли неплохо, но через полгода в окрестностях открылись еще два круглосуточных сетевых магазина. Они начали

конкурировать между собой: пытаясь обогнать друг друга, устраивали сумасшедшие акции – вот тогда в спокойном магазине госпожи Ём продажи упали.

У нее и в мыслях не было заработать на круглосуточном миллионы, беспокоило лишь, что если магазин разорится, то сотрудники останутся ни с чем. А долго ли их маленькое предприятие продержится в условиях такой конкуренции, она не знала.

* * *

На следующий день госпожа Ём пришла ко времени, когда магазин выбрасывал просроченную еду, и увидела, как бездомный убирает веранду. На улице было уже довольно прохладно. Он наклонялся, подбирал окурки, бумажные стаканчики, пивные банки. Больше всего ее удивило, как тщательно и вдумчиво он сортировал мусор.

В какой-то момент вышла Сихён, держа в руках обед, поставила его на стол и подала знак бездомному. Увидев девушку, он поклонился, Сихён поклонилась в ответ, на что тот снова повторил свое приветствие. Только после этого мужчина повернулся и заметил госпожу Ём.

– Ой, здравствуйте, – поздоровалась с ней Сихён.

– Отнесла ему ланч-бокс?

– Да, он еще и с уборкой помог. Очень вовремя, – улыбнулась Сихён и зашла в магазин.

Взгляд госпожи Ём вновь упал на бездомного. Кивнув ей, он открыл коробку с едой. Она молча села напротив. По-видимому, Сихён разогрела «Сытный обед» в микроволновке: от него исходил пар. В присутствии госпожи Ём мужчина немного опешил. Только когда она жестом пригласила его приступить к еде, он взял в руки палочки и достал из кармана куртки наполовину пустую зеленую бутылку с сочной.

Открыв крышку, мужчина вылил напиток в бумажный стаканчик. Госпожа Ём не возражала и просто наблюдала за тем, как он ест. Вскоре он перестал обращать на нее внимание и сосредоточился на еде.

Когда гость почти закончил, госпожа Ём сходилa в магазин за двумя банками теплого кофе. Затем снова села напротив и протянула одну ему. Мужчина с благодарностью принял ее и тут же опустошил, будто там была вода. Госпожа Ём тоже выпила.

Казалось, вся осенняя унылость растворилась в теплых каплях напитка. Летом многие жалуются, что посетители пьют пиво, курят, шумят и оставляют после себя горы мусора, и все же уличные столы служили укромным уголком, где жители района могли расслабиться. Поэтому госпожа Ём не избавлялась от них, несмотря на жалобы посетителей и сотрудников.

– П-похолодало...

Внезапно услышав голос мужчины, госпожа Ём удивилась, будто перед ней был призрак. Пока мужчина ел, он не проронил ни слова, поэтому она подумала, что он не настроен разговаривать, и отказалась даже от идеи узнать его имя. Но теперь ее интерес снова проснулся.

– Да, правда... Вы так и останетесь на вокзале?

– Из-за п-погоды придется...

«Интересно...» – Она вдруг заметила, что он будто стал меньше заикаться, да и голос больше не напоминал рев медведя. Может, приходя к ним поесть, он стал понемногу привыкать к обществу? И раз уж так вышло, госпожа Ём решила попробовать узнать у него все, что ее волновало:

– Вы едите только раз в день? В нашем магазине?

– Хожу в церковь о-обедать, но мне не нравится, когда там заставляют петь.

– Ясно. А где ваш дом? Вы не думали вернуться?

– Н-не знаю...

– А как вас зовут?

– Не знаю.

– Не знаете своего имени? А возраст? Чем раньше занимались?

– Н-ничего не знаю.

– Ох.

Спросить-то она спросила, только какой толк? Даже мудрая и чуткая госпожа Ём не могла понять, правду он говорит или притворяется. Однако решила не сдаваться. Все же ей надо к нему как-то обращаться.

– И как тогда мне вас называть?

Вместо ответа он глянул в сторону вокзала. Может, захотел скрыться? В единственном знакомом месте, где ему комфортно. Но затем он повернул голову и посмотрел прямо на госпожу Ём.

– Ток-ко.

– Токко?

– Токко... Все т-так меня зовут.

– Это имя или фамилия?

– Просто Токко.

– Понятно, – вздохнув, кивнула госпожа Ём. – Токко, не забывайте приходить к нам каждый день. Позавчера вы припозднились, мы переживали.

– Н-не надо п-переживать.

– Если человек всегда приходит в одно и то же время и однажды задерживается, как тут можно не беспокоиться? Так что не опаздывайте. Приходите поесть, и можете, как сегодня, в виде небольшой разминки прибраться перед входом.

– Если потеряете к-кошелек, говорите.

– Ладно.

– Я снова его найду и верну вам. Б-больше мне отплатить нечем.

– Я правильно вас понимаю? Вы хотите, чтобы я снова потеряла кошелек?

– Н-нет, терять не надо. Я, это, имею в виду, н-нужна будет помощь – говорите.

Госпожа Ём испытывала смешанные чувства: одновременно восхищение и отчаяние. Она не настолько нуждалась в помощи. Или, может, ее магазин даже бездомному кажется жалким?

Глядя ему в глаза, она решила закончить этот разговор:

– Токко, помогите сначала себе!

Мужчина смиренно склонил голову. Он казался обескураженным.

– Я кормлю вас и хочу как-то помочь, но не могу позволить, чтобы вы здесь выпивали. «Сытный обед» – еда и идет вам на пользу, а алкоголь – яд.

– О-одна бутылка – это же ни о чем.

– Какая разница? Я человек с принципами. Эти столы – моя собственность, и я не позволю распивать здесь спиртные напитки.

Токко стало неловко. Он перевел взгляд на бутылку сочной и аккуратно взял ее в руки. Госпожа Ём испугалась, не взбредет ли ему в

голову ударить ее, но он всего лишь положил ее на упаковку из-под ланч-бокса и направился к контейнерам для отдельного сбора мусора. Госпожа Ём вздохнула с облегчением. Вернувшись, мужчина вытащил из куртки отвратительную измятую салфетку, вытер столик и кивнул хозяйке на прощание. Госпожа Ём проводила его глазами.

«Токко. Кажется, это означает «одинокий»? «Сирота»? Даже его имя звучит печально».

Глядя на его понурый удаляющийся силуэт, она решила какое-то время не думать о нем.

* * *

– Извините, но мне придется срочно уволиться, – сообщил ей Сонпхиль, едва придя в магазин и застав их за разговором с Сихён.

Госпожа Ём сильно растерялась, услышав его слова. Сонпхиль провел рукой по редющим волосам и сказал, что через знакомого устроился водителем к владельцу небольшого бизнеса. Грустным, но дружелюбным взглядом он просил ее понимания, так как на новую работу ему нужно было выходить через три дня.

Найти сотрудника на ночные смены труднее всего. Последние полтора года с этой работой успешно справлялся Сонпхиль, и она могла не беспокоиться, только вот теперь... ей придется подбирать замену. И даже если удастся кого-то подыскать, вряд ли этот человек задержится надолго, так что временами в ночные смены ей придется выходить самой. От одной мысли об этом у нее разболелась голова.

Однако госпожа Ём вспомнила, что собиралась поддержать сотрудника, если он найдет другое место. Она поблагодарила Сонпхилья за хорошую работу и пообещала премию. Тот с благодарностью дал слово усердно трудиться оставшиеся три дня.

– Вы лучший начальник, – сказала Сихён, когда Сонпхиль ушел в кладовку, чтобы надеть рабочую жилетку.

– Сихён, и ты сдавай свой экзамен скорее. Костюм на работу я тебе куплю.

– Правда? И дорогой купите?

– Новичкам в шибко дорогих вещах ходить не положено. Куплю что-нибудь неброское. Так что учись.

– Хорошо.

– Но сначала мне нужно найти кого-то на замену Сонпхилу. Пспрашивай среди своих друзей. А я в молодежном собрании церкви узнаю.

– А бонус за это полагается?

– Конечно. А если не найдешь, то сама выйдешь.

– Не хочу.

– Если за три дня никого не найдем, то либо тебе, либо мне придется. Госпожа О не сможет из-за сына, так что никого не остается, кроме нас. Да и как думаешь, сможет пожилая женщина ночью охранять магазин и выставлять товары на полки?

Услышав объяснения хозяйки, Сихён закатила глаза и ответила:

– Спрошу, у меня друзей много.

– Только скажи, что у тебя отличная начальница.

– Обязательно.

* * *

Госпожа Ём тоскливо взглянула на горы коробок с товарами. И зачем она столько заказала, когда торговля идет плохо? Внутренне коря себя за это, женщина взялась их передвигать. Доставщик выгружал коробки у входной двери, а дальше на склад их переносили сотрудники магазина. Однако, взяв несколько коробок, она почувствовала, как ноги задрожали. Доставщик тем временем вынес последние несколько штук и удалился, а госпожа Ём, тяжело вздыхая, так и смотрела ему вслед.

Уже неделя прошла после того, как уволился Сонпхиль, но найти сотрудника на ночную смену до сих пор не получилось. На первое время добровольцем вызвался молодой человек из церкви, который через несколько месяцев собирался уйти в армию. Только уже через пару дней он ретировался под предлогом, что родители против таких подработок. Госпожа Ём подумала, что в армии ему придется нелегко, однако больше ее волновала судьба магазина в ночное время.

Следующие три ночные смены ей пришлось выходить самой: в последний момент оказалось, что у Сихён рано утром лекции на станции «Норянчжин»^[10]. Вот хитрюга! Хотелось бы проверить, так ли старательно Сихён учится. Ведь госпожа Ём – учитель и с

закрытыми глазами могла бы ответить на все вопросы по истории из ее теста, а заодно помочь разобраться в теме. Но Сихён упорно отказывалась, объясняя, что ей хотелось бы воспринимать госпожу Ём исключительно как начальницу. Видимо, из-за подработки в магазине у Сихён совсем не остается времени на учебу.

Снова госпожа Ём напрасно побеспокоилась о других. Днем позвонила сыну и только разозлилась на него. Неудачник! С одной стороны, он безработный. С другой, заявляет, что такому высококвалифицированному специалисту, как он, не подобает работать продавцом по ночам. Более того, говорит ей, что нечего жаловаться, раз она сама не захотела продать магазин. И в завершение предлагает ей утром оформить сделку, вложиться в его новое предприятие и жить спокойно. Сын не то что не протянул руку помощи, а скорее дал пощечину. Госпожа Ём бросила трубку со словами, что от магазина он даже жвачки не получит. Затем выпила пива, легла спать и проснулась от звука будильника: пора сменять Сихён. Из-за непутевого сына она стала чаще пить. Подобает ли это верующему человеку? Почему Бог посылает ей такие испытания с сыном и склоняет к алкоголю? Никому не ведомо.

Когда она перенесла все коробки на склад и закончила проверять их, перевалило за полночь. Пора было выставлять товар на полки. Словно белка, собирающая желуди, она носилась между складом, полками и входом еще три часа. Закончила к четверем часам утра. Опершись на прилавок, госпожа Ём сильно зажмурила глаза и зевнула. Может, и хорошо, что посетители в это время еще не приходят. Или все же дурной знак? Ведь отсутствие клиентов никак не сулит магазину успеха.

Внезапно зазвенел колокольчик на входе и, перекрикивая друг друга, в магазин ввалилась компания подвыпившей молодежи. На вид им было чуть за двадцать. Пара девушек с крашеными в желтый и фиолетовый волосами постоянно ругалась и шумела, а двое молодых людей открыто заигрывали с ними. На студенток университета Сунмён они не очень походили – скорее всего, приехали из бара у станции «Намён».

- Вот черт, тут нет мороженого в форме рыбок.
- «Саманко»? Есть, ты чего? Со сладким рисом.
- Фу, не люблю я этот липкий рис. Вообще не мое.

– Ну и дура. Ищи тогда другое. А я буду мороженое с бобами^[11].

– Ты знаешь, что означает «Саманко»? Дешево и много.

– Ты что, все еще его ищешь? А моего тут нет. Черт, так его хотелось.

Смешанная с руганью болтовня молодых людей испортила настроение госпоже Ём.

«Нужно сдерживаться. Что их, пьяных, поучать? Все равно без толку».

– О! Смотри, «Пабамба», бери его!

– Ты совсем, что ли? Это с каштаном, а не с бобами!

– Хочешь с бобами – возьми обычное патпинсу^[12]. Вот тут есть!

– Холодрыга, кто этот лед ест в такую погоду? Тупица!

– Так, давай уже помолчи! Ну-ка иди сюда...

– Так, товарищи студенты! – громко сказала госпожа Ём, не в силах больше терпеть. – Здесь у нас не ругаются, покупайте скорее и идите домой.

Госпожа Ём не выносила брань подростков. Пусть даже они не ее ученики, да и на благополучную молодежь не очень походили.

В итоге компания выпившей шпаны с недовольными лицами приближалась к ней. Госпожа Ём занервничала.

Девушка с желтыми волосами плюнула на пол и крикнула:

– Эй, бабуля, у тебя что, лишние жизни образовались?

– Наглеть начали вы. На камерах все есть, – стараясь сохранить самообладание, предупредила госпожа Ём.

В этот момент девушка с фиолетовыми волосами бросила на кассу мороженое.

– Рассчитывай нас. А то в глаз получишь!

Девушки усмехнулись и пригрозили кулаком госпоже Ём, а молодые люди за их спинами дурачились. Но она не собиралась отступать.

– Я вам не продам. Уходите. Иначе вызову полицию.

В этот момент желтоволосая взяла упаковку мороженого и стукнула им по голове госпожи Ём. Глаза женщины округлились. Она стояла в смятении, не зная, что делать.

– Что ты там сказала, бабуля? Товарищи студенты? Какие мы тебе студенты? Для стариков с маразмом мы все студенты. А я вот не учусь. Меня исключили за то, что я врезала такой же училке, как ты.

Когда желтоволосая вновь собиралась ударить ее печенъем, госпожа Ём успела как можно крепче схватить ее за запястье.

– Ты нарываешься!

Выкрикивая ругательства, девушка пыталась освободиться, но безуспешно. Только когда госпожа Ём отпустила ее руку, девушка отскочила в сторону. В этот момент на помощь ей пришла подруга с фиолетовыми волосами. Она вцепилась в плечи госпожи Ём, старушка же инстинктивно схватила соперницу за волосы и прижала к кассе, где лежало их мороженое.

– А то в глаз получу? Теперь *так* разговаривают со взрослыми?

Госпожа Ём оттаскала девушку за волосы и отпустила, и та, накричавшись, закашлялась. Лица молодых людей помрачнели. Госпожа Ём схватила трубку стационарного телефона и положила на стол: так звонок сам переведется на ближайший полицейский участок.

– Смотрите, бабуле жить надоело!

Внезапно один из парней налетел на нее, чуть не сломав кассу. Видя, что хозяйка испугалась и попятилась, нападавший усмехнулся и положил трубку на место.

– Думаешь, мы не подрабатывали в ночные смены в магазине и ничего не знаем? Полицию решила вызвать?

Она совершила ошибку. Нужно было нажать на экстренную кнопку на терминале оплаты, а не братья за телефон. Парень вновь усмехнулся и позвал товарищей:

– Эй, давайте! Разберитесь с камерой! И деньги не забудьте!

По телу госпожи Ём пробежала дрожь, она не могла пошевелиться. Молодые люди с остервенением орали, а девушки подбежали к кассе. Руки госпожи Ём затряслись от ужаса. В этот момент колокольчик на входе оповестил о новом посетителе.

– Эй, ублюдки! – словно гром, прозвучал чей-то голос.

Взгляд подростков тут же устремился к двери. Подняв голову, госпожа Ём увидела, что там стоит Токко. Точно он!

– С-со взрослыми так себя вести! – прокричал он.

Теперь Токко больше не напоминал больного, бормочущего себе под нос бездомного медведя. Госпожа Ём восхищенно наблюдала за своим спасителем. Но хулиганскую шайку он напугал не сильно.

– А это что за отброс? И пахнет так же.

– Пошел ты! Бездомный, что ли? Вали отсюда.

Двое парней одновременно бросились на Токко. А тот старался уклоняться от их атак, стоя в дверях. Поскольку бездомный только защищался, нападавшие стали бить его еще яростнее. Токко сел на корточки, напряг все тело и замер.

Драку прервал приближающийся звук сирены. Первыми услышали его девушки. Молодые люди в растерянности хотели бежать, но Токко, словно стена, встал перед ними, преграждая путь к отступлению.

– Подвинься! Подвинься, сукин сын!

Завидев двух полицейских, подростки перестали кричать, и сердцебиение госпожи Ём наконец успокоилось. Токко медленно поднялся, освобождая путь полицейским, и только тогда она заметила, какая у него широкая и крепкая спина. На мгновение он повернулся и хмуро улыбнулся хозяйке магазина. Госпожа Ём впервые видела его улыбку. Казалось, он совсем не замечал, что его лицо залито кровью.

* * *

Когда полиция позвонила одному из родителей хулиганов, явился мужчина средних лет. Завидев опухшее, разбитое лицо Токко, он предложил бездомному денег. Но, к его удивлению, тот выдвинул другое требование. Он подошел к нападавшим, которые уже начинали трезветь, и приказал поднять руки. Те поначалу колебались, пока отец не пригрозил им, после чего послушно подняли руки, прямо как ученики младших классов^[13].

Рано утром госпожа Ём и Токко вышли из полицейского участка и направились в сторону рынка Намдэун. Пройдя мимо торговцев, готовящихся к открытию, они завернули в переулок, в котором было небольшое кафе. В нем подавали суп от похмелья^[14]. С пластырем на лице Токко смело поднес ко рту ложку супа с говяжьей кровью, а госпожа Ём с расстроенным видом смотрела на приборы.

– Такая молодежь сейчас пошла жестокая... Когда они такими стали?

– С-с двумя я могу справиться. Я же говорил, – сказал Токко, пальцем указав на пластырь, будто это была его медаль.

Госпожа Ём собиралась что-то возразить, но передумала. В конце концов, он защищал ее. Она горько улыбнулась и посмотрела на Токко:

– Спасибо. Хочу поблагодарить вас.

– Можно едой?

– Конечно. А почему вы вдруг пришли?

– Слышал, что в-вы работаете по ночам. Не мог уснуть, беспокоился... вот и пришел.

– Ох. Я тоже за вас переживала.

Токко почесал затылок, будто смутившись, а потом снова принялся за еду.

– Вы так смело дали им отпор. Похоже, много дрались в детстве. Но я не ожидала, что вы умеете так хорошо уклоняться. К счастью, полиция подросла, иначе они могли бы ранить вас.

– Это я в-вызвал.

– Вы?

– Тут рядом есть т-таксофон. Я увидел, что тут проблемы, и сразу позвонил. Но не стал драться, знал, что полиция приедет.

Госпожа Ём от изумления открыла рот. Токко не только ответственный, но и умный. Ходил возле магазина, наблюдал, а потом вступился за нее. Его поступок тронул ее и восхитил. Он снова почесал голову и принялся за суп.

– Может, закажем выпить?

– Вы серьезно? – Маленькие глаза Токко округлились.

– Но это последняя. Пообещайте. И с этих пор начнете присматривать за магазином?

– Я?

– Вы сможете. Сейчас холодает, будете проводить ночи в тепле. И денег заработаете. Красота.

Госпожа Ём смотрела в глаза Токко и ждала ответа. Он глянул в сторону и в замешательстве стиснул зубы, а потом его маленькие глаза снова обратились к ней.

– Почему вы так д-добры ко мне?

– Так и вы ко мне тоже. К тому же я боюсь одна работать по ночам. Можете мне помочь.

– Вы ведь д-даже не знаете, кто я.

– Как же? Знаю. Тот, кто меня вытащил из беды.

– Да я и сам не знаю, кто я... Как вы сможете мне доверять?

– До ухода на пенсию я работала учительницей в старшей школе, за это время повстречала десятки тысяч учеников. Я разбираюсь в людях. Вам надо только бросить пить, и все будет хорошо.

Некоторое время Токко сидел, чесал бороду и кусал губы. Да, предложение неожиданное, но было бы неприлично отказаться. Госпоже Ём так и хотелось сказать, чтобы он перестал трогать лицо и скорее дал ответ.

Наконец Токко взглянул на нее, по-видимому приняв решение:

– Тогда м-можно еще одну? А то обидно бросать пить после одной бутылки.

– Так и быть. После еды сходите в баню, вымоетесь, побреетесь. Я заплачу. И одежду вам купим. А вечером приходите в магазин.

– С-спасибо.

Госпожа Ём заказала две бутылки сочжу. Откупорив первую, она протянула ее Токко, затем наполнила свою рюмку.

Когда они подняли рюмки, договор был заключен.

Глава 2

Как общаться с проблемными покупателями

Незаметно круглосуточный магазин стал последней из многочисленных подработок Сихён. Она сама часто делала покупки в таких магазинах, поэтому приспособилась легко, а навыки, полученные на предыдущих местах, пришлись кстати. В салоне красоты Сихён научилась обслуживать посетителей и работать на кассе. В компании по доставке – сортировать товары, что помогало ей теперь расставлять их по полкам. В сетевой кофейне изучила руководство по общению с проблемными покупателями, которых все

сокращенно называли «ПП». А в закусочной-барбекю отработала эти навыки на посетителей, которые иногда обвиняли ее в том, что она пережарила мясо.

В магазине все эти навыки найдут применение, поэтому, когда она пришла на собеседование, ее в тот же день взяли на работу. Девушка работала ежедневно по восемь часов – с двух до десяти, а в оставшееся время готовилась к экзаменам на государственную службу. Главная причина, по которой она задержалась в этом магазине, – хорошая начальница. Ведь это самое важное. Госпожа Ём, которая ушла на пенсию с должности учителя истории в старшей школе, стала для нее не просто руководителем: она заставляла девушку размышлять.

Вдобавок большинство круглосуточных магазинов не берет сотрудников на пятидневную подработку, чтобы не платить еженедельное пособие. Обычно нанимают на две-три смены в неделю. Но здесь все работали пять дней. Кроме того, госпожа Ём тщательно определяла круг обязанностей каждого, уважительно относилась к работникам и была для всех примером.

«Если начальник не уважает сотрудников, то и они его не станут уважать», – хорошо усвоила Сихён, выросшая в семье рестораторов. В магазине тоже работают люди. И если начальник не уважает сотрудников, а они – покупателей, то результат предсказуем: разорение. Уже благодаря этому магазин в Чхонпхадоне не обанкротится. Конечно, торговля шла плохо. В окрестностях появились два конкурента, а среди местных были в основном пожилые люди, которые предпочитали закупаться на рынках. И хотя есть еще студентки из Сунмёна, магазин стоял не совсем по пути в университет. Так что оставались только те, кто жил отдельно или снимал комнату в хостелах с пансионом.

Зато в таких условиях Сихён работалось спокойно. Как она могла уйти из круглосуточного, который был ей так удобен? Чувствуя лишь какую-то необъяснимую вину перед госпожой Ём, девушка встречала посетителей со всем дружелюбием. Ведь магазин до сих пор держался на плаву только благодаря постоянным посетителям.

И все же даже у такой подготовленной к проблемным покупателям сотрудницы, как Сихён, нашелся один, которого она не выносила. Худощавый мужчина лет сорока пяти с противно

выпученными глазами сразу стал обращаться к ней на «ты», бросал деньги на кассу, чем очень ее злил. Он относился к Сихён как к аппарату, на котором можно выбрать товар и получить чек. Спорить с ним не было смысла, потому что он тут же указывал ей на ошибки, отчего девушке становилось еще обиднее. Однажды он принес на кассу две упаковки печенья по акции 1+1. Но когда она объяснила ему, что акция закончилась накануне, он окинул ее подозрительным взглядом и сказал:

– Почему тогда не сняла объявление? Я мучился, выбирал, а теперь, значит, все впустую? Попробуй еще раз.

– Не получится. На объявлении указаны сроки акции. Если вы посмотрите...

– У меня дальновзоркость. Как я должен разобрать эти крохотные буквы? Мне уже за сорок, в этом возрасте мы все плохо видим вблизи, так что надо было крупнее писать! Что это за дискриминация? В качестве извинения пробивай мне два по цене одного.

– Прошу прощения, но это невозможно.

– Я вообще не ем печенье. Сигареты тогда.

– Какие вам?

– Как обычно. Я каждый день беру одни и те же, а ты все никак не запомнишь? Что за отношение к постоянным клиентам? Пф-ф.

Сначала обвинил девушку в том, что не сняла объявление об акции, затем тут же пристыдил, когда она осмелилась спросить, какие ему нужны сигареты, хотя прекрасно знала. На самом деле первого бы не случилось, не будь он дальновзорким, а второе не такая уж и ошибка. Но этот мужчина, казалось, использовал любую возможность, чтобы поскандалить и выместить гнев.

Он кинул ей деньги на кассу, взял сдачу, сел за стол возле магазина и закурил сигарету. Очевидно, надпись «Курение запрещено» его нисколько не смущала. Кинув окурки на землю, мужчина удалился. Он будто наслаждался своим хамским поведением, постоянно указывая на чужие ошибки, которые и ошибками-то не были. Здесь Сихён столкнулась с самым проблемным покупателем из всех, кого знала. Настоящим ПП.

С восьми до девяти – обычно мужчина навещался в это время – на душе у Сихён всегда становилось беспокойно. Когда звенел колокольчик и перед ней появлялось лицо этого мужчины с

выпученными, как у рыбы-молота, глазами, ее сердце начинало бешено колотиться и успокаивалось только после его ухода. Каждый раз Сихён переживала, гадая, из-за чего он решит повозмущаться сегодня... Благо в остальное время все было спокойно. Сихён говорила себе, что многие так живут, например те, кому не повезло с соседями, с которыми иногда приходится встречаться против воли.

* * *

Холодным осенним вечером госпожа Ём пришла в магазин с каким-то мужчиной. Сихён открыла рот от изумления. Она не сразу поняла, кто перед ней, ведь раньше значительную часть его лица скрывала борода. Прежде это лицо напоминало неухоженный луг с сорняками, торчащими в разные стороны, но теперь мужчина выглядел не как бездомный, вызывающий отторжение, а как приличный дальний родственник. Токко постригли, а вместо старой куртки и хлопчатобумажных брюк, которые будто стирали в канаве, на нем была широкая рубашка и джинсы. Перед Сихён стоял совсем другой человек. Хотя глаза Токко казались маленькими, выразительный нос и волевой подбородок делали его мужественным. Еще больше внушительности этому облику придавала осанка, широкие плечи и спина, которые обращали на себя внимание, едва он переставал сутулиться.

Госпожа Ём с гордостью представила обновленного Токко, будто демонстрировала свое изобретение, и сказала, что теперь он будет работать в ночные смены. Ну и ну! Внезапно удивление Сихён сменилось раздражением, тучи сгущались: вдруг хозяйка поручит обучать его всему? Только не это! Хотя в просьбе ведь можно и отказать...

Сихён сказала, что у госпожи Ём больше опыта в этом вопросе, но ее замечание осталось без внимания. По мнению хозяйки, у девушки лучше получится объяснить, как общаться с клиентами и работать с кассой, а сама она научит принимать товар и расставлять его на полки. Ничего не поделаешь, пришлось согласиться. И Сихён, и госпожа Ём должны помочь Токко влиться в работу как можно быстрее: хозяйка не могла все время выходить в ночные смены.

По правде говоря, Сихён не отличалась ни приветливостью, ни заботливостью. Она скорее одиночка, так что друзей у нее было немного. Вдобавок училась не блестяще, окончила университет и готовилась сдавать экзамен на чиновника девятого разряда. Ей светила весьма посредственная работа, под стать характеру. Вот только проблема в том, что в последнее время госслужащим решил стать едва ли не каждый. Все ее целеустремленные друзья, которые со своими прекрасными резюме могли бы достичь куда большего, ринулись сдавать этот экзамен, потому что госслужба обещает надежность. Конкуренция возникла огромная.

«Вы же так хорошо умеете налаживать связи, учились за границей – и все равно отказываетесь от перспектив ради какой-то скучной госслужбы? Можно оставить эту рутину мне, я-то привыкла жить посредственно», – размышляла Сихён.

Благодаря круглосуточному магазину она представила, что ждет ее в будущем. Окончив университет и не найдя работу, девушка испробовала себя в разных местах, пока не обосновалась тут. Только теперь в ее жизнь вошла размеренность: утром – занятия, потом она ехала на метро до станции «Намён», работала в магазине и возвращалась в Садандон. Родители не понимали, почему нельзя найти подработку в своем районе, но ей претила даже мысль о том, что знакомые и друзья увидят ее за кассой. К тому же в Чхонпхадоне жил молодой человек, в которого она была тайно влюблена. Вместе с ним она несколько раз здесь гуляла, и теперь с этим районом у нее связаны приятные воспоминания: кафе «Вафл хаус» со вкусным клубничным мороженым, их встречи, отдаленно напоминавшие свидания... Однако внезапно он уехал в Австралию на лето по студенческой программе «Работай и путешествуй». Прошло уже несколько лет, а он все еще не вернулся. Может, женился на какой-нибудь крупной австралийской женщине или решил посвятить свою жизнь спасению кенгуру, пока на подработках подкармливал их.

Как бы то ни было, круглосуточный магазин на углу одного из переулков Чхонпхадона казался ей самым надежным местом. У нее и мысли не возникало бросить его, во всяком случае пока она не сдаст экзамен. Сихён еще больше утвердилась в своих намерениях, когда рухнули ее планы на стажировку в Японии. Она ведь тоже задумала уехать, после того как молодой человек покинул ее и больше не писал.

Конечно, выбор пал на эту страну, потому что она отучилась на отделении японской литературы и обожала аниме. Но поездку Сихён всячески откладывала... А в июне этого года пришли неутешительные новости: торговые войны сильно ухудшили корейско-японские отношения. Ее план Б потерпел крах вместе с мечтами о том, как она, став госслужащей, по выходным сможет путешествовать по японским провинциям.

Только когда от поездок пришлось отказаться, Сихён почувствовала себя частью корейского общества. Раньше ей казалось, что она далека от тех, кто выходит на демонстрации со свечами^[15], добиваясь отставки президента, или на главной площади болеет за национальную сборную по футболу. Каждый ее день проходил перед монитором в углу собственной комнаты. «Нетфликса» и соцсетей вполне хватало, чтобы соприкоснуться с миром и наслаждаться жизнью. Такое же спокойствие Сихён нашла в теплице под названием «Все для вас». Возможно, поэтому в голову стала закрадываться мысль бросить идею с госслужбой и остаться здесь. Ведь, если подумать, госслужба – тот же магазин, только размером побольше. А привычное убежище во что бы то ни стало нужно защищать. Поэтому в круглосуточном магазине она искала общий язык с ПП, стремясь сделать жизнь комфортнее для всех...

И именно поэтому Сихён помогала Токко измениться. Принося ему просроченный «Сытный обед», она радовалась, что совершает добрый поступок. И все-таки ей не очень хотелось заниматься его обучением и сближаться. Нужно было привыкнуть к тому, что он заикается, приспособиться к его медлительности. Да, он вымылся, но от него все равно тянуло запахом бездомного.

Токко с усердием внимал всему, что говорила ему Сихён. В непонятно откуда взявшейся тетрадке он, вытирая размазавшиеся чернила, записывал, как надо встречать покупателей, и даже зарисовал схему раскладки товаров. Видя его старания, Сихён набиралась терпения и продолжала обучать нового сотрудника. Когда посетители здоровались, девушка толкала локтем замешкавшегося Токко, и он тихо приветствовал их чем-то наподобие «Д-добрый...». Всякий раз людям казалось, что он просто общается с Сихён, она же, тяжело вздохнув, вела его к кассе и не торопясь показывала, что делать там. А

он стоял рядом и по-прежнему внимательно смотрел, пока не смея повторить за ней.

– Сегодня тебе поможет хозяйка, но с завтрашнего дня уже будешь работать один. Так что запоминай.

– Ясно... Почему за два товара одна цена?

– Доверь это компьютеру. В программе есть все. Товар приходит, и база данных сразу обновляется. Тебе нужно просто поднести штрих-код к сканеру.

– Поднести его и отсканировать.

– Повторим. Что нужно отсканировать?

– Т-товар.

– Какую часть?

– Эту, с линиями, штрих-док.

– Штрих-код. Просто подносишь и сканируешь. Все. Понял?

– П-понял.

Эта новая обязанность изрядно докучала Сихён, а с другой стороны, ей нравилось давать указания мужчине, который был старше ее лет на двадцать. Так что она даже гордилась собой. В глазах госпожи Ём, которая болтала с подругами за столиком и временами бросала на нее взгляд, тоже читалось удовлетворение. Сихён любила свою начальницу. Быть может, повстречайся госпожа Ём ей в школьные годы, она бы обожала историю, а не аниме.

Но сегодня девушка решила любыми силами поставить этого заикающегося, неуклюжего вчерашнего бездомного перед кассой. Она бросила сердитый взгляд на Токко, который зачем-то зарисовывал в своей тетрадке штрих-коды.

* * *

На следующий день, когда Сихён после занятий пришла в магазин, навстречу тут же вышла госпожа О и укоризненно спросила:

– Сихён, что этот медведь забыл у нас?

Казалось, прозвище подходило новому работнику как нельзя лучше. Вот только слова госпожи О звучали так, будто это Сихён привела его в магазин. Хотя она всегда так общается. Может, дело в

характере, а может, все из-за проблем с сыном, но госпожа О со всеми разговаривала резко. Даже с покупателями.

– Нечего улыбаться, отвечай на вопрос. Это твой знакомый? Кто он вообще такой? Ничего не понимает, когда ему говоришь, только бубнит что-то под нос.

– Это не мой знакомый. Его привела хозяйка, – серьезно ответила Сихён и, не желая продолжать этот разговор, направилась в подсобку.

Нотки уважения в голосе госпожи О появлялись только в общении с одним человеком – собственной начальницей. Они жили неподалеку и ходили в одну церковь, и госпожа О всегда прислушивалась к ее словам. Но на этом все. Женщина считала, что обладает железным характером, хотя на самом деле была холодной, сварливой и совершенно не подходила для работы в сфере услуг. Единственное, чем она могла похвастаться, – это трудолюбие и преданность хозяйке, которая приняла ее на работу.

Надев форменную жилетку и выйдя из подсобки, Сихён снова попала в сети госпожи О.

– Где хозяйка вообще его откопала? – заворчала женщина. – Даже ничего не сказала... Если знаешь что-то, давай рассказывай.

– Я тоже ничего не знаю.

Скажи она, что он бездомный, и госпожа О, вместо того чтобы спокойно пойти домой, прилипнет к ней и поднимет такой вой, будто развалилась целая страна. Сихён тяжело вздохнула. Желая лишь наконец приступить к работе, она молча ждала, когда госпожа О уже закончит болтать.

– Похоже, хозяйке трудно самой выходить по ночам, вот и выбрала первого попавшегося. По мне, так он еще доставит нам проблем. Поругается с каким-нибудь пьяным, посчитает не так или, чего хуже, украдет деньги... Может, скажем хозяйке, что мы против?

– Даже не знаю. Он... не похож на плохого человека.

– Кто же похож сразу? У тебя просто мало опыта. С виду безобидные всегда себе на уме. Хозяйка, кроме школы, нигде не работала, вот и не встречала таких.

– Мне тоже пришлось нелегко: я учила его работать с кассой. Но что поделывать? В ночные смены выходить некому.

– А у тебя знакомых нет?

Напрасно Сихён сболтнула лишнего. От расспросов теперь никуда не деться.

– Я почти ни с кем не общаюсь.

– Как это так? Ты же молодая. У тебя должно быть много друзей.

Что? Она хочет поругаться? Не выдавая своего раздражения, Сихён невозмутимо продолжила:

– А ваш сын? Вы говорили, он целыми днями сидит дома и играет на компьютере.

– Ой, он с таким не справится. Готовится сдавать экзамен на госслужбу... Хотя я ему говорю, что надо попробовать себя хотя бы в дипломатии. Госслужба не его уровень. Он же у меня смышленный.

Сихён уже пожалела, что напомнила ей о сыне. Все равно эта женщина любого переспорит.

– Дипломат – это тоже госслужащий, – пробормотала девушка и уставилась в монитор кассы, притворившись, что занята.

Тем временем собеседница снова завела свою шарманку о неуклюжем медведе, подчеркнув, что без госпожи О магазин так совсем пропадет.

«Ну и шла бы к хозяйке с этими вопросами, чего мне жаловаться? Может, приревновала? Последнее время госпожа Ём ко мне очень добра. Хотя мы все равно работаем в разные смены, чего ревновать-то?» – подумала девушка.

Сихён твердо решила, что уйдет из магазина, когда справится с экзаменом. А про себя усмехнулась, что сыну-то госпожи О придется с дипломатией куда сложнее.

Наконец женщина пожелала ей хорошего дня и испарилась. Не успела Сихён выдохнуть, как зашли посетители. Появление веселых студенток заметно разбавило серую атмосферу магазина.

«Хорошее у них время. Но осталось недолго. Вскоре они, как и я, выпустятся и устроятся куда-нибудь за самую низкую почасовую оплату, пока готовятся к чему-нибудь посерьезнее, – подумала она и тут же расстроилась: – Говорю так, будто уже состарилась!»

Ни работы, ни денег, ни молодого человека – в ее-то двадцать семь лет. Уже скоро двадцать восемь... А там еще пара лет – и тридцать. Тогда придется навсегда смириться с тем, что молодость прошла.

– Посчитайте, пожалуйста.

Сихён вдруг очнулась от размышлений и увидела, что три студентки выложили покупки на прилавок и пристально смотрят на нее. Пришлось оторваться от подсчетов своих лет и рассчитать покупателей.

* * *

К вечеру появился неуклюжий медведь. За окном почти зима. Для бездомного проводить ночи в теплом круглосуточном магазине – настоящая удача. Тут тебе и бесплатная еда, и денег можно заработать – прямо медом намазано. Токко, по-видимому, об этом догадывался и пришел сегодня опрятно одетый и пораньше: на часах было без пяти восемь.

До десяти вечера, пока не закончится смена, ей снова предстоит обучать мужчину, как обслуживать посетителей и обращаться с кассой. А потом придет госпожа Ём и покажет, что делать в ночную смену. Сегодня только второй день его обучения – успевает ли он все усвоить?

Из уважения к хозяйке Сихён ответственно выполняла порученную ей задачу, однако еле сдерживалась, чтобы не выплеснуть стресс на этого неуклюжего медведя. Он работает здесь всего сутки, а уже, едва придя и поздоровавшись, нырнул в подсобку за кофе и уселся наслаждаться им у окна! И не просто дешевый растворимый, а «Кану блек»! Его пила только хозяйка, а Сихён с госпожой О к нему даже не притрагивались. Нашелся, тоже мне, ценитель... Ужас какой-то.

– По ночам... с-слишком сильно хочется спать... Поэтому пью кофе... Этот – л-лучший, – внезапно ответил он на ее молчаливое возмущение.

Сихён усмехнулась и посчитала нужным все же отчитать его:

– «Кану блек» пьет только госпожа Ём: у нее диабет.

Токко покачал головой и что-то пробормотал себе под нос. Неужели выругался?

– Что ты сказал?

– Это х-хозяйка п-посоветовала.

– Да?

– Диабет у-у бездомных ч-часто бывает.
– Что?
– Мы едим... ч-что попало. П-почки тоже отказывают.
– Кто это сказал?
– Утром... утром по телевизору ведущий. Н-на Сеульском вокзале есть телевизор, оттуда и узнал.
– Ясно. Тогда береги себя!

Сихён в очередной раз пожалела, что заговорила с ним. Госпожа О болтает без умолку, Токко бубнит, так что общение с ними не складывалось.

«Вот бы работать с нормальными людьми, с кем можно поговорить! И почему из всех вокруг меня понимает только госпожа Ём? Наверное, потому, что учительница? Или потому, что ходит в церковь? А может, просто с возрастом все такими становятся?»

Прозвенел колокольчик, и Сихён взглядом показала Токко встретить посетителя. После запоздалого «Добро-о» тот громко глотнул кофе и направился к кассе. Сихён подвинулась, собираясь понаблюдать за Токко, как вдруг заметила, что нагрязнул самый проблемный из всех проблемных покупателей. Она не видела его несколько дней и уже вздохнула с облегчением, но надо же было ему прийти, когда тут Токко... Наклонившись к уху сотрудника, Сихён прошептала:

– Это ПП. Аккуратно.
– Что? Какой... ПП?
– Проблемный покупатель. Их называют «ПП».
– Ясно. А где этот проблемный покупатель?
– Тише. Услышит еще. Черт.

Будто и вправду услышав их разговор, мужчина невозмутимо подошел к кассе. Прежде чем Сихён успела ответить Токко, он бросил на столик несколько упаковок печенья. Токко неловко взял сканер, будто шимпанзе – смартфон, и погрузился в поиски штрих-кода среди красочных картинок на упаковке.

«Неправильно. Нужно было сначала спросить, нужен ли пакет. Ну ладно». – Сихён решила просто наблюдать.

Справившись наконец со штрих-кодом, Токко пробормотал цену. Мужчина взглянул на девушку и усмехнулся: видимо, понял, что девушка обучает нового сотрудника.

- Сигареты.
- Не курю, – покачал головой Токко, глядя на него.
- Я прошу сигареты...
- А-а, сигареты... Какие?
- Что это за манера говорить? Тебе сколько лет?
- Н-не знаю.
- Пф. Смешно. Совсем дурак, что ли?
- Нет... Какие сигареты?

Проблемный покупатель хмыкнул и повернулся к Сихён. Она тут же потянулась к полке с сигаретами, но он жестом остановил ее и, пристально глядя на Токко, сказал:

– Сейчас увидим, дурак ты или нет. «Эссе эксчейндж», четыре миллиграмма. И побыстрее!

Видов «Эссе» существовало очень много, особенно серии «эксчейндж»: обычные, «эксчейндж ап», «эксчейндж лин», «эксчейндж бинг», «эксчейндж гималаи». Сихён помнила, как трудно было ей, некурящей, обслуживать клиентов, когда они приходили за этими сигаретами. ПП же обычно курил «Эссе» по шесть миллиграммов, но специально попросил у Токко другие, более редкие.

Ко всеобщему удивлению, Токко легко нашел нужную пачку и пробил штрих-код. Мужчина с азартом кинул ему под нос карту, и тот аккуратно взял ее, провел операцию и вернул хозяину.

– Пакет? – испытующе спросил покупатель.

Сихён по-прежнему старалась не вмешиваться. Токко перевел взгляд с мужчины на его покупки и, улыбнувшись, сказал:

– Так донести сможете. П-пакет из полиэтилена... Вредно для окружающей среды.

На этот раз покупатель разозлился и подался ближе к Токко:

– Я живу далеко. Как я донесу все это без пакета?

– Ну... купи.

– Надо было заранее спрашивать. И сколько еще раз мне вытаскивать карту, не подскажешь? Давай просто так.

– В-вам ее так трудно достать?

– Нет. Но ты причинил мне неудобства и должен это как-то возместить. Вы называетесь «Все для вас» – а что для нас-то? – высокомерно спросил ПП.

В его напряженном тоне слышалась и насмешка, и угроза. Дело плохо. Сихён уже хотела встрять, как внезапно Токко хлопнул в ладоши. А пока девушка с мужчиной замерли в замешательстве, сбегал в подсобку за своей потертой экосумкой с логотипом какой-то волонтерской организации и вывалил возле кассы все, что в ней принес: ручку, тетрадку и старый сэндвич. После этого Токко принялся складывать внутрь покупки ПП, который уставился на него, словно на животное из Красной книги.

– Ты что делаешь?

– С-складываю.

– Мои покупки – в эту замызганную сумку?

– М-можем протереть.

Тут не выдержала Сихён:

– Извините. Он здесь первый раз... Я дам вам обычный пакет.

С этими словами она схватила экосумку, но Токко не отдал. Оставив изумленную девушку позади, он протянул руку с сумкой прямо под нос проблемному покупателю. Тот некоторое время буравил Токко глазами. Озадаченно смотрела на него и Сихён.

Его и без того маленькие глаза сузились еще сильнее, только теперь взгляд похолодел, а волевой подбородок, выдающийся под плотно сжатыми губами, напоминал молоток. Токко так и стоял с вытянутой рукой, держа экосумку. Сихён озадаченно повернулась к покупателю. Его больше обычного вытаращенные глаза злобно смотрели на Токко, который не собирался уступать, однако в этот раз мужчина был заметно растерян. В конце концов он раздраженно схватил экосумку, и... гиря качнулась на весах. Покупатель вышел из магазина.

Сихён чувствовала себя креветкой в грандиозной ментальной битве китов. словно обдумывая произошедшее, Токко взял ручку и записал в тетради: «Обязательно спрашивать про пакет». Сихён постаралась не думать о его мрачном выражении лица, от вида которого будто сгущались тучи войны, и, прокашлявшись, сказала:

– Я рада, что ты не дал ему пакет.

– И-извини... Я забыл... Ты говорила м-мне.

– Просить прощения не за что, просто в следующий раз не забывай. И еще... Каким бы проблемным ни был покупатель, ни в коем случае нельзя с ним ругаться.

– С двумя я... справлюсь, – усмехнулся Токко.

Сихён не поняла, о чем он: что сможет обслужить двух покупателей или поругаться с ними? Впрочем, главное, что с его лица исчезло то хладнокровие и он просто улыбался. Переведя дыхание, она внезапно вспомнила:

– А как ты так легко нашел сигареты?

– В-вчера ночью многие брали сигареты, я и в-выучил. Есть «Эссе ван», «Эссе спешл голд», «Эссе спешл голд 1 мг», «Эссе спешл голд 0,5 мг», «Эссе классик», «Эссе су 0,5 мг», «Эссе су 1 мг», «Эссе голден лиф», «Эссе голден лиф 1 мг»... – стал перечислять Токко, словно повторяя таблицу умножения, пока Сихён не прервала его.

– Достаточно. Ты это выучил всего за день?

– Н-ночью делать нечего... и в сон клонит...

– А ты бывший курильщик?

– Н-не знаю.

– Не знаешь? Ты не помнишь, курил или нет?

– Н-не знаю.

– У тебя амнезия?

– Из-за алкоголя с-с памятью... плохо.

– А с какого момента ты себя помнишь?

– Н-не знаю.

Ух... Сихён вновь пожалела, что завела разговор. И все-таки с тем проблемным покупателем Токко расправился мастерски, так что девушка решила больше не сердиться на него за то, что он пьет «Кану блек».

Смена Сихён закончилась, а госпожа Ём так и не появилась. Сихён отправила ей сообщение и получила в ответ: «Я ходила в церковь и только вернулась. С сегодняшнего дня Токко будет работать один».

«Он справится?»

«А ты как думаешь?»

Сихён задумалась и снова посмотрела на Токко. Он расставлял на полке лапшу и проговаривал названия:

– Сырная, мегаострая, карбо... нара.

Увидев, как Токко, выпятив пятую точку и бормоча себе под нос, ровными рядами выкладывает заварную лапшу, Сихён ответила: «Думаю, да».

Прошла неделя. Токко неизменно неуклюжей походкой и в одинаковой одежде приходил каждый день примерно к восьми часам. Он все еще оставался медведем, но уже не глупым. Все еще работал слишком нерасторопно, однако стал намного меньше запинаться. Токко выучил все свои обязанности и без напоминаний мыл столики на улице и внутри, раскладывал свежие продукты на полках, убирал те, у которых выходил срок годности, и даже протирал кухонным полотенцем рабочий холодильник, хотя такого поручения ему даже не давали.

Похоже, обучение подошло к концу. Токко узнал все, что необходимо, и отлично справлялся с работой, не задавая лишних вопросов. Но Сихён стало интересно узнать, как он живет. Вечером, когда посетителей было на удивление немного, они сидели за кассой и ели кимпап^[16], запивая его молоком.

– А что ты делаешь днем? – спросила Сихён, отпив клубничного молока.

Токко торопливо прожевал кимпап и взглянул на нее.

– Хозяйка д-дала аванс... Напротив вокзала... Тончжадон... Там хостел.

– Значит, днем ты спишь, а вечером приходишь сюда? А ешь ты тоже там?

– Койка в хостеле к-как гроб. Можно только лечь... После работы я ем просроченный сэндвич. С-сплю... Потом смотрю новости на вокзале... и иду сюда.

– Может, тебе не ходить на вокзал? А то еще твои друзья затащат тебя куда-нибудь.

– Н-нельзя. На вокзале надо смотреть новости и... наблюдать за людьми.

– Ты стал лучше говорить. Не вспомнил ничего из прошлого? Дом, семью?

Токко замялся и покачал головой. Затем запихнул в рот сразу два последних куска кимпапа и взял пакет молока с соломинкой. Сихён показалось, что, с усилием втягивая через нее молоко, Токко пытается

припомнить что-то. Выпив молока, он цокнул, давая понять, что ничего не пришло на память.

Тогда Сихён спросила:

– Тебе нравится работать здесь?

– Все хорошо... Только без алкоголя тяжело.

– Зато теперь ты работаешь, тебе есть где переночевать и что съесть, нечего жаловаться из-за алкоголя.

– В н-ночлежках тоже можно спать... П-поесть – во всяких закусных... А на работе нельзя пить... Голова болит.

– Ой, это просто организм привык: когда ты пьешь алкоголь, у тебя болит голова, а сейчас не пьешь, но она все равно болит. Потом станет лучше. Понимаешь?

Токко еле заметно улыбнулся. Сихён подумала, что теперь-то как старшая сотрудница она научила его, выдавшего виды, всему о работе в магазине.

– Ну что ж, выпускной. Хозяйка сказала, с завтрашнего дня ты можешь приходить не к восьми, а к десяти.

– Спасибо. Т-ты меня всему научила.

– Да о чем речь!

– П-правда. У тебя т-талант... Ты можешь научить. Ты очень хорошо все объясняла.

– А ты хорошо разбираешься в том, как общаться с людьми. Наверное, у тебя все было хорошо, пока не стал бездомным... Я серьезно.

– Н-нет, это другое... Я н-ничего не знал, а т-ты меня научила... Если не веришь, в-выложи в интернет... как пользоваться кассой... Т-ты правда мне очень хорошо все объяснила.

– А куда выложить-то?

– В-в «Юктьюб»...

– «Юктьюб»? Ты имеешь в виду «Ютьюб»? А зачем это туда выкладывать?

– Вдруг понадобится тому... кому понадобится.

– Когда ты много говоришь, то начинаешь повторяться. Давай еще раз. Ты советуешь мне выложить на «Ютьюб» видео про то, как пользоваться кассой?

– Б-будет полезно. Круглосуточных магазинов много... Многие подрабатывают там. Можно в-выложить то же, чему ты м-меня учила.

– Когда мне помогать другим? Я прихожу домой, делаю домашнее задание и ложусь спать.

– Но ты же мне помогла.

– Хозяйка велела.

– И все равно... у тебя талант.

Сихён задумалась. Может, у нее действительно есть какая-то предрасположенность, раз он так говорит.

– Н-на «Юктьюбе» этом... денег можно заработать. В новостях так сказали, – хлопая глазами, сказал ей Токко.

Раньше она бы рассмеялась, но сейчас всерьез погрузилась в размышления. На «Ютьюб» Сихён не заходила давно, нужно сначала вспомнить свои логин и пароль.

* * *

– Здравствуйте. Сегодня у нас второй урок, посвященный работе на кассе в сетевых магазинах, – размеренно проговорила девушка в микрофон, купленный в интернет-магазине за двадцать шесть с половиной тысяч вон. При этом монитор кассы она снимала на телефон. – На прошлой неделе мы изучили, как устроен кассовый аппарат. Я дала общие рекомендации по работе с ним. Сегодня мы перейдем к более сложным операциям, а именно: как проводить оплату, оформлять возврат, пополнять транспортную карту и заряжать кассовый аппарат. Начнем с оплаты. Покупатель выбирает товар и подходит с ним на кассу. Если он хочет оплатить часть картой, а часть наличными, то порядок действий такой...

Тут Сихён показала в камеру лежащую возле кассы шоколадку.

– Сначала отсканируем штрих-код и узнаем стоимость: три тысячи двести вон. Покупатель хочет отдать три тысячи наличными и оставшиеся двести – картой. Многие так делают, чтобы не носить гору мелочи с собой. Вводим на экране двести вон. Эту сумму клиент внесет картой. Берем карту, нажимаем на кнопку «Оплата», и все. Остались только три тысячи вон. Берете наличные, снова нажимаете на кнопку «Оплата», и готово. Все просто, правда?

Выключив запись, Сихён перевела дыхание и просмотрела, что получилось. Там она тихим голосом шаг за шагом объясняла, как

проводить отдельную оплату, а на экране появлялась только ее рука, экран и сам товар. Ей казалось, что такие медленные объяснения, какие она давала Токко, позволят даже самым далеким от техники людям уловить принципы работы кассы. Она и сама ничего не понимала поначалу, а сейчас приободрилась и ей все давалось легко, в том числе и обучение других.

Прокашлявшись, она продолжила:

– Теперь поговорим о возврате. Его можно сделать, нажав на кнопку «Чек».

Откликов оказалось куда больше, чем она ожидала. Конечно, на «Ютьюбе» подобных видео полно. Встречались и двусмысленные, на которых красивые девушки попеременно наводили камеру то на себя, то на кассовый аппарат, будто целью было вовсе не научить других, а полюбоваться собой. Некоторые даже монтировались в духе профессионального развлекательного шоу: с яркими картинками и субтитрами. На их фоне ролики Сихён казались слишком простыми и скучными, но людям, которых волновали именно практические советы, видео Сихён пришлись как нельзя кстати. Кроме того, Сихён подробно отвечала на любые вопросы новичков.

Люди писали, что им нравятся ее ролики своей неспешностью. Она разжевывала каждую деталь, будто имела дело с учениками младшей школы. По словам комментаторов, ее низкий спокойный голос не принуждал поскорее повторять за ней, а, наоборот, создавал ощущение умиротворения. Читая такие комментарии, Сихён старалась прислушаться к своему голосу. Ее он усыплял, удивительно, что другим становилось от него спокойнее.

Токко по-прежнему приходил на час раньше, чтобы убрать веранду, вымыть уличные столики и принять смену от Сихён. Он полностью приспособился к работе по ночам и изменился до неузнаваемости. Никто и представить себе не мог, что еще месяц назад он был бездомным и жил на Сеульском вокзале. С первой зарплаты Токко приобрел себе толстую белую куртку и стал напоминать уже не бурого медведя, а полярного, прямоком из рекламы «Кока-Колы».

Сихён и госпожа Ём полностью доверяли новому сотруднику, а он для них легко и быстро поставил рождественскую елку. Любопытно, что после той стычки с Токко самый проблемный покупатель больше не показывался в их магазине. Очевидно, вел себя по-хамски, покуда

никто не мог дать ему отпор, а повстречав достойного соперника, поджал хвост и сбежал.

И только госпожа О все еще недолюбливала Токко. Перед уходом она непременно жаловалась на него Сихён. Эта довольно сварливая женщина наконец-то нашла козла отпущения, на котором можно было выместить все, что накопилось. Токко, впрочем, не обращал на нее никакого внимания. На вопрос о том, не доставляет ли она ему неудобств, он лишь покачал головой и слегка улыбнулся:

– Все н-неудобство – там.

– Где?

– В-в холодильнике с алкоголем. Он стоит слишком близко...

– Тебе нельзя больше пить! Ни в коем случае! Нужно держать себя в руках! – неожиданно повысила голос Сихён.

Заметив ее смущение, Токко поспешил согласиться с ней:

– Если не смогу, то п-придумаю себе... наказание.

При этих словах Токко усмехнулся, и Сихён успокоилась. Теперь она сама стала покупать «Кану блек», который он так любил. Именно благодаря Токко она впервые почувствовала, что может быть кому-то полезной. Вчера, за съемкой очередного ролика, девушка снова вспомнила, как учила Токко. Она по-прежнему объясняла все медленно и спокойно. Может, этими видео получится помочь и другим бездомным? До встречи с Токко девушка редко чувствовала себя частью общества, но сейчас ощущала все большую связь с людьми.

* * *

За день до Рождества через аккаунт на «Ютьюб» Сихён получила сообщение от неизвестного отправителя. Женщина назвалась владелицей двух круглосуточных магазинов «Все для вас» и оставила номер, предлагая поработать вместе.

«Внезапное приглашение на работу? – удивилась Сихён. – Неужели она так ищет сотрудников на неполный рабочий день? Или для чего тогда написала мне? Предложит на тысячу вон в час больше? Или вообще работать сразу в двух магазинах?»

Чтобы утолить бушующее в голове любопытство, она решила просто взять телефон и набрать номер женщины. Девушкой Сихён

была скромной, поэтому больших надежд не питала.

Трубку взяла, судя по голосу, уже немолодая женщина. Она спокойно рассказала, что наткнулась на ролик в «Ютьюб», сама владеет двумя магазинами в районе Тончжак и планирует открыть третий, куда ищет управляющего. Вот и хотела предложить эту работу Сихён. Девушка от неожиданности замешкалась и не знала, что ответить. Тогда собеседница предложила как-нибудь встретиться в одном из ее магазинов и познакомиться. Лавка находилась на удивление близко от дома Сихён, всего в одной станции метро, так что девушка пообещала зайти туда завтра после работы.

Владелице магазина оказалось около шестидесяти лет, примерно как госпоже О, но, к счастью, вела себя она совершенно иначе. Не спеша и с доброжелательной улыбкой женщина рассказала, что относится к делу серьезно, две точки у нее уже есть и она ищет надежного менеджера для третьей.

– А почему вы считаете, что мне можно доверять? – осторожно поинтересовалась Сихён. Девушку не очень часто хвалили, а такое предложение она вообще получала впервые.

– Ваше видео меня тронуло. Видно, что для вас важнее не продемонстрировать навыки, а научить людей. Я почувствовала вашу заботу о других.

– Правда?

– В том месяце к нам пришла новая сотрудница, и я велела ей посмотреть ваше обучающее видео, так что вы уже мне помогли. Может, теперь лично займетесь обучением новых сотрудников в будущих торговых точках? В качестве командировки. За оплату, конечно.

Сихён от волнения начала кусать губы. Менеджер магазина и штатный сотрудник. А услышав свою будущую зарплату, она раскрыла рот от удивления. К тому же магазин находился всего в пяти минутах от дома. Девушка не хотела, чтобы семья или друзья видели, как она подрабатывает на кассе, но менеджером – совсем другое дело. Сихён решила согласиться на повышение и остаться в той же отрасли.

По дороге домой ее переполняла радость, как положено в сочельник. По улицам, украшенным красно-белым рождественским декором, гуляли парочки. Это Рождество она вновь проведет одна, но на этот раз ей не будет холодно.

Будущая начальница попросила ее поторопиться, потому что открытие нового магазина планировалось уже через десять дней. Новый год на новом месте! Сихён с волнением и чувством вины ждала прихода госпожи Ём: по вечерам женщина забегала проверить, как идут дела, а скоро она будет спрашивать о них кого-то другого. От этого Сихён терзалась еще больше. Наконец с белой упаковкой в руках зашла госпожа Ём.

– Я купила пирожные, давайте вместе поедим.

Сихён взяла одно из угощений, которые до умиления аккуратно расположились в белой упаковке и будто воплощали тепло и заботу госпожи Ём. Словно решаясь на разговор, Сихён начала есть его с головы^[17]. Затем объяснила хозяйке все с самого начала. Госпожа Ём не стала есть, а просто внимательно слушала девушку. И лишь когда та закончила, с аппетитом откусила кусочек пирожного и сказала:

– Ну и отлично.

– Извините, что так неожиданно вас покидаю...

– Ничего. Ты и так слишком долго проработала, а я переживала, что мне и дальше придется нести за тебя ответственность. Так что все хорошо, правда.

– Я знаю, что вы преувеличиваете.

– Тебе так кажется?

– Да.

– Тогда скажу тебе как есть. Я и так собиралась тебя уволить. Как ты знаешь, продажи идут не очень, а госпоже О и Токко работа нужна больше... Мы разделим твои часы между собой, и получится сократить расходы на зарплаты.

– Да?

– Доходы магазина снижаются, и, выбора нет, приходится сокращать штат. А для Токко и госпожи О это единственный источник средств к существованию. Не могу же я их уволить. А ты и поешь можешь дома, и экзамен скоро сдашь. Я бы уволила тебя, чтобы ты больше занималась.

– Вы же шутите?

– Нет, правда.

– Скажите, пожалуйста, что это шутка. Иначе я расстроюсь.

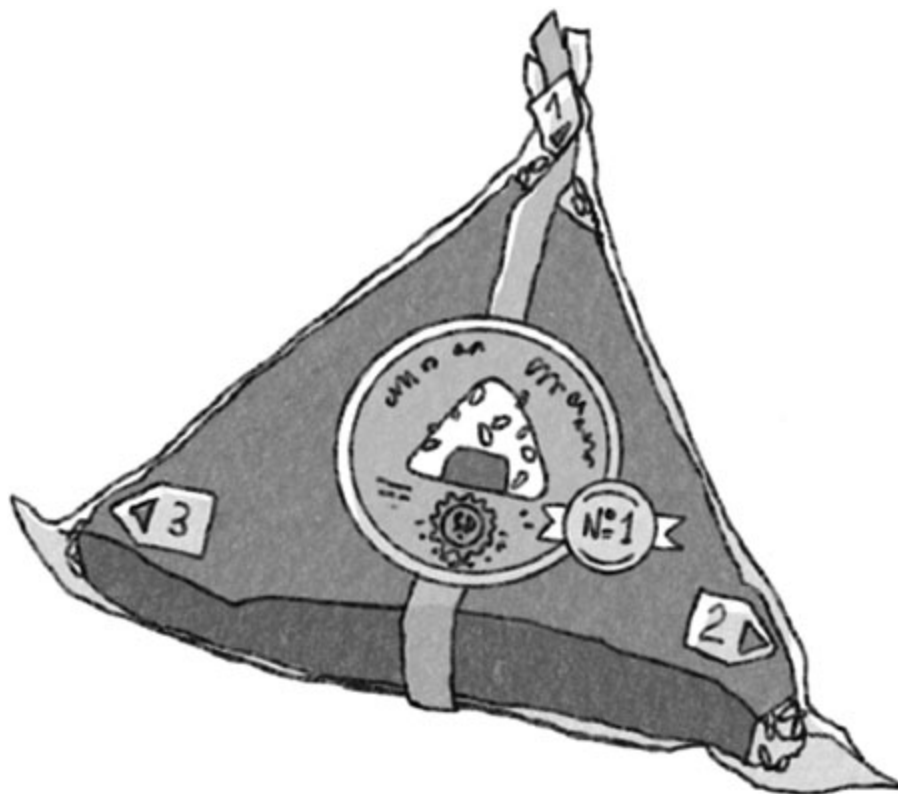
– Расстроишься или не расстроишься – уже неважно. Не держись за прошлое, иди вперед. Только попав на новое место, поймешь, как сильно скучаешь по нашему магазину. И только так почувствуешь, что благодарна ему.

– Я уже чувствую!

Сихён ощутила, как на глазах наворачиваются слезы, но сдержала их. А старая хозяйка улыбнулась и вновь откусила кусочек пирожного, и девушка последовала ее примеру. Мягкая текстура сладкой красной фасоли защекотала язык.

Глава 3

Предназначение треугольного кимпапа

В жизни О Сонсук было трое мужчин, которых она никак не могла понять. Первый из них – муж. Даже после тридцати лет совместной жизни она не знала, чего ожидать от него завтра. Так случилось, когда он внезапно оставил надежное место начальника отдела в небольшой компании, а затем – когда после череды ссор и перипетий бросил семью и ушел из дома. Ее мужа всегда отличали упрямство и полное неумение объясняться. Пару лет назад он заболел и вернулся домой, но на ее вопрос, почему он ведет себя настолько эгоистично, не нашел что ответить. В гневе Сонсук спрашивала и спрашивала изо дня в день, пока он снова не сбежал. Так она и жила до сих пор, не получив ответа и не зная даже, жив ли ее супруг. Однако теперь женщина не только не могла его понять, но и не хотела.

Второй – сын. Он был единственным ребенком. Рос в любви и заботе, а чем старше становился, тем больше походил на отца. Одна кровь, так сказать. Сразу после окончания университета сын устроился в крупную компанию, и тогда она наконец поняла, что не зря вложила в его воспитание и обучение столько сил и средств. Но спустя год и два месяца сын внезапно бросает завидное место. С тех пор его преследует злой рок. Он прогорел на акциях, связался с какими-то бездельниками и стал ходить на непонятные курсы, заявив, что хочет стать режиссером. Потом влез в долги и ко всему прочему собрался снимать независимое кино. Уже на середине проект провалился, и вместо независимости он заработал себе депрессию, с которой попал в больницу.

Она не понимала, как можно было променять постоянную завидную работу на такие опасные и рискованные проекты, как создание кино или акции. В конце концов, после настоятельных просьб матери, он бросил свои нелепые увлечения и занялся подготовкой к экзамену на должность дипломата, но вечно хмурое и унылое лицо сына не давало ей покоя: она опасалась, что молодой человек снова впадет в депрессию. Все внутри нее кричало: «Иди-ка ты, бездельник, потаскай мешки с цементом под палящим солнцем, и тогда не будет у тебя никакой депрессии».

В жизни Сонсук хватило бы и двух мужчин, которых она совсем не могла понять и которые стали для нее постоянной головной болью, как внезапно на горизонте появился еще один клубок проблем – Токко. «Глупый медведь», как она его называла, уже месяц работал в магазине в ночные смены. Новость о том, что раньше он был бездомным, безусловно, поражала женщину, вот только своими силами она не могла помочь хозяйке и заменить его. Для магазина Токко оказался жизненно необходим, поэтому возразить ей было нечего.

К счастью, особых неудобств Токко не доставлял и хорошо справлялся со своей работой. Сильного запаха, вопреки ее беспокойствам, от него не исходило, и выглядел он вполне опрятно. На небольшой аванс мужчина арендовал койку в хостеле, купил одежду, постригся и стал совершенно другим человеком. Поэтому госпожа Ём лишь пожимала плечами на ее жалобы. Что ж, прекрасно. В отличие от хозяйки, которая всю жизнь служила воплощением добродетели и бралась за воспитание даже самых нерадивых школьников, у Сонсук

был всего один понятный девиз по жизни: «рожденный ползать летать не может». В прошлом она работала в фургончике с едой и повидала немало проблемных людей. К примеру, двадцатилетних сотрудников на подработке, которые сбегали, забрав из кассы наличные, и возвращались из полиции уже с родителями. Шестидесятилетнего старика, что по пьяни крушил все подряд, а протрезвев, просил прощения. Впрочем, как только она его прощала, он вновь крыл ее на чем свет стоит. Поэтому теперь Сонсук больше предпочитала доверять собакам, а не человеку. Ведь ее Йеппи и Ками всегда оставались верны хозяйке.

Она не верила, что бездомный сможет стать человеком, проведя в магазине двадцать ночей, поедая чесночную ветчину и запивая ее напитком из полыни^[18]. Разве мог измениться вот этот самый Токко, с его полузакрытыми глазами и неуклюжестью, не прижившийся в обществе и не способный даже толком поприветствовать ни ее, ни клиентов?

К удивлению госпожи О, произошло то, что совершенно не укладывалось в ее голове. Всего за неделю Токко стал вполне себе приличным человеком. За каких-то три дня он освоил все обязанности, а еще через три дня его движения оживились, и, завидя покупателя или Сонсук, мужчина тут же кивал и здоровался. Ей было совершенно неизвестно, как человек, который даже взглянуть в глаза другому боялся, так легко приноровился к общественной жизни.

Так Токко стал третьим мужчиной, которого она не могла понять. Но, в отличие от мужа и сына, которые вызывали недоумение тем, что нисколько не менялись и лишь разочаровывали ее, Токко удивлял своим неожиданным преображением. Неужели небольшая помощь госпожи Ём сотворила чудо? Чем же он занимался раньше? Никто не мог дать ответа. Ни госпожа Ём, ни Сихён ничего не знали о его прошлом, а сам мужчина страдал от амнезии из-за своей алкогольной зависимости. Он знал лишь, что его зовут Токко, не ведая, имя это или фамилия.

– Постарайся вспомнить. Ты уже приходишь в норму.

– Н-не знаю. Когда я много думаю... болит голова.

Каждый раз, когда Сонсук заводила этот разговор, Токко закрывал лицо ладонями и отвечал, что не знает. Это не могло не расстраивать женщину. Сомнения у нее вызывало и то, что сам он не слишком

стремился узнать свое прошлое. Разве не естественно для человека интересоваться, кем он был раньше: где работал и где его семья? В этом она тоже не понимала его, поэтому решила, что даже после разительных перемен он так и останется глупым медведем. И так как медведь не собака, то доверять ему Сонсук не могла.

Поэтому он быстро стал женщине безразличен. Зато госпожа Ём обращалась с Токко как с младшим братом, да и Сихён с ним поладила. Когда Сонсук при пересменке спрашивала девушку о Токко, та всегда отвечала, что он совершенно нормальный. Говорила, что хоть никто и не знает, как этот человек жил раньше, но он однозначно талантлив.

– Талантлив? Едва ли. Мне от одного разговора с ним плохо.

– Он уже намного меньше запинаяется. Я где-то слышала, что если долго не разговаривать, то голосовые связки пересыхают. Да и у меня ведь получилось обучить его всему. Поначалу он ничего не понимал, но довольно быстро освоился. Мне в свое время понадобилось на это четыре дня, а ему хватило и пары. И за раз выучил все виды сигарет... У него определенно есть способности к обучению.

– У немецких овчарок они тоже есть.

– Ну, это ведь разные вещи. Еще если присмотреться, то он вполне себе харизматичный. А как страшно Токко смотрит на проблемных покупателей! Мог бы стать владельцем кафе, и это как минимум.

– Да он же наверняка шатался по подворотням со всякими отморозками.

– Я тоже об этом думала. И все-таки он не похож на преступника.

– Ну конечно. Вместо тюрьмы у него Сеульский вокзал.

– Разве бездомный – это сразу преступник? Вы слишком предвзято относитесь к людям.

– А это не так уж плохо, дорогуша. В мире нужно всего опасаться.

Сихён посмотрела на нее с отчаянием, но Сонсук лишь отмахнулась: что в таком возрасте можно знать о жизни? В любом случае и хозяйка, и Сихён уж слишком доверчивы. Сонсук же твердо решила защищать свое рабочее место.

Она приготовила сыну завтрак и к восьми утра пришла в магазин, застав Токко засыпающим у кассы. Завидев ее, он тут же широко раскрыл глаза и поздоровался, но Сонсук равнодушно направилась в подсобку переодеться. Не обратив внимания на эту холодность, Токко погрузился в дела, пока внезапно жестом, будто отгоняя мух, Сонсук не подозвала его к себе. Он зевнул и приблизился. Стоя возле монитора и проверяя что-то, она спросила:

– Мне нужно знать что-нибудь важное?

– Да ничего... особенного.

– Точно?

– В мире н-нет ничего точного, – почесал затылок Токко.

«Ну и ну. Я что, спрашивала его про мир?» – фыркнула она и оставила кассу в покое.

Хотя смена закончилась, Токко не спешил домой. Он прошелся вдоль полок и тщательно, не торопясь, подравнял все товары. Сонсук не понимала, зачем он это делает. Казалось бы, никто его не просил, но целых полчаса Токко старательно поправлял ряды товаров. Ладно, допустим, только зачем заниматься этим сейчас, если можно пойти домой? Сделал бы все ночью, когда клиентов нет, однако ведь он дождался момента, пока она встанет за кассу. Да и мало того, теперь этот мужчина взял тряпки и пошел на улицу. Протер столики, подмел возле двери, затем уселся на лавочку, украдкой наблюдая за бегущими на работу людьми, и принялся за просроченную булочку, запивая таким же старым молоком.

Сонсук решила, что он просто привык к своей бездомной жизни и не хочет возвращаться в хостел. Наконец в какой-то момент он исчез, и все пошло своим чередом – как обычно, медленно и скучно.

* * *

Покупатели ошибочно считают, что продавцы из-за своей кассы за ними не наблюдают. Поэтому многие позволяют себе даже красть товары, намеренно или случайно. Обычно воры чувствуют себя спокойнее всего, когда за кассой такие тучные медлительные женщины, как Сонсук. Однако благодаря своему многолетнему опыту та очень хорошо замечала нечистых на руку людей. Так, сегодня она

поймала юношу с себя ростом, который прихватил два треугольных кимпапа. Во время каникул в магазин часто заглядывали ученики старшей и средней школы, но он совсем не походил на школьника. Хотя на вид мальчику было лет пятнадцать, смуглое лицо и потрепанная одежда выдавали в нем одного из неблагополучных подростков, которые болтаются без дела возле рынка электроники на улице Вонхё-ро.

Мальчишка бродил между стеллажами и исподтишка поглядывал на Сонсук, а когда она притворилась, что не смотрит, положил в карман два треугольных кимпапа. Затем еще немного погулял по магазину и подошел к кассе. За это время в голове женщины пронеслись тысячи мыслей о том, как поступить с ним. Поначалу она сомневалась, стоит ли начинать ссору, но больше всего в жизни госпожа О не любила, когда ее не воспринимали всерьез.

– У вас нет ччамона?

– Что это? Такого нет, – равнодушно отозвалась Сонсук, а затем встала и успела схватить мальчика за руку.

Он удивленно оглянулся на нее, будто ему отвесили подзатыльник, и попытался освободиться.

– Вытаскивай... что украл, – пристально посмотрела ему в глаза Сонсук.

Мальчик замер, не зная, что делать.

– Да ты знаешь, кто я?! Быстро показывай!

– Черт, – выругался мальчик и свободной рукой полез в карман.

На мгновение она испугалась, что у ребенка может быть нож, однако постаралась успокоиться и еще крепче сжала его руку. Мальчик достал треугольный кимпап и положил на прилавок. Только один.

– Остальное тоже! Пока я не отвела тебя в полицию. Сейчас же! – приказала Сонсук тем же низким, серьезным тоном, каким разговаривала со своей собакой Ками.

Мальчик потянулся за вторым кимпапом и внезапно кинул его продавщице в лицо. Удар пришелся прямо между бровями. В глазах потемнело, и она отпустила руку мальчика.

Выкрикнув пару едких слов и оставив позади Сонсук, лицо которой горело от боли, он ринулся к двери, как вдруг ее загородило чье-то внушительное тело. Токко!

– Эй, Ччамон.

Токко зашел внутрь и улыбнулся воришке. Тот испугался и попятился, мужчина же невозмутимо обхватил его, будто какую-то вещь, и потащил к Сонсук. Мальчишка ничего не мог поделать. Женщина тем временем пришла в себя и вернулась к кассе.

– Он з-забыл оплатить.

– Забыл?! Его надо отвести в полицию. Сейчас же! – закричала Сонсук нарочито громко, обращаясь к подростку, который стоял опустив голову.

Токко лишь покачал головой, крепко прижимая его к себе.

– Что? Ты его знаешь? – обеспокоенно спросила она.

– Его зовут Ччамон... Потому что он каждый день ищет ччамон, который нигде не п-продают. В мою смену обычно п-приходил. А сегодня припозднился... Ччамон, у тебя сломались ч-часы в животе? Или ты п-проспал?

Токко говорил с мальчиком как с давним другом. Ччамон же молчал, поджав губы, и делал вид, что не слышал вопроса.

«Что происходит? Может, этот мальчишка ворует треугольный кимпап каждую ночь в смену Токко? Нет, в кассе ведь все верно. Или этот медведь заботится о нем?» – размышляла госпожа О.

Мгновенно забыв, что Токко ей помог, Сонсук вспылила:

– Он раньше воровал? Признавайся!

– Нет.

– Как это «нет»? Он не только взял кимпап и не заплатил, но еще и кинул мне его в лицо!

В это же мгновение Токко развернул мальчика лицом к себе. Затем перевел взгляд на кимпап, который валялся возле Сонсук, и поднял его.

– Ты... украл?

– Да, но...

– Так н-нельзя делать.

– Ясно.

Слушая их невозмутимый разговор, Сонсук начинала злиться еще сильнее. Пострадавшая тут, вообще-то, она!

Вдруг Токко повернулся к возмущенной женщине и протянул ей кимпап:

– Нужно пробить.

Сонсук фыркнула, однако Токко был непреклонен, и она принялась нервно сканировать штрих-коды. А он вытащил из кармана

скомканную купюру в тысячу вон и протянул ей. Сонсук брезгливо взяла ее и сунула в кассу. Один кимпап все еще лежал перед ней.

– Забирай.

– Это в-ведь еще не все. Бросайте. – И Токко подбородком указал на мальчика.

«Он что, хочет, чтобы я поступила так же, как этот мальчишка?» – ошеломленно подумала Сонсук.

Похоже, Токко говорил серьезно. Мальчик стоял и с тревогой ожидал своей участи, словно заключенный – смертной казни.

– Давайте, – подбадривал ее Токко.

– Убери! – отрезала она. – Что я буду, как этот мальчишка, кидаться едой? Забирайте и делайте с ним что хотите! – закричала Сонсук.

К ее изумлению, Токко улыбнулся и повернул мальчика лицом к женщине.

– Она готова п-простить тебя. Хоть и п-поздно, попроси прощения.

Мальчик склонил голову еще ниже, показав макушку, затем поднял ее и еле слышно произнес:

– Извините.

Сонсук лишь махнула рукой, не желая его больше видеть. Токко вышел из магазина, по-отечески обняв мальчика за плечо. Они сели за столиком на веранде и с улыбками на лицах принялись разворачивать еду.

Госпожа О с интересом наблюдала за ними. Что сейчас вообще произошло? В магазин пришел вор, который кинул ей в лицо кимпап, затем его задержал пришедший на помощь Токко и сам же заплатил за украденную еду.

В этой истории женщина определенно пострадала, но Токко так быстро все уладил, что она не успела толком обдумать произошедшее. Раньше Сонсук бы показала всем, где раки зимуют, а сейчас, к ее удивлению, раздражение как-то незаметно улеглось. Она даже не могла понять, злится ли на самом деле.

Женщина просто смотрела, как Токко с мальчиком вместе едят треугольный кимпап, точно нищие отец и сын. Непривычное чувство охватило Сонсук: она ощутила прилив сил и незнакомый трепет в груди. В этой драме ей досталась одна из трех главных ролей, и

картина перед глазами казалась настолько удивительной, что она даже подумала присоединиться к ним.

Может, Токко давно приглядывает за ним? Мальчишка ведь неспроста слушается его... Сонсук нахмурилась, но почувствовала появление чего-то нового. Она живо ощущала перемены. Перемены в человеке, который не привык о ком-то заботиться.

С того дня ее настроение заметно улучшилось. Женщина больше не испытывала недоумения и беспокойства, общаясь с Токко, на смену этим переживаниям пришло умиротворение. И изменилась не только Сонсук: вместе с восходом солнца теплела и атмосфера в магазине.

Раньше местные бабушки закупались на рынках или в дешевых магазинчиках, потому что в круглосуточных все стоило дороже, но теперь стали навещать сюда. Они подбадривали Токко, хлопая по плечу, когда он убирался, и спрашивали обо всем подряд. А он водил их среди прилавков и показывал товары по акции 2+1 или 1+1.

– Это и вот это... Если взять, будет очень д-дешево.

– Даже дешевле, чем на рынке.

– Оказалось, тут совсем и не дорого. Этот молодой человек все нам подсказывает.

– Мы-то уже слепые, не видим ничего. Как нам узнать, что тут дают второй бесплатно?

Токко приносил корзинки бабушек к кассе и с широкой улыбкой выкладывал товары перед Сонсук. В такие моменты он напоминал ей золотистого ретривера, который выпрашивал лакомство за то, что принес мячик. Мало того, когда старушки расплачивались, он провожал их до дома и возвращался с корзинками обратно, объясняя, что сами они не донесли бы такую тяжесть. Что же это, новая, передовая система доставки? Сонсук ничего не понимала, но благодаря этому утренние продажи в магазине резко выросли. А с наступлением каникул бабушки приходили вместе с внуками, которые обладали удивительной способностью уговаривать их на покупки в отделе еды и напитков.

Когда госпожа Ём поинтересовалась, как им удалось настолько увеличить продажи в утренние часы, Сонсук тут же поспешила приписать все заслуги себе, опустив роль Токко в этом деле. Несмотря на такую бессовестную выходку, общаться с ним она стала дружелюбнее.

– Ты все еще подкармливаешь того мальчика кимпапом? В мои смены он не показывается.

– Больше н-не приходит. Говорит, вернулся домой.

– И ты этому веришь? Наверняка сидит в подвале с другими подростками, сбежавшими из дома.

– Я п-проверял, его там нет.

– Где «там»?

– В п-подвале, где Ччамон раньше жил с другими такими.

– Да? А ты что там забыл?

– Волновался... Н-но все исчезли – п-пустое помещение.

– Токко, ты, конечно, молодец, что заботаешься о таких, как они, но не пора ли тебе задуматься о нормальном жилье для себя?

– Мне о-оно ни к чему... Я же бездомный.

– Неправда. Ты, вообще-то, порядочный человек.

– Мне д-далеко...

– Далек до чего?

– Далек д-до всего.

– Ты просто скромный. Ты ведь знаешь, я пожалела, что поначалу тебя не понимала.

– Нет, я с-сам... виноват. И-извините.

– В любом случае пора тебе сменить хостел хотя бы на небольшую однокомнатную квартиру. Спать нужно нормально.

– Спасибо, – послушно, словно собака хозяину, кивнул он.

Послониавшись немного по магазину, Токко наконец ушел. Где еще найти таких сотрудников, которые задерживаются на четыре лишних часа? Благодаря Токко выросли продажи, а у самой Сонсук поубавилось дел, так что теперь она стала ему доверять. И наверное, тогда он и перестал казаться ей глупым медведем, превратившись в преданного пса.

Накануне Нового года госпожа Ём сообщила, что Сихён уходит работать в другой магазин, и предложила разделить ее часы между всеми сотрудниками. Другой магазин? Токко теперь помогает разносить покупки, Сихён нашла себе новое место... Сонсук заметила, что окружающие изменились до неузнаваемости, и с радостью приняла предложение хозяйки работать на пару часов дольше, чтобы впустить какие-то перемены и в свою жизнь.

С наступлением нового года работы прибавилось. Сонсук старалась оставаться энергичной, но, может, поскольку годы давали о себе знать, начала сильно уставать. Дома все стало еще хуже. Так как она возвращалась на два часа позже, сын к этому времени успевал сварить себе лапшу и оставить после себя страшный бардак. Ей казалось, он просто занят учебой, пока однажды не заглянула к нему в комнату и не увидела его за компьютерными играми.

Выходит, без нее сын еще больше распустился и все бросил. Сонсук никогда не требовала от него уважения и помощи по дому, ей хотелось, чтобы он помог хотя бы себе. А в новом году он так и остался тридцатилетним ребенком. Будто хотел наверстать беспечную юность, которой лишился из-за усердной учебы. Грустно и отвратительно было наблюдать, как тридцатилетний «мальчик» играет в «стрелялки» в компьютерном клубе.

Однажды после работы Сонсук не выдержала и постучала к нему в комнату, но из-за звуков игры он ничего не расслышал. Тогда она потянула за ручку и поняла, что дверь заперта. На мгновение ей показалось, что держит не ручку двери, а холодную ладонь своего ребенка, который ищет мать, только когда это нужно ему. Сонсук рассердилась и принялась колотить в дверь:

– Открывай! Нужно поговорить!

Когда ей наконец удалось перекричать игру, сын отвлекся от монитора и с недовольным видом открыл дверь.

– Знаю я, что ты хочешь сказать. Так что не надо, – словно из ружья в игре, выпалил он.

Его лицо расплылось и выглядело помятым, а живот свисал над шортами. Шорты в разгар зимы... Жалкое зрелище. Сидит целый день дома и включает бойлер на всю мощность. Где тот аккуратно постриженный юноша в темно-синем костюме, работавший в огромной корпорации? Теперь он превратился в сущего бездельника, который не выходит не то что из дома, а даже из своей комнаты.

Сын не обратил внимания на жалость в глазах Сонсук, отвернулся и хотел уже вернуться обратно к компьютеру, но Сонсук успела вцепиться в его руку. Ее ногти, должно быть, больно впивались в кожу сквозь футболку. Сын обернулся и посмотрел на нее. А она еще крепче схватила его, будто знала, чем это закончится.

– Отпусти. Мне надо учиться.

– Что ты врешь мне? Как будто я не знаю, что ты тут делаешь.

– Ты сама сказала мне идти в дипломаты. Вот я и готовлюсь, просто в перерывах играю, зачем такой шум поднимать? Я, вообще-то, и вуз престижный окончил, и в крупной компании работал. Мне все самому известно, не надо так переживать!

– Посмотри на себя! Целыми днями сидишь в комнате, играешь на компьютере и питаешься лапшой. Это нормально, по-твоему? Сходил бы хоть прогулялся или поучился чему-то новому!

– Как же меня все это достало... Достали вечные претензии! – прокричал он, вырвал свою руку и хлопнул перед женщиной дверью.

Щелкнул замок и закрылся, и, когда это случилось, Сонсук почувствовала, что какой-то механизм щелкнул и в ее сердце. Будто потеряв рассудок, она заколотила в дверь. Казалось, в этот момент сын смотрел на нее как на умалишенную. Но он лишь сделал звук погромче. Сонсук почувствовала, как все ее тело пронзают пули из компьютерной игры сына, превращая ее в решето.

Когда рука заболела, она стала биться о дверь лбом и прекратила, только ощутив ужасную головную боль. Из глаз лились слезы, сердце разрывалось на части, а мужа, который мог бы это горе разделить, рядом не было. На людях Сонсук всегда гордилась своим сыном, поэтому сейчас не могла пожаловаться на него даже друзьям. В ушах все еще раздавалось эхо голосов ее одноклассников, которые с завистью обсуждали их, когда сын устроился в большую корпорацию.

Устав от рыданий, Сонсук уснула и пришла в себя только к семи часам. Из комнаты сына все время доносились звуки игры. Она, как обычно, накинула пальто, не позавтракав, и ускользнула из дома. Ей хотелось убраться подальше от сына и этой квартиры. Идти было некуда, и она направилась на работу.

Зайдя внутрь, Сонсук не увидела Токко за кассой. Тогда женщина огляделась и заметила его среди прилавков: он выравнивал товары на полках. Сколько бы ему ни говорили, что в этом нет необходимости, Токко не отступал от своего занятия, точно пациент с обсессивно-компульсивным расстройством. Но чем ее сын лучше этого мужчины, еще недавно спавшего на вокзале? От этой мысли она почувствовала себя еще несчастнее.

– О, вы пришли, – прозвучал голос Токко.

Сонсук не смогла ответить, ее разрывали рыдания. Она поспешила в подсобку, чтобы переодеться, но слезы не останавливались. Ее сын куда хуже бездомного... Хотя теперь Токко вовсе и не бездомный, а вполне себе полноправный член общества. Еще и стал намного меньше запинаться. В то время как ее сын пристрастился к компьютерным играм и превратился в оторванного от общества неудачника без всяких перспектив. Наверное, это у него от отца. Случись ему скитаться, давно бы уже потерял человеческий облик и стал бродягой. С такими мыслями она села и рыдалась.

Успокоившись, Сонсук заметила, что Токко приоткрыл дверь и смотрит на нее. Он спокойно подошел, протянул руку и помог подняться. В другой руке мужчина держал рулон бумажных полотенец. Сонсук вытерла слезы и высморкалась. Рыдания все еще рвались наружу, поэтому ей приходилось глубоко дышать.

Токко вывел ее из подсобки, и она увидела, как яркие утренние лучи солнца озаряют магазин. Мужчина принес бутылку холодного чая из кукурузных рылец и, открыв, протянул ей.

– Когда плохо... это помогает.

Сонсук некоторое время с удивлением смотрела на бутылку и наконец приняла этот жест заботы. Чтобы как-то подавить растущий внутри гнев, она выпила чай залпом, прямо как пиво в разгар лета.

Утолив жажду, Сонсук решила больше не сдерживаться и заговорила. Токко внимательно слушал ее, будто ждал этого. Она стояла за прилавком и, утирая слезы, рассказывала о своем непутевом сыне, не в силах остановиться. Токко же стоял напротив и сочувственно кивал.

– Я вообще этого не могу понять. Как можно оставить хорошую надежную работу ради неизвестно чего? И так себе испортить жизнь? Акции и киносъемки – это ни капли не лучше азартных игр. Видимо, что-то с ним пошло не так. Да?

– Он еще м-молодой.

– Ему уже тридцать. Тридцать! Безработный лентяй, который не умеет вести себя по-человечески.

– А вы с ним г-говорили?

– Так он меня не слушает. Я миллион раз пыталась. Раньше он пропускал мои слова мимо ушей, а теперь просто избегает меня. Относится ко мне как к домработнице или хозяйке гостевого дома.

– Сначала послушайте его сами. Считаете, что он вас не слушает, н-но и вы его не слушаете.

– Что?

– Меня вы сейчас с-слушаете, а сына – нет. П-почему ушел с работы, п-почему вложился в акции, отчего вдруг хочет снимать фильмы... Я об этом.

– А что изменится? Он сделал, как ему хотелось, и разрушил свою жизнь. Так еще и отказывается со мной разговаривать.

– Раньше же он с вами общался, п-правда?

– Ой... Последний раз – три года назад. Как только сказал, что уходит с работы, я сразу разозлилась. Зачем уходить из престижной компании, в которую ты так хотел попасть, правда?

– А вы знаете п-почему?

– Не знаю.

– Спросите снова. П-почему он ушел оттуда. Может, ему б-было тяжело. Вы должны знать. Это ведь в-ваш сын.

– Боялась, что если я его выслушаю и поддержу, то он и правда уволится. А чего спрашивать? Он отвечал что-то невнятное. Я советовала ему держаться, так он кричал в ответ. С тех пор как отец ушел из дома, по-другому не бывает.

Сонсук торопливо рассказывала ему свою историю и чувствовала, как подступают слезы, но не хотела снова плакать перед Токко. Он задумался, а после мягко улыбнулся ей:

– В-вы испугались. Что с сыном б-будет так же, как с его отцом.

Сонсук перестала плакать. И, сама того не осознавая, кивнула.

– Я думала, у него все сложится иначе... А получается, я где-то воспитала его неправильно... Старалась изо всех сил, но он целыми днями сидит в комнате и играет... – сказала Сонсук и снова всхлипнула.

Токко снова протянул ей рулон бумаги. Когда она вытерла глаза, зашел посетитель. Токко направился в подсобку, а она, собравшись, вернулась за кассу.

После ухода клиента он снова вернулся к ней. К тому времени Сонсук успела немного успокоиться и благодарно улыбнулась:

– Я тебя, наверное, замучила своими рассказами? Просто мне так тяжело... и поделиться не с кем... Спасибо, что выслушал меня, стало легче.

– Так оно и есть.

– Что? – удивилась Сонсук.

– Становится легче. Выслушайте сына... и полегчает. Хотя бы попробуйте.

В этот момент женщина поняла, что ни разу по-настоящему не выслушала сына. Сонсук хотела, чтобы он держался направления, которое она выбрала для него, и ни на шаг не отклонялся, однако при этом совсем не задумывалась, что же терзает его. Если он делал что-то не так, она всегда ругалась с ним, никогда не спрашивая, в чем причина.

– Кстати... – заговорил Токко, положив что-то на кассу.

Тот самый треугольный кимпап, по акции 2+1. Сонсук удивленно посмотрела на мужчину, а он широко улыбнулся и продолжил:

– Отнесите это сыну.

– Сыну?... Зачем?

– Ччамон г-говорил, что за компьютером они х-хорошо идут. Когда будет играть, дайте ему.

Сонсук молча уставилась на треугольники. Сын всегда их любил. Все время просил ее приносить ему с работы просроченные. В какой-то момент она перестала это делать: не хотелось видеть, как он поедает их, уставившись в монитор с игрой.

От размышлений ее отвлекло бормотание Токко:

– Но не только кимпап... Письмо тоже положите.

Сонсук подняла на него взгляд. Он смотрел на нее все так же прямо, снова напомнив ей золотистого ретривера.

– Напишите, что не с-слушали его все это время. А теперь выслушаете... И кимпап н-не забудьте.

Сонсук перевела глаза на роллы и прикусила губу. В это время Токко вытащил из кармана купюру в тысячу вон и протянул женщине.

– Я куплю. П-пробивайте скорее.

Сонсук послушно отсканировала штрих-код. Кассовый аппарат издал сигнал о том, что оплата прошла, а вместе с тем прошла и давняя тревога. Сонсук, которая доверяла только собакам, кивнула доброму псу перед собой.

Токко широко улыбнулся и покинул магазин. Как только прозвенел колокольчик на двери, мысли Сонсук сами обратились к письму сыну.

Глава 4

Один плюс один

Кёнман про себя называл магазин мельницей, потому что, как говорится, ни один воробей не пролетит мимо мельницы. Воробьем в этом случае был он сам. В его детстве пользовалась популярностью песня «День воробья». Сон Чхансик своей музыкой и мелодичным тембром утешал слушателя, сравнивая трудовые будни обычного человека с жизнью воробья: «Какое ясное утро! Как и всегда, сегодня я тоже полечу за холм и соберу зерна...»

В новой, освобожденной стране, будучи еще ребенком и учась в начальной школе, тогда именуемой народной, Кёнман любил напевать эту песню. Знания давались ему не сразу, и он с трудом переходил из класса в класс, так что уже тогда жизнь казалась ему чередой тяжелых дней.

Сейчас стали говорить, что пить алкоголь в одиночестве в каком-то смысле даже романтично. Для Кёнмана эта романтика заключалась в том, чтобы по дороге домой после работы выпить небольшую

бутылку сочжу на веранде магазина. Романтика довольно дрянная, зато некому посмотреть на тебя искоса.

Он уже и сам не помнил, когда столик возле магазина успел стать его пристанищем. А едва начинало холодать, Кёнман заходил внутрь и съедал тарелку рамёна, но, как происходит всегда во время ночных перекусов, остановиться он не мог и обязательно брал треугольный кимпап и кимчи. Довершала роскошный ужин бутылка сочжу. С тех пор как Кёнман начал сюда приходить, он и стал напоминать себе воробья, который не мог пролететь мимо мельницы, и каждый день около полуночи согревался алкоголем и закусками на пять тысяч вон. Так же, как горячая еда охлаждает в жару, холодное сочжу согревало в морозный день, а огромный выбор лапши и кимпапов не давал заскучать, позволяя каждый день создавать новые вариации ужина.

Сегодня у него вечер трех «р», его любимое сочетание, которым он наслаждался уже несколько месяцев. Рамён с кунжутом, роллы с тунцом и, наконец, сочжу «Роса» – самый подходящий вариант для бедняка и отличное завершение дня.

В этот вечер за кассой стоял незнакомый ему мужчина, тяжеловесный и с холодным взглядом, совсем не похожий на прошлого продавца, Анпанмана^[19]. Кёнман нерешительно выложил перед ним свой стандартный набор, а тот неторопливо отсканировал штрих-коды.

– С вас пять тысяч... двести.

Низкий голос прозвучал недружелюбно и тяжело. Кёнман расплатился, взял возле кассы приборы, сел за столик на улице и достал из сумки бумажный стаканчик для сочжу, который всегда носил с собой. Осталось только приготовить лапшу. Открыв крышку, он украдкой посмотрел внутрь магазина – и, увы, встретился глазами с тем мужчиной. Кёнман тут же отвернулся и высыпал приправы в лапшу.

Когда он снова зашел внутрь за кипятком, ему вдруг вспомнился Анпанман. Кёнман прозвал его именем этого героя аниме, потому что продавец был лысый, круглолицый и выглядел так, будто решил по собственному желанию уволиться с постоянного места и стал подрабатывать в ночные смены. Анпанман всегда был с ним любезен, сразу выдавал приборы к лапше и желал приятного аппетита. Еще и бесплатно угощал его сэндвичами с только что истекшим сроком

годности. Их, словно фронтовых товарищей, сближали одни и те же тяготы жизни.

Какой странный мужчина пришел ему на смену... Пока лапша заваривалась, Кёнман задумался. Это пренебрежение и то ли сонный, то ли высокомерный вид, с каким он наблюдал за выпивающим Кёнманом... Точь-в-точь как начальник, который превращает его будни в ад. Все ясно! Этот мужчина уволил Анпанмана, потому что продажи шли плохо. Затем попытался найти кого-то в округе на его место, пусть даже пожилую бабульку, но не смог и стал работать сам. А может, Анпанман просто уже отработал год и его рассчитали. В компании Кёнмана так поступают с внештатными сотрудниками спустя одиннадцать месяцев.

Когда похожий на медведя мужчина вдруг напомнил ему начальника, Кёнман понял, что алкоголь слишком разгорячил его сознание. Проглотив острую лапшу с семенами кунжута, он снова налил себе рюмку.

Все-таки со времен основания Кореи Тангуном экономика недостаточно усовершенствовалась, и работа в корпорации порядком изнуряла. Генеральный директор объявил, что из-за финансовых трудностей премии к Чхусоку^[20] не будет, а вскоре приобрел новую машину – дорогую, западного производства, завидя которую на дороге сразу хочется посторониться. Зарплату Кёнману начальник не повышал уже четыре года и даже не собирался обсуждать этот вопрос, обсуждали ее только младшие сотрудники, и лишь за его спиной. А если бы он уволился, хотя обстоятельства ему этого не позволяли, начальству не было бы ровным счетом никакого дела, так что генеральный директор казался ему настоящим владыкой ада.

И даже дома не было спасения. Казалось, из кругов ада не сбежать, как из компьютерной игры. В следующем году близнецы пойдут уже в среднюю школу и расходы на их воспитание возрастут многократно. Теперь и жене, которая занималась хозяйством, приходилось подрабатывать, поэтому времени на мужа просто не оставалось. Из брака давно исчезли теплота, надежность и поддержка, а вместе с ними и сочжу, которым он любил запивать свой ужин: жена считала, что детям надо подавать пример, поэтому запретила держать дома алкоголь. Единственного хобби – просмотра лучших моментов профессионального бейсбола – его тоже лишили. Он слишком уставал

на работе, которая не приносила ему большого дохода, не мог сосредоточиться на детях, не ценивших его, а в конце концов устала от всего и жена, поэтому он перестал стараться. Он стал мужем, не существующим для супруги, и отцом, не интересным своим детям. А если его уволят с работы, то даже этот его никчемный статус пошатнется и жизнь Кёнмана ждет самый печальный конец.

Когда все пошло наперекосяк? Сорок четыре года он жил честным трудом. Окончив посредственный университет, последовательно и сосредоточенно делал карьеру в сфере продаж: сначала это были медикаменты и страхование жизни, затем автомобили, копировальная техника и медицинское оборудование. Кёнман не родился с серебряной ложкой во рту, да и особым талантом не отличался – его коньком стало усердие и доброта. На одной из деловых встреч он познакомился с будущей женой, а когда у них родились дети, с гордостью подумал, что можно прожить и без серебряной ложки. Главное – наслаждаться тем, что имеешь.

Но время расставило все на свои места. Те, кто начинал с преимуществом, за годы накопили капитал, опыт и стали свободнее. А Кёнман так и остался солдатом в окопе, который потратил все патроны и вынужден идти в бой босиком. Сколько бы он ни зарабатывал, расходов было больше, а сил становилось только меньше. А когда иссякли силы, он лишился единственного козыря – усердия и доброты, которые с годами сменились некомпетентностью и угодливостью. Постепенно сдала позиции и психика, поэтому на работе он стал изгоем.

Погрузившись в горькие мысли, он опустошил стакан. В бутылке оставалась еще половина. Оттого, что сочжу почти закончилось, а омлет он не доел, становилось не по себе. Но вторую бутылку накануне рабочего дня Кёнман позволить себе не может. Это раньше он пил по три-четыре штуки и наутро спокойно шагал на работу, а сейчас даже две могут закончиться тошнотой и рвотой по пути в офис.

Что же случилось с его стойкостью? Никакой стойкости давно нет. В молодости были силы исправлять ошибки, а похмелье смывалось горячим душем, теперь же стойкость стремительно испарялась, как в игре сгорает шкала выносливости. Кёнман проглотил последний кусок кимпапа и доел лапшу, затем вылил остатки сочжу в стакан. На этом

его ежедневная порция свободного времени закончилась, и он вышел из аккаунта.

На следующий день за кассой вновь стоял тот безразличный мужчина, похожий на медведя. Но теперь он протянул Кёнману приборы сам: по-видимому, уже привыкает к работе. Быстро учится. Наверное, поэтому хозяин магазина он, а не Анпанман, пусть они и ровесники. Скопив активов к тому возрасту, когда другие выходят на пенсию, он наслаждается размеренной жизнью, управляя несколькими магазинами и время от времени подменяя работников, если возникает потребность.

Кёнман почувствовал смесь зависти и злости из-за собственной беспомощности и встал из-за стола, убирая за собой остатки единственной радости, которую он испытывал за день. Мужчина все еще наблюдал за Кёнманом. Интересно, что он подумал? Наверное, что Кёнман неудачник и бедняк. Но, так или иначе, Кёнман был их покупателем, и, можно сказать, образцовым: тратил каждый день по пять тысяч вон и оставлял за собой чистый столик. Пусть взгляд мужчины напрягал Кёнмана, однако уж это место у него никто и никогда не отнимет.

* * *

Так прошел месяц – 2019 год приближался к концу. Черт. В этом году ему опять не повысили зарплату. Спасибо, хоть не урезали. У него сводило живот от одной только мысли, что близнецы в следующем году пойдут в среднюю школу. Жена как-то аккуратно намекнула, что в этом возрасте их надо отдавать на дополнительные занятия. Кёнман согласился с ней, но опять ощутил тяжесть в желудке. В какой-то момент она сделалась настолько невыносимой, что его единственным лекарством стала бутылка сочжу на столике возле круглосуточного магазина.

Кёнман даже не заметил, как мужчина вырос напротив него. Токко показалось, что посетитель, съезжившись от холода, усталости и опьянения, задремал. Поэтому, открыв глаза, Кёнман увидел перед собой человека в белой куртке, напоминающего полярного медведя и пускающего пар изо рта.

– Извините, если вы т-тут будете спать, т-то замерзнете.

С ним говорили как с бездомным. Кёнман рассердился, однако решил не спорить с хозяином магазина, учитывая его внушительные размеры. Он только вылил остатки напитка в стакан.

– Алкоголь... не согреет.

Хозяин говорил заикаясь. Кёнману он не нравился, то ли потому, что все время поглядывал в его сторону, то ли из-за своего чинного спокойствия, как у аристократа. Оставалось лишь с грустью опустошить стакан.

– Так уже теплеет. Я допью и уйду, так что можете не напоминать, – с некоторым раздражением ответил Кёнман и схватил бутылку.

А сочжу больше и нет! Кёнман причмокнул и смутился. Затем пришла злость... Выпить уже нечего, а выглядеть глупо не хотелось. Внезапно мужчина перед ним сказал: «Секунду» – и нырнул в магазин. Что он задумал?

Вернулся он с двумя большими бумажными стаканами для кофе. Кёнман удивленно посмотрел и, заметив в напитке два кубика льда, неожиданно подумал про виски. Ну точно виски. Но зачем? Или, может, яд? Кёнман с опаской взглянул на мужчину. Тот подбородком пригласил гостя попробовать напиток и сам сделал глоток. Вид у него был спокойный и даже вальяжный, как у человека после бокала вина. Кёнман вдруг вспомнил, как рекламировал медикаменты и приводил в дорогие бары с эскортницами профессоров и врачей, которые с легкостью поглощали виски с пивом, будто ячменный чай.

Пока Кёнман наблюдал за ним, мужчина опустошил стакан, оставив лишь кусочки льда на дне. Затем с удовольствием облизал губы. Наблюдавший за ним Кёнман решил, что ничем не хуже, и тоже залпом выпил стакан. Холодная жидкость тут же опустилась вниз по пищеводу. Будь это виски, все бы горело. Что же он выпил?

– Свежо?

– Что это вообще?

– Чай из... кукурузных рылец. Когда плохо... он помогает.

Чай из кукурузных рылец со льдом... Кёнман удивился, не зная, что сказать.

– Из-за его цвета... кажется, что пьешь... алкоголь. И внутри отпускает.

Что? Кёнман подумал, что, если это не какой-нибудь сумасшедший, значит, над ним просто издеваются. Однако разозлиться всего лишь на то, что его угостили безалкогольным напитком, тоже нельзя. Гость через силу кивнул и поднялся, чтобы уйти.

– Я тоже... каждый день его пью, – тихо произнес мужчина.

Кёнман остановился и, ощутив на себе взгляд собеседника, снова сел.

– Если пить каждый день, то м-можно пристраститься. Телом и душой. Поэтому...

Токко запнулся и холодно посмотрел на гостя. Странно. Кёнман подумал: не считает ли Токко, что он алкоголик? Тогда о чем речь?

– К чему вы ведете? Мне нельзя больше сюда приходить?

Уголки губ Токко поднялись. Он потянулся во внутренний карман куртки... Неужто хочет достать нож? Но перед заметно взволнованным Кёнманом оказалась бутылка чая из кукурузных рылец.

– Пейте этот чай. Вот, в-возьмите еще.

Мужчина общался с ним будто с закадычным другом. Откупорив бутылку, он наполнил стаканы, на дне которых остался лед, и неожиданно протянул руку вперед. Кёнман бессознательно поднес свой стакан к стакану мужчины и залпом выпил. Уф. Холодно.

– Я тоже раньше п-пил алкоголь такого цвета, – признался собеседник, опустив руку.

Вот, значит, как. Хозяин магазина тоже любил выпить и хорошо зарабатывал, а теперь, видимо, занялся здоровьем и неспешно наслаждается вторым актом своей жизни.

– Но теперь... я пью только это. Без алкоголя м-можно прожить.

– Вы сейчас предлагаете мне бросить пить?

Мужчина невозмутимо кивнул, и Кёнман разозлился.

– Просто скажите мне, чтобы я больше сюда не приходил. Зачем раздавать советы?

– Хочу помочь... Буду д-давать вам этот чай со льдом к-каждый день. С лапшой и кимпапом... получится вкусно... и без мыслей... про алкоголь.

– А я чем-то мешаю вашей работе? Оставляю за собой мусор? Чем вы мне хотите помочь? Сказали бы просто, чтоб я больше не приходил сюда!

Кёнман встал и ушел, не оглядываясь: «А столик уберет этот идиот-хозяин!»

Так и закончится его связь с этим местом. Больше не осталось в его жизни ничего, что ему дорого. Кёнман не понимал, протрезвел ли он или дело в холодном воздухе, но мужчина с особенной силой ступал по зимней дороге, будто с каждым шагом стараясь подавить в себе сожаления о том, что его мельница рухнула.

Под конец года каждые два дня Кёнман возвращался с корпоративов выпившим. Конечно же, он не скучал по магазину и тем не менее каждый раз, направляясь домой по самой короткой от метро дороге, засматривался в его сторону. Столик на улице казался без него таким одиноким.

«Так ему и надо», – думал он и шел дальше.

* * *

Наступил 2020 год, преисполнив всех надеждой на новое. И жена, и близнецы, которые теперь пойдут в среднюю школу, с радостью встречали праздник. Ростом дети уже были ему по плечо, совсем скоро он станет самым низким в семье: рост жены со свадьбы не поменялся и остался равен 168 сантиметрам, а вот он за это время уменьшился – на прошлом медосмотре оказалось, что уже на два сантиметра уступает ей.

И дело не только в росте. К новому году он будто постарел, поэтому его уверенность в себе начала слабеть. Все из-за того, что его постоянно унижают на работе и не замечают дома. И если от насмешек коллег и бизнес-партнеров его спасло бы увольнение, то семейные проблемы просто так не решить. Может, заодно уйти и из дома? Стать бродягой. В этом году он хотел найти новую работу. Пусть там будут меньше платить, зато хотя бы отнесутся по-человечески. А нехватка денег неизбежно скажется на отношениях в семье. Поэтому новый год, как и старый, обещал ему лишь зимнюю стужу. Да и разве это не правда? Ведь и в декабре 2019 года, и в январе 2020 одинаково холодно. Кёнман с жалостью смотрел на тех, кто радовался праздникам, а новогодние украшения, развешанные по всему городу, вызывали в нем только досаду.

Хотелось выпить. Но из трех его друзей-собутельников двое в новом году решили отказаться от алкоголя, а третий уехал в родной город. Праздник встретили как обычно: выпили за проводы старого года и поели. Ничего особенного. Казалось, весь мир Кёнмана отторгал. Дома – понемногу, на работе – со всего размаху... Поэтому его кровь жаждала алкоголя.

Таким, как он, остается пить в одиночестве. На роскошное пьянство в баре не хватало ни денег, ни эмоциональной свободы. Оттого по пути с работы он и заходил в круглосуточный магазин: только в одном-единственном на зиму не убрали уличные столики – там, где хозяином был тот странный, медвежьего телосложения мужчина, который пил чай из кукурузных рылец. И который почему-то работал в ночные смены сам, вместо того чтобы найти помощника. Вот черт. Начальник должен создавать рабочие места, и тогда не нужна никакая экономика просачивания. Сначала Кёнман собирался пройти мимо магазина, но внезапно остановился.

Почему-то на уличном столике лежала упаковка заварной лапши с кунжутом. Три «р», его излюбленная комбинация. Он скучал по ней. Только она могла утешить его в тот мрачный, беспросветный Новый год. Открыть ему двери в праздник. Терпеть не было сил. Пусть это наживка хитрого медведя, на которую его собирались поймать, как лосося, Кёнман все равно должен съесть ее. А если медведь нападет на его одинокий столик, у Кёнмана найдутся силы превратить морду зверя в кукурузные рыльца.

– О... давно вас не было, – поздоровался мужчина.

Все такой же неторопливый. На приветствие хозяина Кёнман лишь кивнул и поспешил на улицу. Несмотря на холод, он торопливо залил лапшу водой, распечатал кимпап и откупорил бутылку сочжу. Черт побери. У него же нет стаканчика. Он выбросил тот, который всегда носил с собой в сумке. Покупать стакан ему не хотелось, а просить значило показать свою слабость перед этим полярным медведем. И ладно. Можно и так обойтись. Разве сочжу нельзя пить из горла?

В этот момент мужчина вышел из магазина. Кёнман старался сохранять самообладание, но, заметив в его руке вентилятор, пригляделся повнимательнее. Оказалось, это тепловая пушка.

Мужчина включил ее в неизвестно откуда взявшуюся розетку и поставил возле него.

Затем он вытянул руку, словно приглашая Кёнмана насладиться теплом, осмотрел столик и вернулся в магазин. Под струей горячего воздуха недоумение испарилось, и гость расслабился. Ожесточение на его лице, вызванное то ли зимним морозом, то ли смущением из-за возвращения сюда, смягчилось.

– Только такие... есть, – оправдался полярный медведь, вернувшись с большим стаканом, куда они уже наливали чай из кукурузных рылец.

Кёнман взял стакан и задумался. Нужно было что-то сказать.

– Спасибо.

– Да н-не за что.

– За стаканчик... и пушку.

– Вас давно не было... Уж думал, не понадобится.

– Что? Пушка?

– Вы часто сюда приходили... Когда похолодало... я купил это для вас... В любом случае рад вас видеть.

С запинкой произнеся эти теплые, даже теплее воздуха из пушки, слова, мужчина снова исчез. Кёнман опустошил бутылку сочжу, совсем забыв о лапше.

Как тепло. Сочжу, стаканчик к нему и эта штука с теплым воздухом, которую мужчина приготовил именно для него. Оставленный на произвол судьбы, всему свету безразличный Кёнман наконец не чувствовал отчуждения. Этот неприметный магазинчик на углу стал его убежищем. Он ощутил себя самым важным посетителем.

Кёнман в мгновение справился с тремя «р». Он хотел уже пересесть поближе к горячему воздуху, как рядом снова оказался хозяин. Значит ли это, что настало время расплатиться? В одной руке он держал стаканчик со льдом, а в другой – чай из кукурузных рылец. Черт возьми.

С виду он старше Кёнмана лет на десять. Может, достаточно будет опрокинуть по стаканчику, как он делал с деловыми партнерами?

– Вам тяжело? – прозвучал банальный вопрос после того, как они чокнулись.

Кёнман лишь кивнул. В задумчивости собеседник несколько раз провел своей крупной ладонью по подбородку и снова спросил:

– Кем вы работаете? Всегда так поздно возвращаетесь.

«Даже смешно. Решил заодно выведать у меня личную информацию?»

– В торговле.

– Что п-продаете?

«А он прямо купить собрался?»

– Медицинское оборудование.

– Оборудование... В больницы, значит?

«Может, у тебя и больницы есть?»

– Да.

– Тогда, наверное, вы очень заняты... У вас есть д-дети? На вас чувствуется груз... главы семьи.

«Теперь и личную жизнь затронул? Он переходит границы. Груз главы семьи? Меня больше ваш вес интересует».

– Вы тоже похожи на главу семьи.

– Так поздно возвращаетесь домой. Н-наверное, совсем детей не видите. У вас д-дочь?

«Он что тут, гадать вздумал? Сын или дочь?»

– Две дочери.

– Хорошо. Дочери л-лучше.

Мужчина потер лицо своими толстыми медвежьими руками. Отчего-то он казался печальным, и Кёнман понемногу оттаял. Не отдавая себе отчета, он потянулся за кошельком и достал фотографию своих близняшек накануне поступления в начальную школу, на которой они лучезарно улыбались. На фото их совсем было не отличить друг от друга. Такими, шестилетней давности, он видел их чаще.

Мужчина смотрел на фотографию дочерей, словно на бесценное сокровище.

– Обе очень м-милые, не могу различить.

– Они близняшки.

– Вот как... Значит, вы ради н-них столько работаете.

– Разве не все родители так делают?

– Трудно б-быть родителем.

– Да, это точно.

Кёнман знал, что все это наводящие вопросы, но в какой-то момент его прорвало, плотина лопнула и его понесло на моторной

лодке по словесной реке. Он поведал о дочерях, которые пошли в среднюю школу и давно с ним не общаются, о равнодушной жене, притеснениях и пренебрежении на работе. Кёнман, как одержимый на исповеди, брызгая слюной, рассказал Токко обо всем.

Тот снова долил ему чая. Кёнман с радостью выпил его залпом, так как в горле пересохло. Сначала ему полегчало, однако потом, словно с похмелья, ему стало неловко.

– Вы и работу бросать н-не хотите, и на семью в-времени не хватает.

– И ничего с этим не поделать.

– Поэтому в-вы пьете п-после работы.

– Да.

– Ну... тогда пейте чай из кукурузных рылец.

– Что?

– Бросьте алкоголь и п-перейдите на этот чай. Вы сказали, что жена запретила п-пить дома, а его м-можно пить и дома, за ужином с семьей.

– О чем вы говорите?

– Я сам бросил всего два месяца назад. Это в-возможно.

Мужчина говорил так, будто сам изобрел чай из кукурузных рылец, и попытался налить ему снова. Кёнман стремительно встал и взял свою сумку.

– Спасибо. Было вкусно, – попрощался он и поспешил прочь.

– Без алкоголя н-на следующий день станет легче. И на работе хорошо скажется, – пробормотал ему вслед мужчина, будто оглашая диагноз.

«Конечно, на работе хорошо скажется, а там и на зарплате, и на должности. Вот так джекпот! Все ж это знают? Особенно те, кто купается в чае из кукурузных рылец».

* * *

После того неловкого, абсурдного диалога Кёнман стал возвращаться от метро более длинным путем, чтобы держаться от магазина подальше. Приходилось подниматься по лестнице и пробираться через заснеженный тенистый переулок, но все лучше, чем

встречаться с тем толстолицым любителем поучать. Кёнман поклялся себе больше никогда не пить в том дешевом грязном месте.

Правда, как ни смешно, теперь ему стало вообще негде пить. Бары ему были не по душе, а остальные магазины в округе выставят столики на улицу только по весне.

Черт возьми. Хоть помирай. Кёнман решил после работы идти сразу домой, отказавшись от алкоголя. Он стал возвращаться домой трезвый и к одиннадцати часам. К его удивлению, жена и дочери поддержали такие изменения, посчитав это планом Кёнмана на новый год. Планом? Конечно, они неправильно все истолковали, и все-таки ему было приятно впервые за долгое время ощутить их поддержку. Поэтому он взаправду решил отказаться от алкоголя. После работы его стало тянуть домой, и пропал соблазн выпить.

Вечером они всей семьей смотрели телевизор. Оказалось, помимо бейсбола, существует много интересных передач. Особенно спешил он домой по средам, когда показывали «Ужинаем вместе». Старшая дочь пожаловалась отцу, что передача и ее ведущий Кан Хотон не приходят в их район. Вот бы он постучал к ним в дверь в костюме Санта-Клауса!

А дочери, которая родилась на пять минут позже, больше нравился второй ведущий, Ли Кёнгю. Она как-то даже показала буклет, где он в костюме Дон Кихота рекламировал жареную курочку «Дон Цыпленок». В эти предпраздничные дни жена разрешала детям ее заказать. И возможность насладиться ей вместе с папой неслыханно радовала их.

Только чему именно они радовались? Курочке? Папе? Вовсе не важно. Совместные трапезы и есть семья.

* * *

Даже приехав к родителям на лунный Новый год, Кёнман не притронулся к алкоголю. Отец и братья, которые вечно напивались и играли в карты по праздникам, не придали этому большого значения, а вот мать и жена не могли нарадоваться.

Спустя пару дней он возвращался с работы и, сам не зная почему, пошел мимо того круглосуточного магазина. Он больше не вызывал мыслей об алкоголе, Кёнман шагал легко и беззаботно, но кое-что все

же привлекло его взгляд. Хозяин магазина так и не нашел сотрудника на ночные смены.

За кассой никого не было, однако по упаковке чая из кукурузных рылец на уличном столике он ощутил присутствие полярного медведя. Вот уж забавный персонаж. Раньше Кёнмана влекла в магазин лапша, а теперь притянул чай.

Он молча взял бутылку со столика и зашел внутрь. Дзинь. Никого нет. Тишина, словно в вакууме. Кёнман еле сдерживал желание отведать чая из кукурузных рылец, но за кассой не было продавца. Вот вам и «все для вас».

Внезапно со склада, словно из берлоги после зимней спячки, вылезло тучное тело полярного медведя. Усмехнувшись при виде него, Кёнман направился к кассе и вдруг смутился, не зная, что сказать.

– Как вы поживаете? Все хорошо?

– О! Да, все х-хорошо. А у вас?

– Спасибо вам.

Повисло неловкое молчание. Кёнман положил на прилавок чай.

– Сколько с меня?

– Бесплатно.

– Почему?

– Я оставил ее д-для вас.

– Но зачем?

– Н-ну я же говорил, к этому чаю тоже легко пристраститься. А если пить по две-три бутылки в день... то и продажи в магазине вырастут. Так называемая приманка, – запинаясь, проговорил мужчина.

Верилось слабо, но Кёнман заставил себя.

– Спасибо, – кивнув, поблагодарил он.

– Возьмите тогда в-вот это.

Кёнман проследил за рукой Токко. Возле кассы стоял прилавок с шоколадками «Лоакер».

– Да, на них сейчас акция 1+1.

Возле шоколадок и правда висело объявление. Кёнман взял две шоколадки и положил на кассу.

– С-самым милым, одинаково милым д-девочкам из Чхонпхадона понравится, – невозмутимо сказал Токко, подсчитав стоимость покупки.

Сердце Кёнмана колотилось. Протягивая карту, он почувствовал, как пересохло в горле.

– В-ваши дети обожают этот шоколад, но перестали его покупать... Только шоколадное молоко по такой же акции... В-вот я и спросил их, почему они его не берут...

– И?

– Старшая или младшая, н-не знаю точно кто, сказала, все потому, что больше на этот шоколад нет акции 1+1.

Токко протянул Кёнману карту. Тот молча взял ее.

– И я с-спросил, почему они не попросят маму к-купить. З-знаете, что они ответили? – медленно продолжал он.

У Кёнмана перехватило дыхание.

– Что?

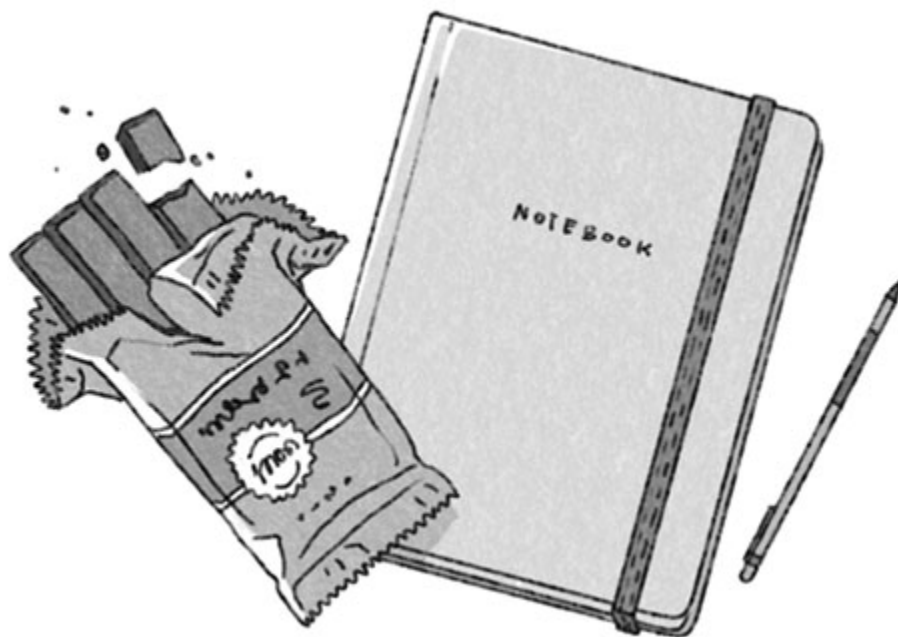
– «Мама г-говорит, что папа очень старается, чтобы заработать д-денег. Поэтому в магазине н-надо покупать по акции 1+1». Экономят... Совсем взрослые... Поэтому вчера я снова сделал на них акцию. Сегодня вы в-возьмете, а завтра пусть они приходят.

Из глаз Кёнмана хлынули слезы. Токко лишь горько улыбнулся и постучал пальцами по кассе. Покупатель вытер слезы рукавом пальто, поклонился, открыл бумажник и вставил карточку.

А внутри лежала фотография, с которой ему улыбались его дочери, которые тоже шли парой, словно по акции 1+1.

Глава 5

Ничего для вас

Жизнь – это путь от решения одной проблемы к решению другой. Ингён была уже не студенткой, чтобы ловко управляться с увесистыми сумками на колесах. Сумка захрохотала, и женщина огляделась. Проблема, с которой ей предстояло разобраться сегодня, – это поиск места для жилья этой зимой. К счастью, она уже знала, где остановится. Хотя разобраться в паутине сеульских переулков оказалось не так-то уж легко. Она вышла на станции «Намён» и по карте отыскивала церковь в Чхонпхадоне, но затем айфон отключился, оставив ее наедине с переулками. Все-таки зима близко подкралась! Из-за холода телефон объявил забастовку, отчего и без того трудная задача усложнилась, и даже позвонить было некому.

«Черт...» – Ингён еле сдержалась, чтобы не произнести это вслух, и отправилась искать помощи.

Наконец на углу небольшого трехстороннего перекрестка она углядела укромный магазинчик и из последних сил покатила за собой сумку туда: не зря ведь он называется «Все для вас».

Ингён оставила чемодан у двери и взяла с ближайшего прилавка плитку шоколада. Затем повернулась и заметила продавщицу – девушку лет двадцати. Та молча за ней наблюдала, из-за скромного роста едва выглядывая из-за кассового аппарата.

Гостья расплатилась и тут же открыла шоколадку. Когда сахар попал в кровь, ноги и руки, усталые от непосильной ноши, перестали трястись. Вдруг она снова заметила, что за ней наблюдают, и засунула в рот шоколадку целиком. Дожевав остатки шоколада, точно жвачку, Ингён вежливо спросила у девушки, можно ли от них позвонить.

Получив разрешение, она спешно открыла сумку и достала записную книжку. Как хорошо, что там есть все номера! Ингён набрала один на стационарном телефоне, и вскоре с того конца послышался молодой голос студентки женского университета. Женщина объяснила, что с ней произошло и где сейчас находится.

– Магазин «Все для вас»?

– Да.

Оказалось, что ей оставалось дойти до третьего этажа пятиэтажки напротив. Ингён положила трубку и посмотрела на улицу. Из окна квартиры выглянула девушка с такой же улыбкой, как у Хису, и помахала ей рукой.

* * *

Прошлую зиму Ингён провела в культурном центре «Земля», который основала Пак Кённи в городе Вончжу, автор одноименного романа-эпопеи. Благодаря этому центру она поддерживала молодых писателей и художников и обеспечивала их трехразовым питанием. Именно туда Ингён переехала, став писательницей, и именно там планировала закончить свою карьеру.

Забрав вещи из арендованной комнаты на улице Тэханно^[21], Ингён отправилась домой, а при себе оставила лишь сумку на колесах. Культурный центр «Земля» расположился в тихой лесной деревне на окраине Вончжу, что превратило его в скрытую крепость для писателей. Там можно вдоволь насладиться одиночеством, ни одна душа вас не потревожит.

Ингён каждый день питалась здоровой пищей и выходила на прогулку, где могла упорядочить свои мысли. Писатели вращались вокруг одной оси, словно отдельные планеты, лишь изредка перекидываясь взглядами. Кто-то из них играл после обеда в настольный теннис, другие, поужинав, собирались возле ближайшего ручья с бутылкой рисового вина. В обычный день Ингён с радостью бы присоединилась к какой-нибудь из групп, но на этот раз ей хотелось провести время в одиночестве. Если и здесь ее не настигнет вдохновение, она завяжет с писательским трудом.

Хотя одиночество не гарантировало вдохновения, Ингён не сильно переживала: время научило ее смирению. Ведь, даже что-то написав, она не могла знать, когда ее произведение оживет на сцене. Вместе с некогда яркими осенними листьями исчезало и время, пока она спрашивала себя, сможет ли и дальше быть драматургом.

Через три недели после заселения к Ингён подошла Хису, писательница средних лет, примерно того же возраста, что самая младшая из тетушек Ингён. Она была профессором литературы в университете Кванчжу. Во время своего творческого отпуска Хису ездила по отечественным и зарубежным литературным музеям, пока не оказалась здесь. Как-то раз она заметила, что Ингён часто запирается в комнате, точно автор-аскет на пенсии.

– Запираться в писательской комнате, чтобы бросить писать? Хороший сюжет для романа. Но больше подходит для пьесы в театре абсурда.

– У меня... нет выбора. Я чувствую, что достигла своего предела. Я честно преодолевала все жизненные трудности, но сейчас устала.

– Так отдохните. Пак Кённи при жизни говорила: «Не трогайте здешних писателей, даже если они бесцельно болтаются по округе и ничего не пишут. Чтобы что-то написать, им просто необходим отдых. Им нужна свобода, чтобы обдумать будущее произведение. Иначе они не пишут, а печатают буквы на клавиатуре».

– Спасибо вам. Я ведь нигде не училась писательскому делу. И слова такого уважаемого профессора, как вы, для меня очень ценны.

– Не называйте меня профессором, пусть я буду для вас просто наставником. Зовите меня иногда, как соберетесь пройтись.

В первую же их совместную прогулку Хису нашла, как приободрить Ингён, и с тех пор они всегда гуляли вместе. Ходили к

озеру, в кампус университета Ёнсе, прошлись по всем лесным тропинкам, а накануне отъезда поднялись на гору Чхиаксан. Расставаться было жаль, ведь друг для друга они стали поддержкой и утешением.

За неделю до отъезда Хису спросила Ингён, куда она направляется теперь. Женщина ответила, что, хоть и не смогла много написать за время отдыха, у нее появились силы и в Сеуле она подыщет новую студию, подходящую для одинокого писателя. Сказала, что пенсию решила отложить, а здесь у нее был своего рода «сбор урожая»: она встала на путь к своей мечте и в Сеуле должна завершить его. Хису кивнула.

– А где вы снимете комнату?

Ингён думала арендовать дешевую комнатку без залога. Ей не хватало ни денег, чтобы позволить себе что-то другое, ни воли, чтобы собраться с силами и начать писать, а в тесноте четырех стен у нее не останется путей для отступления. Если же и тогда она не сможет ничего написать, то, отбросив все сомнения, вернется в родной Пусан.

Тем более у Ингён там много дел. Она могла бы работать в семейном павильоне на рынке Пупхён, навещать друзей в их магазинах. Родители станут убеждать остепениться, не сопротивляться и выйти наконец замуж, завести детей.

– В Пусане я могу много чего делать, помимо писательства, – с застенчивой улыбкой добавила она.

Хису лишь озадаченно улыбнулась в ответ. На следующий день она спросила, не хочет ли Ингён пожить в другом месте – не в узкой комнатке. Старшая дочь Хису на каникулы возвращается в Кванчжу, и ее квартира в пятиэтажке будет пустовать. Там Ингён и могла бы поработать. Заметив удивление и даже сомнение на лице Ингён, Хису добавила, что дочь вернется в марте, так что жить можно будет всего три месяца. Когда Хису настояла, чтобы она жила в их квартире бесплатно, Ингён едва не расплакалась. Растроганная, она смогла лишь выдавить робкую улыбку.

И вот у Ингён снова появилась комната, которая, если повезет, станет для нее последней. Здесь и могут закончиться сеульская, писательская и театральная главы ее жизни – на третьем этаже пятиэтажки в квартале Чхонпхадон.

– Мама попросила показать вам район. Но... нам с молодым человеком нужно будет уехать в Кванчжу.

– Все нормально. Я сама справлюсь. Зимой все чисто и хорошо видно.

– А вы клевая. Моя мама вот придирчива... Наверное, это потому, что вы актриса. Не похожи вы на писательницу. Очень свежо выглядите.

– Актриса на пенсии. Теперь я только придирчивая писательница, – нахмутив брови, нарочито грозно произнесла Ингён, на что дочь Хису разразилась хохотом.

У хороших людей вырастают хорошие дети. Вдруг вспомнилось, что ей сказала Хису в их последний день в Вончжу. Ингён спросила, почему та была так добра к ней. Вопрос бессмысленный, но Ингён хотела выразить свои чувства. Хису задумалась, а потом ответила:

– Бабушка Боба Дилана говорила ему: «Счастье не в конце дороги, сама дорога и есть счастье. Так что будь добр к каждому, кого встречаешь на своем пути, все они ведут тяжелую битву»^[22].

Встретив Ингён на своем пути, Хису вспомнила эти слова. Внушительный ответ. Теперь Ингён и сама захотела стать фанаткой Боба Дилана.

На следующий год после того, как он получил Нобелевскую премию по литературе, Ингён стала писательницей. В ее жизни Боб Дилан занимал особое место. Ведь он, будучи музыкантом, взял премию по литературе, как и она, будучи актрисой, смогла стать драматургом. Примерно тогда же, когда он был удостоен приза, на Ингён обрушились упреки за то, что она раскритиковала пьесу старшего коллеги. Многих возмутило, с какой стати актриса возомнила себя знатоком режиссуры. Поэтому в конце года Ингён отправила собственную пьесу на литературный конкурс в одну газету и, к своей радости, победила.

Проблемы начались потом. После того как Ингён стала драматургом, ей реже предлагали роли, из-за чего исчезали и шансы продвинуть свои работы на сцену. Многих режиссеров тяготили драматурги из числа бывших актеров, а продюсеры не воспринимали всерьез их пьесы. Ингён теряла терпение и чувствовала себя униженной. Она часто впадала в гнев и этим подорвала себе репутацию.

Съехать с богемной улицы Тэханно она решила, когда перестала играть на сцене. В ежегодной летней постановке Ингён всегда давали главную роль – двадцатисемилетней невесты Пинны, сбежавшей из дома за два дня до свадьбы, и это была своего рода ее визитная карточка. Однако весной позапрошлого года продюсер поблагодарил ее за работу и сообщил, что они больше не смогут работать вместе. И оправдал это тем, что ей самой уже тридцать семь лет и пора освобождать роли для молодых коллег. Ничего не поделаешь. Но когда он добавил, что в будущем они обязательно вместе поработают над более зрелой ролью, Ингён лишь усмехнулась и захлопнула за собой дверь. Гнев не прошел и когда она вернулась в свою арендованную комнату.

«Значит, зрелую роль можно получить, только будучи в возрасте? Собакам ее отдай!» – прокричала она и приняла решение писать зрелые произведения.

С тех пор прошло два года, но Ингён за это время успела произвести на свет лишь пару работ, и обе – в стол. Они получились не просто зрелые, а почти сгнившие. Ингён тогда бродила по Тэханно, словно призрак, помогая в постановках коллегам или присутствуя на шумных писательских пьянках. Внезапная победа на конкурсе хоть и сделала из нее драматурга, однако писательские навыки все еще были далеки от совершенства. Поэтому она продолжала писать, чтобы набить руку, а ее работы по-прежнему отвергались. Этим летом, после многих перипетий, пьесу Ингён все же согласились поставить на сцене театра ее коллеги. В итоге эта дебютная постановка и для нее, и для критиков, да и для зрителей осталась жалким воспоминанием.

Она верила, что вся жизнь – это путь от решения одной проблемы к решению другой. Только, похоже, больше сил нет. Ингён переехала в Сеул десять лет назад в надежде стать актрисой, отказалась от покупки квартиры и потратила эти деньги на ежемесячную арендную плату, так что теперь расплачиваться оказалось нечем. Ингён чувствовала, как от мечты ее отделил черный занавес. Не было сцены, где ее бы ждали, да и сцена, которую создавала она, не открылась. Идеи иссякают, а писательские навыки ненадежны, как батарея старого мобильного телефона.

Ингён распаковала вещи и села за стол в комнате, которую ей оставили. Перевела дыхание. И поняла, что не знает, как эти три

месяца могут изменить ее жизнь. К счастью, Сеульский вокзал совсем близко: если за это время у нее не получится создать законченное произведение, то она не раздумывая сядет на ближайший поезд до Пусана. Раздался гудок машины. Дочь Хису улыбнулась и сообщила, что приехал ее молодой человек.

В тот вечер, проводив ее, Ингён легла отдохнуть и быстро уснула. А когда проснулась, уже наступила полночь. Похоже, она сильно утомилась. Ее футболка была влажной от холодного пота, а живот втянулся от голода. Вспомнив, что решила не притрагиваться к еде в квартире, Ингён накинула куртку и вышла на улицу.

От холода шел пар изо рта. Женщина направилась в тот круглосуточный магазин, откуда звонила днем, и услышала, как продавец басом поприветствовал ее. За кассой стоял мужчина средних лет. Таким часто в пьесах доставались роли подчеркнуто грузных персонажей. И лицом он походил на тех, кого ценили не столько за красоту, сколько за театральный талант.

«В любом случае ночью к нему в магазин едва ли осмелится заявиться вор», – подумала она и стала осматриваться.

Ассортимент она не оценила. Не было ее любимых печений, а полки для свежих продуктов по большей части пустовали. Роллы и сэндвичи Ингён не особенно любила, а ланч-боксов осталось всего два, да и те средненькие.

В расстроенных чувствах она выбрала замороженные паровые пельмени и вяленую говядину, а после направилась к холодильнику с алкоголем. Ее любимого пива по акции четыре банки за десять тысяч вон не было, поэтому пришлось взять две банки «Хайнекена».

– Как-то мало у вас обеденных наборов. Не выставляете много?

– Чтобы н-не пропадало, – с удивлением и запинкой ответил мужчина.

Ингён любила обеденные наборы за то, что во время работы ей не приходилось отвлекаться на готовку, поэтому новость ее опечалила. Внезапно она вспомнила, что не знает, можно ли в квартире где-то разогреть замороженные пельмени. Женщина огляделась в поисках микроволновой печи в магазине, но безуспешно. Продавец же ответил, что как раз сегодня печь сломалась и ее отдали в ремонт, и принес свои извинения все тем же низким и спокойным голосом.

– Да нет, вам не за что просить прощения... Просто немного неудобно.

– Да уж... «Все для вас»... Скорее, ничего для вас.

Искренность мужчины позабавила ее. Какая самоирония! Чем он, интересно, занимался раньше? Ингён посмотрела ему прямо в глаза. Грузный подбородок, огромный нос, полужакрытые глаза в сочетании с внушительным телом напоминали ей сонного медведя или измученного орангутана. Внезапно она заметила, что мужчина ей улыбается.

– А вам н-нравится «Сытный обед»?

Внезапный вопрос удивил Ингён.

– Он с-самый популярный. Быстрее всего раскупают. Хотите, я в-вам отложу?

– Да нет, не надо.

Ингён быстро забрала покупки и поспешила удалиться. Тихий мужской голос пожелал ей счастливого пути.

«Да уж. Ассортимент тут оставляет желать лучшего, к тому же еще этот странный мужчина... Вот уж точно, ничего для нас». – Ингён решила приходить сюда только днем, когда за кассой будет та приятная девушка, которая сегодня дала ей позвонить.

* * *

Она проснулась в час ночи: «Черт, как быстро день проходит!»

Вчера Ингён поужинала валеной говядиной с пивом и всю ночь перекраивала комнату в рабочий кабинет. Затем, провожая взглядом бегущих на работу людей, миновала университет Сунмён и направилась в парк Хёчхан. Сделав там пять кругов, она почувствовала, что взбодрилась, и решила изучить округу. Ингён отметила для себя хорошие места для прогулок, всевозможные рынки, рестораны и кафе. А вернувшись домой, приняла душ.

В обед ей захотелось спать, но она сдержалась и внимательно изучила новые веяния в театральном мире, а после – разные конкурсы для режиссеров. Чтобы писать, ей был необходим стимул, которым мог бы послужить конкретный проект с точными сроками. К сожалению,

на ближайшие три месяца ничего не нашлось, так что придется ей самой назначать себе даты.

Ближе к вечеру Ингён отведала супа с тофу в одном из ресторанчиков, которые заметила во время утренней прогулки. Она скучала по бесплатному питанию в центре «Земля», вот только это Сеул, а средств у нее немного, так что придется питаться вне дома всего раз в день.

Вернувшись в квартиру, Ингён уселась посмотреть «Во все тяжкие». Сериал стал ее домашним лекарством от отчаяния. Каждый раз, когда она видела название сериала на английском, ей вспоминался его буквальный перевод: «Разделим несчастье»^[23]. Именно под таким названием он впервые попался ей в сети на пиратском сайте. Лишь потом она узнала, что это ошибка переводчика, однако фраза ей запомнилась. Главный герой Уолтер начинает производить и продавать наркотики, чтобы справиться со всеми проблемами, которые навалились на него разом. Возможно, именно поэтому, когда ее собственное будущее стало мрачным и туманным, она все время пересматривала этот сериал. Даже спустя время сюжет казался увлекательным и поучительным. Еще и засыпать под него было хорошо.

В час ночи ее разбудило урчание в животе. Начался новый день. Пора закупить продуктов, восстановить режим, чтобы спать по ночам, и, конечно, начать беречь свое время... Но в первую очередь – утолить голод.

Накинув куртку, она вспомнила о том странном тяжеловесном существе за кассой. Ингён уже подумала поискать другой магазин, вот только бродить по холодным ночным переулкам не очень-то хотелось. Лучше потерпеть.

Она открыла дверь, и прозвенел колокольчик. Внутри магазина стояла тишина. Мужчины нигде не было видно, зато в углу она заметила микроволновую печь: по-видимому, починили. И все-таки ассортимент товаров по-прежнему оставлял желать лучшего. Наверное, продажи шли плохо и магазин не мог позволить себе разнообразие, отчего клиентов становилось только меньше. В общем, порочный круг. Ингён вдруг поняла, что они с магазином чем-то похожи, и от этой мысли к горлу подступила тошнота. Она снова вспомнила о голоде и поспешила к прилавку со свежими продуктами.

Ланч-боксов, как и в тот раз, осталось всего два, и оба не самые привлекательные. Неужели те же, что и вчера? К счастью, приглядевшись, она заметила под ними еще один. На вид он казался весьма съедобным. В нем собрано двенадцать разнообразных закусок, и многие из них – мясные. Должно быть вкусно! Ингён отнесла приглянувшийся обеденный набор на кассу, однако продавец так и не показался – может, ушел на склад. Как можно в такое время оставить кассу? Она снова вспомнила фразу «ничего для вас». Разозлившись, Ингён огляделась и тут заметила лист бумаги возле кассы. На нем черным маркером была неуклюже нацарапана записка:

Срочный позыв в туалет! Подождите.

С губ Ингён сорвался смешок. Срочный позыв... Ну да, случается и такое. Но не лучше ли запереть магазин и повесить это объявление на дверь? Зачем оставлять его тут? Покупатели ведь могут легко украсть деньги из кассы или товары. Неужели он думает, что в этом районе все свои? Или ему все равно, что их обчистят? Да, повсюду полно камер, так ведь и kleптоманов сейчас развелось достаточно. Ингён со свойственной ей прямолинейностью не могла оставить это так просто.

Послышался звук слива: очевидно, мужчина справился со срочным позывом. Вернувшись обратно, он встретился глазами с Ингён. Своим низким голосом продавец что-то воскликнул и поспешил к кассе, а женщина уступила ему дорогу и одарила неприветливым взглядом.

– X-хороший выбор, – сказал он, поднеся коробочку к кассе.

Ингён внезапно поняла, что это как раз тот ланч-бокс, который он ей вчера советовал.

– Вы н-нашли. Припрятал специально д-для вас.

– Да?

– Да. Вчера вы искали x-хороший ланч-бокс.

Ну и ну. И что теперь, она должна быть ему благодарна за это? Как ей ответить на такое внезапное и необъяснимое проявление дружелюбия?

Когда мужчина рассчитал Ингён, она взяла ланч-бокс и направилась к микроволновой печи. В квартире ее не оказалось, так

что придется разогревать здесь. Сняв пластиковую крышку, женщина поместила еду внутрь и, готовясь ждать... вновь повернулась к мужчине. Казалось, он поднял большой палец вверх. Вот же приставучий! Ингён стремительно приблизилась к нему:

– Извините, но нельзя так оставлять магазин.

– А, ну, это... Мне срочно... Я оставил... – несвязно бормотал он, указывая на листок бумаги.

– Недостаточно просто оставить объявление на кассе. Нужно запереть дверь и повесить вашу бумагу на нее. Зайдут еще какие-нибудь подростки – и кто знает, вдруг соблазнятся? Это как в теории разбитых окон: если в здании разбито окно и его никто не чинит, то вскоре в районе вырастет преступность. С оставленным без присмотра магазином то же самое, тем более вы здесь работаете. Думаете, вашему начальнику такое отношение понравится? Нужно следить за рабочим местом.

Ингён была из тех, кто хорошо разбирался, что хорошо, а что плохо. К тому же навязчивость продавца порядком тяготила ее, поэтому она решила провести черту, выдав такую длинную речь. Обычно мужчинам подобное поведение не нравится и они предпочитают не связываться с Ингён, однако этот внимательно выслушал ее и смущенно кивнул.

– Да, вы п-правы. Могу р-рассказать, что случилось?

– Рассказывайте.

– У меня синдром р-раздраженного кишечника... я не могу терпеть позывы. Я собирался п-повесить объявление на дверь, но меня скрутило, и я... с-случился конфуз. П-поэтому оставил тут и убежал, не заперев дверь... А когда снимал штаны...

– Хватит!

От этого рассказа у нее самой скрутило живот. Даже показалось, будто она и правда ощущает этот отвратительный запах. Вот вам и «все для вас».

– Ясно. Будьте впредь осторожны.

Мужчина кивнул, но Ингён уже отвернулась и пошла к микроволновке. В спешке вытащив ланч-бокс, она собиралась было покинуть магазин, как вдруг ей вслед раздалось:

– Извините, что с-со мной это произошло именно сегодня.

– Ну хватит! Я же пришла сюда за едой, зачем вы портите мне аппетит? Вам срочно надо в туалет? А мне срочно надо уйти отсюда! – воскликнула Ингён, оглянувшись на мужчину.

«Просто невыносимо! Я, вообще-то, королева импульсивности на Тэханно!»

Он ошеломленно пронаблюдал за взбешенной гостьей, а затем снова пробубнил извинения. Ингён не могла больше выносить его бормотания.

«Больше я сюда ни ногой!» – решила она, толкнув входную дверь.

* * *

Прошла неделя с тех пор, как Ингён поселилась в квартире дочери Хису, но работа над произведением все еще продвигалась очень медленно. Писательница отказалась от задумки, которая посетила ее в центре «Земля», и, словно жонглер, прокручивала в голове сразу несколько других идей. Ей хотелось поменьше абстрактности и больше реализма, не слишком концептуальных, рассчитанных на коммерческий успех произведений. Ингён мечтала воссоздать на сцене живое мгновение и изобразить страдания героев. В общем, написать классическую драму, чтобы зрители не чувствовали себя отчужденными, а смотрели на сцену и видели в персонажах самих себя, с интересом и замиранием сердца следили за развитием событий, а после того, как опустится занавес, еще долго обдумывали увиденное.

В то же время необходимость сидеть целый день за столом и бороться с тревогой угнетала Ингён. На улице было холодно, а на рестораны не хватало денег, так что приходилось работать и питаться дома. Вечером она устраивалась на подоконнике и за чашкой чая наблюдала, как люди возвращаются с работы домой. Так заканчивался и ее день.

Недавно Ингён заметила, что каждый вечер примерно к одиннадцати часам в магазин приходил мужчина средних лет и садился за уличный столик. Бутылку сочжу он опустошал так, будто это какой-нибудь суп, закусывая заварной лапшой с кунжутом и кимпапом. Сверху ей отчего-то казалось, что мужчина, одетый в пуховик поверх костюма, грустит о своих редющих волосах. А приди

он с таким ужином домой, его тотчас выгонят, пусть даже в сорокаградусный мороз. Глядя на него, писательница подумала, что неплохая бы вышла история. Горечи и радости офисного сотрудника, который поздним зимним вечером ищет утешения в одиночестве и алкоголе за уличным столиком круглосуточного магазина.

Но что это? Напротив него сел тот неповоротливый мужчина? В одной руке он держал большой бумажный стакан и что-то попивал оттуда.

«На кофе не похоже – видимо, алкоголь. Ну и ну! Пьянство на рабочем месте. Может, поэтому он так бессвязно говорил со мной сегодня? Уже знатно напился к тому времени? Не мое, конечно, дело, только нельзя же на все закрывать глаза, – подумала она. – Хотя, кажется, это вовсе не алкоголь. Судя по бутылке, ячменный чай? Или отвар из семнадцати трав? На чай изюмного дерева тоже похоже. Что там происходит?»

Ингён тщательно присмотрелась. Сотрудник магазина и офисный служащий пили светло-коричневый напиток и разговаривали, как вдруг последний чему-то возмутился, встал и ушел. Продавец лишь пожал плечами, убрал со стола и вернулся внутрь. Что происходит? Ингён неожиданно охватило неудержимое любопытство. Накинув куртку, она вышла на улицу.

– Вы знаете мужчину, который здесь только что был?

– П-постоянный клиент, – ответили ей, склонив голову и не успев даже поздороваться.

– А чем он занимается?

– Я-я не знаю... А, он всегда берет набор из трех «р».

– Трех «р»?

– Рамён с кунжутом, роллы с тунцом и сочжу «Роса»... Только это.

– Так вот почему три «р»...

– Угу.

– А что он вам сказал перед уходом? Похоже, разозлился...

– Я п-посоветовал ему бросить пить и заменить алкоголь... Но ему мой совет, похоже, не понравился.

– Заменить на что?

– На это. – И тот невозмутимо поднял пластиковую бутылку, которая стояла рядом. Чай из кукурузных рылец.

– Почему... именно на это?

– Хорошо подходит вместо спиртного... Я сам пью, м-меньше тянет.

Ингён в недоумении промолчала. Этот мужчина оказался еще страннее, чем она ожидала. Но если раньше она ощущала неловкость, то теперь ей стало интересно. Предлагает постоянным клиентам чай из кукурузных рылец взамен алкоголю... И это причудливое «три «р»»... Кстати, можно продавать в наборе. Этот мужчина со своеобразным складом ума привлек ее внимание.

– А чем вы раньше занимались?

– Вы за этим п-пришли?

Ну вот. Он недоволен, что она ничего не покупает? Ингён кивнула, затем, пройдя среди стеллажей, собрала набор из трех «р», добавила к нему чай из кукурузных рылец и выложила все это на кассу. Когда она повторила вопрос, мужчина лишь покачал головой и снова ничего не ответил.

– Вы были бандитом?

– Нет, конечно.

– Значит, у вас период реабилитации после тюремного заключения?

– Нет, я н-не такой.

– Или жена и дети уехали за границу на учебу?

– Тоже нет.

– Вы сами ушли на пенсию! Сейчас многие уходят по своему желанию раньше времени.

Мужчина озадаченно покачал головой и протянул ей пакет с покупками. Ингён не взяла. Она серьезно смотрела ему в глаза, не собираясь сдаваться.

– Ну кем же вы были, в самом-то деле? Мне правда интересно.

– Бездомным.

– На Сеульском вокзале?

– Да...

– А до этого?

– До этого... н-не помню. Из-за алкоголя потерял память.

– А-а, поняла... Такое случается. И сколько лет вы скитались по улицам?

– Этого тоже н-не знаю.

– Как же вы тогда устроились сюда? Как стали здесь работать?

– Х-хозяйка сказала, что холодает... предложила провести зиму здесь. Т-так и оказался.

– Вот это да! – невольно воскликнула она, не отводя взгляда от мужчины.

Ингён еще раз уточнила, действительно ли он ничего не помнит, а продавец еще раз подтвердил это. Тогда она спросила, не против ли он видется в его смену и разговаривать: только так воспоминания могут постепенно вернуться. Мужчина задумчиво покачал головой, но все же согласился. Напоследок Ингён узнала, как его зовут, и ушла из магазина.

– «Токко. Не знаю, имя это или фамилия», – пробормотала она, вспомнив его ответ за ужином.

Поняв, какого занимательного персонажа открыла для себя, Ингён воодушевилась. Даже сочжу на вкус был слаще в тот вечер. Набор одинокого алкоголика, более известный как «Три «р»», оказался весьма свежей идеей. Чай из кукурузных рылец сюда, конечно, не вписывался, но, когда потерял память из-за алкоголизма, выбор невелик. Писательница решила и дальше наблюдать за этим странным мужчиной.

* * *

Исправлять режим больше не было смысла. Ингён вставала среди ночи, спускалась за обеденным набором к Токко, словно на работу, и заодно разговаривала с ним. Он оказался весьма умным и смекалистым. Спустя несколько дней Ингён стала брать с собой блокнот, чтобы записывать некоторые детали их бесед. Нестандартная фактура персонажа придавала ей уверенности.

Она считала, что амнезия Токко развилась не только из-за алкогольной зависимости, но и после какой-то трагедии, которую его сознание старалось стереть. Ингён читала о психологических травмах, когда начала писать. Литературные герои нередко проходят через ужасные страдания в своем прошлом и избирают разные способы защиты, которые влияют на их будущее. Когда Токко закрыл глаза и отвернулся, писательница поняла, что он уже встал на путь

выздоровления. Общение с людьми должно помочь ему набраться сил и смелости, чтобы взглянуть на свои травмы.

Попытки преодолеть душевные муки закаляют человека и становятся новым стимулом. Чтобы раскрыть персонажа, достаточно показать, какой дорогой он пошел на распутье. Токко принял помощь хозяйки магазина и вернулся к социальной жизни, встретившись лицом к лицу со своей травмой.

– Я знаю точно, что раньше так н-не жил. Мне нечем было делиться с людьми. Теплых в-воспоминаний у меня почти не осталось.

– Теплых воспоминаний... Что вы имеете в виду?

– Когда я мог с кем-то, как сейчас с вами, в-вот так непринужденно разговаривать...

– Но вы же общаетесь с тем офисным служащим, который заказывает еду по ночам?

– Да... Я обслуживаю п-покупателей и общаюсь с ними... Мне кажется, что если п-притворяться дружелюбным, т-то и правда таким становишься.

– Интересно. Можно написать об этом?

– Так вы же уже записываете т-туда...

– Нет, в своем произведении. Я же говорила, что я драматург.

– Т-точно. Пишете сценарий пьесы. Я т-тоже буду там?

– Не решила точно, где и как. Пока делаю наброски... Но точно знаю, что вы мне очень помогли. Я уже почти отчаялась, а теперь появились силы.

– Хорошо, что п-помог. Сегодня н-ничего не купите?

– А вы хорошо умеете продавать, – усмехнулась Ингён и направилась за сэндвичем и четырьмя банками пива.

Токко рассчитывал ее с довольной улыбкой, будто продал целый автомобиль. У них неплохо получалось помогать друг другу.

* * *

В конце декабря на телефон посыпались банальные предновогодние сообщения. Приходили групповые рассылки, а среди пропущенных звонков было мало имен тех, чьи голоса ей хотелось бы услышать. Зайдя спустя долгое время в «Фейсбук^[24]», Ингён не

заметила там никого занимательного – лишь надоедливых. Пришлось признать: она сама виновата в том, что у нее не складываются отношения. Будто почувствовав ее одиночество, внезапно зазвонил телефон. Увидев имя на экране, она замерла.

Руководитель театра «Кью», тот самый, который два года назад сказал, что возраст уже не позволяет ей играть двадцатилетних девушек, и заставил актрису уйти. Некоторое время он помогал Ингён находить подработки, однако за последние два года от него ничего не было слышно.

Ингён встала из-за стола и села у окна. Телефон вибрировал, а вместе с ним дрожало все внутри: стоит ли ей брать трубку? Когда конвульсии телефона прервутся, их связь тоже навсегда оборвется. Ингён вспомнила, как пару дней назад убеждала Токко в том, что необходимо встретиться лицом к лицу со своей травмой. Пришло время и ей сделать это. Телефон никак не затихал. Наконец она нажала на кнопку «Ответить».

Господин Ким сказал, что неожиданно вспомнил о ней накануне Нового года и решил справиться, как идут дела.

– А год назад вам не было интересно?

– Было. Я думал, не возьмешь трубку. А теперь уже два года прошло. Думаю, ты больше не злишься, – коротко оправдался он.

У Ингён и правда не осталось никаких обид. Она лишь попросила перейти прямо к делу, ведь руководитель Ким не из тех, кто стал бы звонить по такому поводу. Собеседник ответил, что она все такая же резкая, и предложил инсценировать роман, авторские права на который они уже приобрели. Однако Ингён не собиралась ставить чужой роман, будь это даже ее последний шанс оказаться на сцене. Мужчина же продолжал настаивать:

– Если сомневаешься, хотя бы прочитай книгу. Она вышла летом, без зауми, интересная. Много диалогов, подходит для сцены. Ты справишься.

– Нет, я не стану читать. А то еще снова захочется поработать вместе.

– Я позвонил тебе спустя долгое время с предложением... а ты все такая же дерзкая. Даже обидно.

– Я подумываю, что писательство в принципе не мое. Поэтому хотела бы попробовать и написать пьесу с нуля.

– Ингён! Ты уже бросила актерство, а теперь и это... Совсем хочешь покинуть Тэханно? Ты в своем репертуаре.

– Так это же вы решили отправить меня на покой!

– Ну а теперь вот даю работу!

– В любом случае я серьезно. Планирую запереться на пару месяцев и работать над своим произведением.

– И что? Придумала что-нибудь стоящее? Или просто бесполезные мечтания?

Мечтания, значит? Ингён сделала глоток чая из кукурузных рылец и повысила голос:

– Придумала! Осталось написать.

– Правда? Ну-ка расскажи.

– Хотите своровать мою идею? Это нечестно. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

– Ты просто скажи, она стоящая или нет? Если да, то займемся сначала ей, а романом потом.

На самом деле новая пьеса была отговоркой, чтобы потянуть время и принять окончательное решение. Ингён все еще хотелось найти зацепку в истории того странного мужчины из круглосуточного магазина. Она задумчиво посмотрела в окно и промолчала.

– Если честно, мне, вообще-то, не очень нравится, что ты навязываешь свои идеи. Давай все же отложим твою задумку и сначала сделаем инсценировку. Нам и бюджет уже выделили. Я готов дать тебе аванс.

– Круглосуточный магазин. Рассказ про него.

– Про круглосуточный магазин?

– Он станет сценой! Туда навевываются самые разные персонажи.

А главный герой – загадочный мужчина, который работает там в ночные смены.

– М-м.

– Среднего возраста. Не помнит своего прошлого: у него амнезия после алкоголизма. Все посетители гадают, кто же он: бандит, бывший заключенный, северокорейский беженец, просто рано ушедший на пенсию человек или вообще инопланетянин! Он невозмутимо советует им товары, которые они раньше никогда не брали... И, как ни удивительно, благодаря им люди справляются со своими тревогами и проблемами.

– Как «Полночная закусовая»^[25], что ли?

– «Полночная закусовая» – отличное произведение, но у меня магазин! Этот человек не готовит. В «Полночной закусовой» нет ничего о прошлом главного героя, а цель моей истории – разобраться, кто же этот странный продавец. Флешбэками будут возникать сцены из его прошлого. Мы узнаем, почему он работает в этом магазине, чего он всю ночь ждет.

– Ждет, когда привезут товар, видимо.

– Ну дослушайте. Мне хотелось бы выдержать такую же манеру и тон, как в пьесе «В ожидании Годо»^[26]. Продавец будет каждую ночь разговаривать с постоянным клиентом, почти как Владимир и Эстрагон. Будет много диалогов. А еще «Три «р»».

– «Три «р»»? Это что, игра какая-то?

– Своего рода набор: рамен с кунжутом, роллы с тунцом и соджу «Роса».

– Отлично. А этими «Тремя «р»» станут наши рекламодатели.

– Да. Или можно вообще привлечь зрителей. Выдавать им наборы и говорить, чтобы они выложили в «Инстаграм». Так и получим рекламу. Продавец советует этот набор своему постоянному клиенту, и тот исцеляется. В пьесе будет много диалогов. Еще поблизости поселится сварливая писательница, которая станет проблемным покупателем. А писатели же работают в основном по ночам – вот и она начнет навещать к нему и разговаривать...

– Почему-то мне кажется, что это твое альтер эго.

– Нет. Она терпеть не может этот магазин. Там никудышный продавец, плохой ассортимент – в общем, ничего для покупателей. Просто зима, холодно, а героине не хочется никуда ходить. Так что приходится терпеть неудобства... которым нет конца.

– Ингён.

– Да?

– Хорошо, давай поставим эту пьесу.

– Правда? Я ведь ее еще даже не написала.

– Ты все написала. В своей голове. Так что в следующем году поставим. И я тебе гарантирую, это не последнее твоё произведение. Если оно найдет успех, ты и другие сочинишь.

– Вы правда так думаете?

– Да.

– Но я же настоящая головная боль... Странно, что вы так легко согласились. Я ведь к нему еще даже не приступила.

– Завтра пришли название. Для договора нужно. Его подпишем – и текст напишется.

– Знаете...

– Что?

– Спасибо вам. Правда.

– Да за что? Я же вижу, задумка стоящая. А в голосе твоём чувствуется уверенность... так что выйдет хорошо.

– Я и раньше хорошо писала.

– Боюсь пока хвалить. Так, ну и какое название?

– Название...

– Ну да, для твоей пьесы.

– М-м-м... Круглосуточный магазин, очень неудобный... «Магазин... шаговой недоступности».

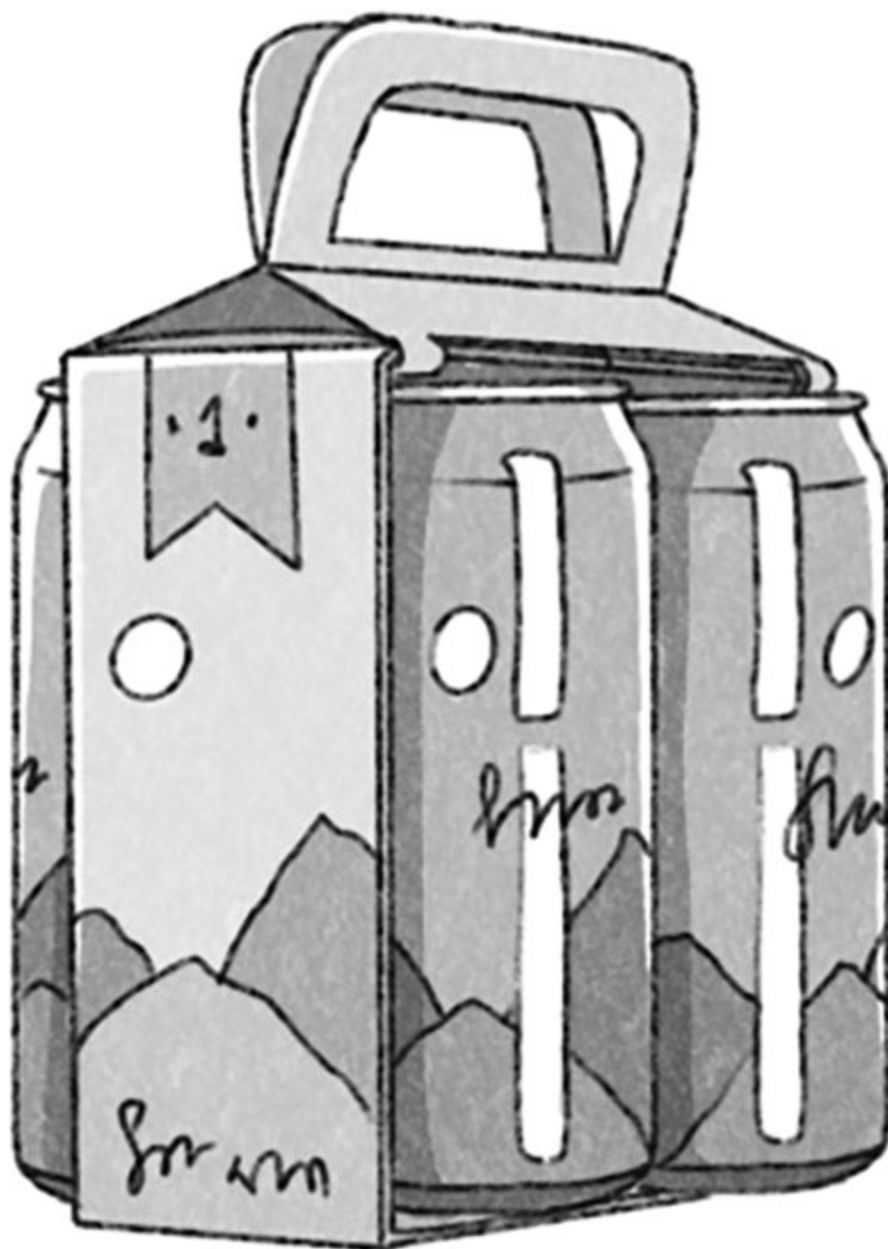
После разговора с генеральным директором Ингён тут же открыла текстовый редактор на компьютере и стала быстро печатать. Начала с заголовка, пропустила две строки и принялась за свое, возможно, последнее произведение. Она работала без остановки. Оказывается, писательское дело – это всего лишь набор текста. Если долго и тщательно обдумывал что-то, все мысли легко находят свое воплощение в тексте, а писателю остается лишь без усталости нажимать на клавиши. И если пальцы не успевают за ходом мыслей, значит, работаешь хорошо.

Ингён проговаривала все диалоги вслух, будто на сцене. Она писала и писала, высвобождая все то, что так долго копила внутри. Наступила полночь. Темнота сгущалась, а ее текст становился все ярче.

В ту ночь свет горел только в двух местах: в магазине у Токко и в ее кабинете.

Глава 6

Четыре банки пива за десять тысяч вон

Минсик все размышлял о своем невезении. Удачливым он никогда не был, но теперь задумался, когда это невезение стало ему мешать. Наверное, все началось в начальной школе, когда он не смог попасть в

команду по бейсболу. Минсик мог похвастаться телосложением и способностями к спорту, так что тренер пригласил его присоединиться к команде, однако родители решили, что мальчику следует сосредоточиться на учебе. У каждого человека разные таланты и интересы, а они почему-то настаивали на том, чтобы он хорошо учился и стал среднестатистическим взрослым. Они и сами так жили, так же воспитали старшую сестру, после чего твердо верили, что и младший сын должен последовать ее примеру.

Его следующей неудачей стала учеба в провинциальном вузе. Родители хотели, чтобы он пошел по их стопам и отучился в столице, в престижном университете, вот только его оценки оставляли желать лучшего. Пришлось выбрать университет в другом городе. Наверное, они всем хвастались, что сын учится в элитном месте, а он тем временем посвящал свою жизнь выпивке, настольному теннису, бейсбольному клубу и игре «Старкрафт» – одним словом, развлечениям. С трудом выпустившись, Минсик очутился на войне за трудоустройство и вскоре погиб от тяжелого ранения, оставленного провинциальным университетом. От всего этого пострадали его уверенность в себе и мотивация.

Очередной неудачей обернулись свалившиеся на голову деньги. В отличие от родителей, которые обеспечили себе стабильную жизнь работой на государство, и старшей сестры, преуспевшей в своей завидной профессии, мир Минсика оказался джунглями, где ему приходилось сражаться безоружным. Ни выдающимся умом, ни блестящим резюме он не обладал, зато благодаря своему отменному здоровью и ораторским навыкам решил найти любую работу, которая даст хороший заработок. Ведь деньги – это единственное, что ценилось в его семье и чего он желал. Минсик верил: все остальное придет, и только деньги сделают его тем, кем ему хотелось стать.

Для достижения своей цели он не гнушался никакими средствами, поэтому очень скоро пересек тонкую грань между законным и незаконным. И не жалел о содеянном. Ему еще не исполнилось тридцати, а он уже накопил на квартиру и иномарку. Деньги гарантировали ему свободу от наставлений родителей, сестры и ее заносчивого мужа. Его это радовало. Деньги Минсика заставили их всех замолчать. Он считал, что зарабатывает еще немного – и тогда его достаток подчинит их ему. Отец выйдет на пенсию, и сын станет

выдавать ему внушительное содержание, а маме – пожертвования для церкви. Сестра и ее муж будут льстить ему, убеждая вложить деньги в их больницу. Минсик почти достиг своей цели. Но возникла проблема. Стремления к королевской жизни привели к тому, что бизнес чересчур разросся и ему пришлось расплачиваться.

Четвертая неудача нанесла самый болезненный удар. Минсик встретил будущую жену. В попытке выбраться из долгов он устроился в новую компанию, где и познакомился с ней. Она оказалась таким же «предпринимателем», как и он. Будущая и теперь уже бывшая жена – единственный человек, который мог его соблазнить, и ближайшие полгода выдались бурными. Многие называют это любовью, но ему казалось, что их отношения скорее напоминают сумасшествие. В конце концов они поженились, и после двух лет взаимных обманов Минсику пришлось отдать ей свое единственное имущество – квартиру, а она сумела занять более выгодную высоту. Однако сейчас, спустя пару лет после развода, их встреча стала бы неудачей и для нее. В один момент мы, бросая друг в друга бомбы, подрываемся на них сами. Они успели вовремя развестись, пока не произошло непоправимое, потому что оба хорошо знали законы бизнеса и тактику молниеносных ударов.

На этом неудачи не заканчивались. Биткоин. Это слово вызывало в нем восторг.

«Отличная возможность», – подумал он. Как оказалось, ошибочное суждение, к которому пришел его затуманенный неудачами разум. Для Минсика биткоин стал неосязаемым богатством, которое лишило его всех оставшихся денег.

После пяти настигших его неудач он не выдержал и решил вернуться домой, к матери в Чхонпхадон. Узнал, что на наследство от почившего пару лет назад отца она держит небольшой круглосуточный магазин. Там наверняка была и его доля, но мама с сестрой решительно исключили его из списка наследников. Минсик тогда как раз развелся с женой, его бизнес развалился, рассудок помутился, и с семьей он не общался. Однажды, напившись, Минсик вновь пришел к мысли, что это несправедливо, и потребовал от матери вернуть его долю. Они страшно поругались, и сын ушел скитаться по приятелям.

Но на той идее он заиклился. Нет смысла и дальше считать свои бесконечные неудачи, сейчас ему нужна стартовая сумма для нового

проекта. Круглосуточный магазин матери как раз подойдет, точнее доля Минсика в наследстве, которая вложена в этот бизнес. Он получит ее обратно и снова сможет заработать много денег. После этого ему ничего не будет стоить открыть ей хоть два таких магазина, а заодно и надрать задницы этим «друзьям», которые без конца спрашивали, когда он съедет с их квартиры.

Сегодня он решил встретиться с Киёном. Минсика раздражало в нем все, будь то поведение или увлечения, а особенно просьбы называть его Ки-Дрэгоном^[27], вслед за псевдонимом певца Джи-Дрэгона. Зато голова у него варила хорошо. Минсик уже пару лет советовался с ним, когда требовалось принять важное решение. Киён обладал уникальной способностью смотреть на вещи с другой стороны. Иными словами, слушая его, Минсик не надеялся преуспеть, но мог снизить для себя риски. Например, Киён не раз предупреждал: «Если пошел слух о легких деньгах, то беги оттуда. Иначе останешься ни с чем».

По его же совету Минсик вышел из проекта по солнечной энергетике. Один его старший коллега стал развивать это направление и предложил ему работать вместе. Тогда Минсик почувствовал, что солнце снова согрело его своими лучами и все тело наполнилось энергией. Проект привлек внимание многих инвесторов, так как отвечал интересам государства, которое искало новые неисчерпаемые источники энергии. И Минсику казалось, что он тоже сможет урвать кусочек. Однако после нескольких месяцев работы к нему пришло страшное осознание, что он, похоже, замешан в какой-то афере. Как выяснилось, коллега под видом солнечной фермы продавал пустые участки земли. Тогда-то Минсик и посоветовался с Киёном и решил, что надо умыть руки.

Бывший напарник страшно разозлился на него, даже угрожал подкараулить его где-нибудь ночью, но в конце концов сам попался полиции и теперь находился под следствием. Так что если бы не Киён, то в биографию Минсика, полную слишком рискованных бизнес-проектов, добавилась бы еще и пункт о тюремном заключении.

Сегодня Киён позвал его обсудить какую-то новую идею. Погода стояла холодная, поэтому Минсик, нацепив парку из утиного пуха, которую позаимствовал у младшего приятеля, поехал на Кённидан-киль.

На новогодней улице было довольно пусто. А точнее, даже пустынно. Стремление привлечь в квартал побольше денег не обходит стороной и души владельцев помещений: ежемесячная арендная плата росла в геометрической прогрессии. Не выдержав неподъемных цен, стали закрываться магазины, и торговля постепенно сошла на нет. Похоже, улочку Кённидан-киль ждало вымирание. После себя она оставит свои младших сестер – Маннидан-киль, Соннидан-киль и Хваннидан-киль. Интересно, зачем Киён, который привык думать на ходу и фонтанировал идеями, позвал его сюда?

Минсик подъехал к пивной, где они договорились встретиться, и припарковался.

– Ну ты даешь! Я же сказал не брать машину, – с порога набросился на него Киён.

– Ага, мне что, в такой холод на метро ехать?! – огрызнулся Минсик.

– Еще такси существует.

– У меня есть машина – на кой черт мне такси?

– Я не просто так это сказал. Сегодня нужно выпить.

– Здесь? Ты же знаешь, что я не фанат пива.

Киён отвернулся, не желая продолжать эти препирательства, и направился напрямик к барной стойке. Минсик уселся на металлический стул, с трудом разместив локти на узком столике, и осмотрелся. В тусклом зале звучала рок-музыка на электрогитаре, а само помещение было заставлено западным антиквариатом, который пришелся бы по душе только американским военным. В дальнем конце зала косо висел плакат «Пей пиво, береги воду». Из рта шел пар: отопление, похоже, намеренно отключили, чтобы люди согрелись алкоголем.

Минсик разозлился. Зачем было звать сюда того, кто не считает пиво приличным напитком? И как теперь верить Киёну, который, видимо, собрался рассказать о каком-то новом бизнес-проекте? Осознавая или не осознавая эту нелепость, Киён взял что-то у длиннорукого бармена и зашагал к Минсику. В руках он нес доску, похожую на разделочную, но с отверстиями. В них были вставлены рюмки чуть большего размера, чем для сочжу, а внутри плескались жидкости разных оттенков. Одни напоминали темное пиво, другие – скорее коньяк.

– Это что? Пиво?

– Пей, – улыбнувшись, жестом призвал его Киён.

Минсика раздражало, что приходится пить пиво из рюмок для сочжу, но, раз напиток достался ему бесплатно, он залпом выпил янтарную жидкость.

Тяжелый, насыщенный аромат, странный горьковатый вкус. Минсик не распознал, что это – коньяк, пиво или виски. Хотя на привычное ему пиво не похоже: видимо, смешали с более крепким алкоголем.

Минсик без раздумий опустошил рюмку с жидкостью потемнее. О! На этот раз вкус оказался еще насыщеннее и свежее. Интересное сочетание. Затем – рюмку с желтоватым пенистым напитком. Напоминает «Хугарден», только гораздо лучше: вкус ярче, а консистенция плотнее. Наконец осталась еще одна рюмка с темным пивом. Принюхавшись, Минсик опрокинул в рот и ее. Ого! Как вкусно! Казалось, это не пиво, а черная соевая вода, смешанная с кунжутным маслом.

– Это что за пиво?

– Нравится?

– Давай уберем эту штуку и возьмем вот это, с пенкой.

– Какое именно?

– Вот, самое темное.

Киён унес доску и вернулся с двумя большими стаканами пива. Приятели чокнулись и выпили. Горький и освежающий вкус, в сто раз лучше коктейля, намешанного с тридцатилетним «Баллантайнсом». Вот это да! Как давно он не пил пиво. Оно всегда казалось ему пресным, кроме того, Минсик боялся, что вырастет живот... Но этот напиток – совсем другое дело!

– Это эль. Популярен в Европе.

– Эль? А наш «Касс» – это какое пиво?

– Лагер. Там же на банке написано.

– В натуре? Это «лагер» написано? Я думал, «лазер».

– У-у-у... Мне казалось, это у меня плохо с английским, но ты совсем.

– Очень смешно! Думаешь, я совсем темный?

– Ой, все! Короче, у нас и в Америке все пьют лагер, а в Европе любят эль. Но несколько лет назад здесь, в Итхэвоне, случился бум эля,

и теперь все хипстеры пьют только его.

– Мужикам постарше тоже должно быть по вкусу. По мне, так идеально. Вкус насыщенный, а по аромату – как коньяк... Может, продавать их в барах с борделями?

– Да при чем тут они? Это грязный бизнес с кучей взяток. А мы должны замутить что-нибудь несложное и классное.

– Так разве в бизнесе не все так?

– Я говорю о том, что надо сократить риски. Короче, рынок эля растет и поменялись законы: теперь небольшую пивоварню может открыть любой.

– Серьезно?

– Будь у нас тысяч двести долларов, мы могли бы найти подходящее место поближе к Сеулу, на окраинах провинции Кёнги-до, где вода хорошая. Подальше от мегаполиса, среди зеленых гор и равнин, например в Чхонпхёне^[28]. Будем там варить и продавать. Как тебе? Ты сам говорил, что хотел бы управлять каким-нибудь баром, а тут целая пивоварня. Если делать такое убойное пиво, то все бары начнут бороться за него. Это будет бомба!

– А это пиво тоже сделали где-то на мелкой пивоварне?

– Да.

– Кто?

В этот момент запахло чем-то ароматным, и длиннорукий бармен принес куриные крылышки с картошкой-фри. Киён подбородком указал на него Минсику. Бармен кивнул и подсел к ним.

– Брат его жены – настоящий мастер брюинга... пивоварения, короче... Его зовут Стив, он из Портленда. И у него своя пивоварня в Пхачжу.

Минсик смотрел на них с растерянностью в глазах. Тогда бармен любезно объяснил подробнее. Стив варил самое хипстерское пиво в самом хипстерском городе Америки – Портленде, а четыре года назад познакомился с сестрой Киёна, когда приезжал в Корею. Тогда ему в голову пришла идея, что если начать варить крафтовое пиво здесь, то оно произведет настоящий фурор. Два года назад он женился на сестре Киёна и основал свою пивоварню в Пхачжу. Они с женой ей управляют, а Стив потом поставяет эль в бары, в том числе и этот, и рекламирует его.

– Так эль же вроде пьют в Европе, при чем тут Америка?

– Слушай, сейчас эпоха глобализации, ты что? Все, что начинается в Европе, подхватывают в Америке, а дальше – дело пиара и рекламы. Не знал? В общем, бизнес Стива процветает и он планирует расширяться, ищет партнера. И тут появляемся мы с тобой.

– Хм, неожиданно, конечно. Владелец пивоварни... Давно я уже не слышал таких прибыльных предложений. Даже отвык. Слушай, ну если дела у него идут хорошо, разве не нашлось желающих вложиться в его бизнес? Почему именно нам с тобой такой шанс выпал?

– Братан, спрашивай по существу.

– Ну ты ведь мне говорил тогда о проекте по солнечной энергетике. Что если уже все схвачено, то не стоит убирать говно за другими.

– Ау! Я же Ки-Дрэгон, а Стив разбирается в людях. Я насмешил его своей смесью корейского с английским. Вообще, круто то, что он надежный. Кстати, недавно Стив сказал, что опасается работать с корейцами, но Ки-Дрэгон – самый клевый из них, на него он бы положился. А если хочешь расширять бизнес, доверие – это главное.

Киён посмотрел на бармена, ища одобрения. Стив тут же поднял вверх большой палец, подтверждая, что он очень разборчив в людях и Киён пришелся ему по душе. Минсик знал, что товарищ его веселый и может рассмешить кого угодно, но чтобы американец решил работать с ним из-за этого... Минсик начал подозревать, что дело нечисто.

Пока он сомневался, бармен принес новую пивную банку на пол-литра, на которой не было этикетки, открыл ее и наполнил стаканы. Киён снова не смог скрыть восторга:

– Значит, и в банках будет! Поэтому он и хочет расширяться.

Минсик невольно кивнул.

– Братан, эль Стива будут продавать в круглосуточных магазинах и других супермаркетах. И там уже есть пиво других производителей, так что медлить нельзя. Наш напиток лучше остальных, а ты прошаренный в торговле, поэтому у нас есть шанс.

Минсик сделал очередной глоток и задумался. Он почувствовал, как во рту раскрывается вкус сладкого солода и горького хмеля – почти как вкус успеха, который он когда-то попробовал. Решающими для него стали следующие слова Киёна:

– Ты ведь знаешь, что японского пива этим летом уже не будет? Твоя мать управляет круглосуточным магазином – сходи туда и сам

глянь. Закончились банки «Асахи», «Кирина» и «Саппоро», которые продавались по акции четыре банки за десять тысяч вон. Японский бойкот – это уникальный шанс для нас. Пораскинь мозгами. Чем заполнить рынок, с которого ушли японцы? «Кассом»? «Хайтом»? Нет, только элем Стива.

– А этот бойкот долго продлится?.. – спросил Минсик, чтобы развеять последние сомнения.

Киён разозлился и, опустошив стакан, с силой поставил его обратно на стол.

– Братишка, ты вспомни, что мы за народ. Не слышал, что ли: сейчас все призывают к бойкоту. Движение за независимость провалилось, теперь хоть это будет. Мы же Республика Корея! Ты же знаешь про наше с ними противостояние в футболе и бейсболе? Мы не можем проиграть. Так что ждет японское пиво? Не будет ни одного человека, кто станет его пить! Мы что, не патриоты?

– Ой, ну еще и патриотизм сюда приплел. Я вот тоже бойкотирую японские товары. Давно уже не курю «Мевиус»^[29].

– Ну так ты в деле или нет? Я даю тебе возможность вернуть былой успех. Чего тут думать? Ты же знаешь, я избирательный. Говорил тебе не заниматься всем тем, что ты делал. А это сам тебе советую. Неужели Кан Минсик уже похоронил себя?

Друг ничего не ответил и просто указал на стакан. Бармен быстро встал и налил еще. Минсик сделал глоток и ощутил вкус янтарного успеха, который его ждал и манил. Опустив стакан, он отвесил Киёну подзатыльник. Тот нахмурился, а Минсик обратил на него серьезный взгляд.

– Эй, брат, ну кончай сомневаться. Сколько можешь вложить?

Минсик нашел себе трезвого водителя и доехал до Чхонпхадона. Выйдя из машины, он собирался пойти к матери и поговорить, но засомневался. Ему стало неловко являться к ней так внезапно, еще и просить о чем-то. Предложить непьющей матери самой попробовать этот эль и убедиться в его качестве он не мог. Внезапно его озарила гениальная идея. Тихо воскликнув, он повернул в другую сторону.

Магазин. Круглосуточный магазин его мамы. Половина и так принадлежит ему как доля в наследстве от отца. Киён сказал, что эль уже продается в банках. Нужно взять разного в ее же магазине,

принести ей домой и в сравнении показать, как можно расширить бизнес!

В одиннадцать вечера в круглосуточном не было ни одного покупателя, отчего он выглядел мрачно и одиноко. Только новогодняя елка блестела и приветствовала его цветными мигающими лампочками. Минсик с грустью на лице открыл дверь и зашел внутрь.

– Добро пожаловать, – прозвучал низкий хриплый голос мужчины средних лет.

Минсик направился напрямик к холодильнику с пивом. Похоже, нашли нового сотрудника на ночные смены. Круглолицего поменяли на мужчину с квадратным лицом. Он вспомнил, как мать пару месяцев назад просила его выйти в ночь, пока не найдется замена ушедшему сотруднику. Совершенно абсурдная просьба. Минсик тогда сильно разозлился на то, что она считала такую работу подходящей для него. Зря он так погорячился и отказался. Может, надо было послушать ее, а затем потребовать расширить свою долю? Но ведь Минсик ни секунды не мог вынести на месте, годном лишь для не принятых обществом мужчин с геометрическими лицами. Ему исполнилось сорок лет – самый расцвет сил! А если общество отвергнет однажды, то дорога назад окажется слишком скользкой. Надежнее заполучить себе целый бар или пивоварню и уже тогда открыть второй акт своей жизни.

Стоя возле холодильника, Минсик размышлял, какое пиво лучше взять. На месте японского стояли какие-то неизвестные бренды из неизвестных стран, однако местного, о котором говорил Киён, нигде не было видно. Он открыл дверцу холодильника, внимательно осмотрел банки, пока не обнаружил две с красочной этикеткой на корейском языке: светлый эль «Пивные горы Собэксан» и золотой эль «Пивные горы Тхэбэксан». Минсик взял по бутылке каждого, прихватил две бутылки китайского «Циндао» для сравнения и направился к кассе.

Мужчина за кассой вблизи оказался еще больше, чем выглядел издали. Он напоминал медведя или пещерного человека, способного повалить медведя. Забавно. Наверное, с таким сотрудником ночью можно не бояться воров. Наблюдая за тем, как он считывает штрих-коды с банок, Минсик усмехнулся и спросил, указав на «Собэксан»:

- Корейское пиво хорошо продается?
- Ну так.
- А вы пробовали? Как вам?

– Я н-не п-пью.

Мужчина отсканировал штрих-коды и посмотрел покупателю прямо в глаза.

«Ого, у него башка как пивной бочонок, а он не пьет...» – Минсик с интересом присоединился к игре в гляделки.

– Правда? Так с виду и не скажешь.

– Четырнадцать т-тысяч вон.

– Разве четыре банки не десять тысяч?

– Корейское пиво н-не идет п-по акции.

– Почему? Так же увеличатся продажи.

– Хм... не знаю.

– Ну да, вы не в том положении, чтобы знать это. Ладно, сложите в пакет.

Мужчина не пошевелился.

«Что такое? Обиделся на мои слова? А продавцу-то можно так себя вести?»

Продавец терпеливо ждал, и Минсик почувствовал себя неловко. Волевой подбородок и хладнокровный взгляд внушали беспокойство, однако Минсик решил не сдаваться:

– Чего вы ждете? Я же сказал сложить все в пакет.

– Я должен вас рассчитать.

– А, это... Я сын хозяйки. Так что просто запишите где-нибудь на бумажке, – объяснился Минсик, хотя не собирался признаваться, кто он.

Но мужчина все так же выжидающе смотрел на него, будто говоря: «Что, чувствуешь себя неловко, потому что младше?»

– Ну? Собираешься делать что-нибудь? – Минсик решил обескуражить его, перейдя на «ты». – Не слышал, что ли? Я сын хозяйки.

– Д-докажи.

– Что?

– Что ты сын хозяйки.

– А что вдруг тыкать мне вздумал?

– Как и ты мне.

– Слышь! Видел хозяйку? Мы с ней похожи. Формой глаз, выразительным носом. Нет?

– Н-нет. Не п-похожи, – медленно и с иронией произнес мужчина.

Минсик растерялся. Продавец угрожающе смотрел на него с высоты своего роста. Ситуация развивалась неожиданным образом. Минсик решил не держать злость в себе и принялся скандалить:

– Слышь ты, урод! Тебе надоела твоя работа? Я скажу матери... Точнее, нет. Это вообще мой магазин! Я тебя прямо сейчас могу уволить.

– Ты не можешь м-меня уволить.

– Совсем идиот или прикидываешься?

– Если уволишь меня, т-то следить за магазином ночью б-будет некому.

– Людей полно, так что можешь об этом не переживать.

– Т-ты тоже не справишься. А хозяйка б-болеет.

– Что?

– Да, она сама сказала. А сын ни разу даже н-не навестил.

– Хм. Так и сказала?

– Н-не знал? Уже несколько дней она х-ходит в больницу.

– И?

– Твоей маме п-плохо уже несколько дней. Ты д-даже позаботиться о ней не можешь. А если и м-меня уволишь, кто б-будет работать в ночную смену? Думаешь, она? Разве это п-по-человечески?

Внутри Минсика внезапно что-то оборвалось. Боль пронзила все тело, давила и тащила его за собой в темные глубины. Он не знал ни что мать болеет, ни что она так говорит о нем посторонним людям. Мужчина говорил, будто зачитывая ему приговор.

– Сын не должен т-так поступать.

– Что ты себе...

– В любом случае я уже с-сказал, что без удостоверения н-не могу отдать пиво и пакет бесплатно, – продолжил давить тот.

– Да и не надо! Говнюк! – закричал Минсик и вылетел из магазина.

Он не боялся продавца, который превосходил его размерами, – ему было стыдно.

Минсик сразу направился домой к матери. Нажал на домофон и зашел внутрь. Темную комнату освещал только старый телевизор с электронно-лучевой трубкой, где показывали концерт эстрадной музыки прошлых лет. Несмотря на зажигательные ритмы, мама спала, свернувшись калачиком на диване.

Минсик перевел дыхание, включил напольную лампу и потряс женщину за плечо, пытаясь разбудить. Госпожа Ём открыла глаза и, увидев сына, с трудом приподнялась:

– Что такое?

– Мне сказали, ты болеешь. Вот пришел...

– Больше головной боли мне доставляешь ты. Где ты был все это время?

– Ой, ну вот снова за старое... У младшего товарища. Что у тебя болит?

– Сил нет, все тело ломит.

– Я же говорил тебе сделать прививку от гриппа. Для пенсионеров это бесплатно.

Госпожа Ём, не в силах дальше пререкаться с сыном, пошла на кухню заварить ячменного чая. Минсик решил разрядить обстановку и заодно осмотреться.

– Ой, а чего у тебя так холодно? Неудивительно, что ты заболела. Включай хотя бы бойлер периодически.

– Нормально. Ты пришел, и потеплело. От присутствия людей воздух согревается.

– Опять ты за свое. Вот как у такого сварливого преподавателя можно чему-то научиться?

– Будешь чай?

– Давай.

Минсик уселся за стол и снял носки. Принесся чай и заметив это, госпожа Ём только цокнула языком.

Они молча пили чай в вечерней тишине. Время приближалось к полуночи. Минсик не знал, с чего начать разговор. Его план показать ей эль из магазина сорвался из-за того продавца, с виду напоминавшего бандита... Да как он вообще посмел так говорить с ним? Минсик почувствовал, что снова заводится.

– Ты чего? – спросила госпожа Ём, заметив это.

– Мам, я сейчас заходил в магазин. Что это за криминальная глыба там стоит за кассой?

– Токко? Работает у нас в ночные смены.

– Станный тип... Нахальный и дерзкий.

– Ну это не универмаг все-таки. Да и что в нем нахального?

– Во-первых, он не умеет вести себя с покупателями. Не поверил, что я твой сын, и требовал доказательств.

Госпожа Ём усмехнулась, а Минсик разозлился еще сильнее и сделал плоток чая.

– Токко такой. Все досконально проверяет.

– Разве нельзя его уволить, мам? Он мне все настроение испортил.

– Да что ты?

– Да. Мне не нравится этот тип. Уверен, он что-нибудь натворит. Ладно я спокойный, а придет кто выпивший? Вот тогда беды не миновать. Придется еще потом штрафы платить.

– Говорят, он с такими уже не раз отлично справлялся. И с местными бабулями приветлив. С его приходом наши продажи выросли.

– Да насколько они могут вырасти в такой крохотной лавке? Хорошо, не хочешь увольнять его – не надо. Давай просто продадим магазин.

– Нельзя.

– Почему это?

– Если я закрою его, то госпожа О и Токко останутся без работы. А это их единственный источник заработка.

– У-у-у. А ты Господь Бог, что ли? Ходишь в церковь и собираешься пожертвовать собой ради других?

– Это не христианские, а общечеловеческие ценности. Начальник должен всегда заботиться о своих подчиненных.

– Да какой может быть начальник в круглосуточном магазине?

– Сынок, это ты у нас начальником стать не смог, вот и занимаешься всякой ерундой. Разве не так?

– Снова твои проповеди... Ладно, продадим потом, сначала давай уволим этого типа.

– Нет.

– Почему на этот раз?

– На ночные смены невозможно найти сотрудника. Хочешь – увольняй и выходи вместо него.

– Почему ты вечно мне предлагаешь такую посредственную работу? Хочешь, чтобы я продавцом работал?

– Не боги горшки обжигают. К тому же сейчас поднялась минимальная почасовая оплата. При желании за месяц можно

прилично заработать. До двух миллионов в месяц.

– Все, не могу больше.

Минсик снова отпил чая. Разговор оказался не из приятных, он никак не мог успокоиться.

«Так и уйду в очередной раз ни с чем?» – подумал он и резко встал. Ему совсем не хотелось покидать дом оскорбленным и униженным. Минсик решил выпить холодной воды и все-таки поговорить с матерью, поэтому подошел к холодильнику и открыл дверцу.

Внутри он внезапно обнаружил то, чего уж никак не ожидал увидеть: эль, с помощью которого хотел убедить мать помочь ему. Минсик взял бутылку «Пивных гор Собэксана» и вернулся за стол. Госпожа Ём удивилась, но поспешила скрыть свое замешательство. Сын откупорил бутылку и налил немного в чашку из-под чая. Запах крепкого эля защекотал нос. Минсик не собирался упускать подвернувшуюся возможность.

Он сделал глоток освежающего напитка. Конечно, эль Стива был в разы лучше, но и тут вкус оказался куда насыщеннее и интереснее, чем в привычных ему сортах пива.

– О! Как вкусно. Ты сама купила это пиво?

– В головном офисе посоветовали. Сказали, новый продукт... Я попробовала – в целом ничего.

– Ты пила пиво? Серьезно?

– Что ты тут начинаешь? Мне же нужно знать, что я продаю в своем магазине.

– И сигареты, значит, надо все самой пробовать? Что-то ты темнишь.

Из-за насмешек сына госпожа Ём нахмурилась и разом допила чай.

– Заканчивай болтать и налей мне тоже.

– Отлично! – пробормотал Минсик и наполнил ее чашку пенистым напитком до самого края.

* * *

Следующий час они наслаждались пивом. Открыли все четыре банки, которые стояли в холодильнике. Минсик впервые в своей жизни пил с мамой. Помимо этого, его удивляло, что налачился диалог. Предыдущие пару лет их разговоры ни к чему не приводили. Он всегда чего-то требовал, а она неизменно отказывала. Но сейчас все совсем иначе. Добрым словом вспомнили упрямого отца, обсудили заносчивость сестры и ее мужа. Госпожа Ём рассказала ему, что нового у прихожан церкви, которую он тоже посещал раньше, поделилась историями о беспокойных соседях, вызывающих полицию при малейшем шуме этажом выше. Мама, по всей видимости, соскучилась по беседам, да и он уже забыл, когда последний раз слышал, что она думает об окружающих. Оказалось, их мнения об отце, сестре и ее муже совпадали, а вот о соседях и знакомых – не полностью.

Госпожа Ём рассказала сыну о его школьной подруге, которая недавно развелась и снова стала ходить в церковь. После двух лет бездетного брака они с мужем разошлись, прямо как Минсик со своей женой, на что женщина обратила особое внимание. Госпожа Ём предложила вместе сходить в церковь на неделе и увидеться с той подругой. Сын без раздумий отказался.

– Знаешь, почему я не пила спиртного?

– Потому что ходила в церковь.

– Думаешь, я такая зашоренная? Первое чудо, совершенное Иисусом, – претворение воды в вино во время пира. Проблема не в том, что мы пьем алкоголь, а в том, что в таком состоянии совершаем ошибки.

– Ну так разве это не нормально? Случается ведь.

– А еще алкоголь противный. Еще до брака с твоим отцом коллеги все время уговаривали меня выпить. Но я никогда не напивалась. Мне не нравился вкус. Сочжу очень горькое, пиво пресное, а вино сладкое... Но вот это пиво – отменное. И аромат, и горчинка во вкусе.

С этими словами госпожа Ём положила в рот сушеной морской капусты. Глаза Минсика заблестели. Самое время перетянуть ее на свою сторону! Он хорошо чувствовал обстановку и понимал, что сейчас перед ним открылась идеальная возможность рассказать матери об идее с пивоварней. Ей понравился эль, к тому же она уже изрядно пьяна, хоть и не сознается. Хотя, наверное, даже стоит убедить ее пропустить еще по стаканчику.

Однако пиво закончилось. Глядя на пустые бутылки, Минсик задумал сходить в магазин и принести добавки. Он взял телефон и подсел поближе к матери.

* * *

Чуть позже Минсик зашел в магазин и тут же направился к холодильнику. Достал четыре банки эля, но за кассой этого Токко, или как там его, не было. И где продавца носит? Как же неудобно! Минсик взял из-за прилавка пакет и сложил туда банки. В этот момент из подсобки показался Токко со стопкой упаковок заварной лапши, которая доходила ему до подбородка. Минсик с досадой обернулся. Почувствовав чье-то присутствие, Токко положил лапшу на столик возле окна и встал за кассу. Минсик достал телефон. Для этого мерзавца, который принял его за мошенника, он приготовил фотографию.

– Ну что? Теперь убедился?

Фотография была сделана пять минут назад. Минсик и подвыпившая госпожа Ём склонились головами друг к другу и сложили руки в форме сердца. Токко посмотрел на фотографию и кивнул. С довольной улыбкой Минсик собрался покинуть магазин, как вдруг остановился и спросил:

– Сколько сегодня взяли этого пива?

– Это п-первый раз. Хочу сказать хозяйке, ч-чтобы больше не заказывала.

– Что за чушь! Ты просто сам не пробовал. А ей вот понравилось, и она отправила меня купить еще.

– Суть торговли н-не в том, чтобы продавать вещи, которые нравятся нам. Нужно, чтобы нравилось д-другим.

– Но говорят, что людям оно нравится.

– Продажи н-не лгут.

– Хм, еще посмотрим, – фыркнул Минсик и толкнул дверь.

* * *

Когда он вернулся домой, мама спала, уткнувшись раскрасневшимся лицом в кухонный стол и тихо похрапывая. Минсик некоторое время стоял, разглядывая эту женщину. На ее голове седых волос стало больше, чем черных. Он взял ее на руки и отнес на кровать. Ее тело казалось легким, но на душе у него потяжелело.

Минсик вернулся за стол и открыл новую банку. Он жадно глотал золотистый напиток, который собирался продавать в надежде снова встать на ноги. А теперь это еще и первое спиртное, разделенное с матерью. Минсик отмахнулся от всех тягостных мыслей.

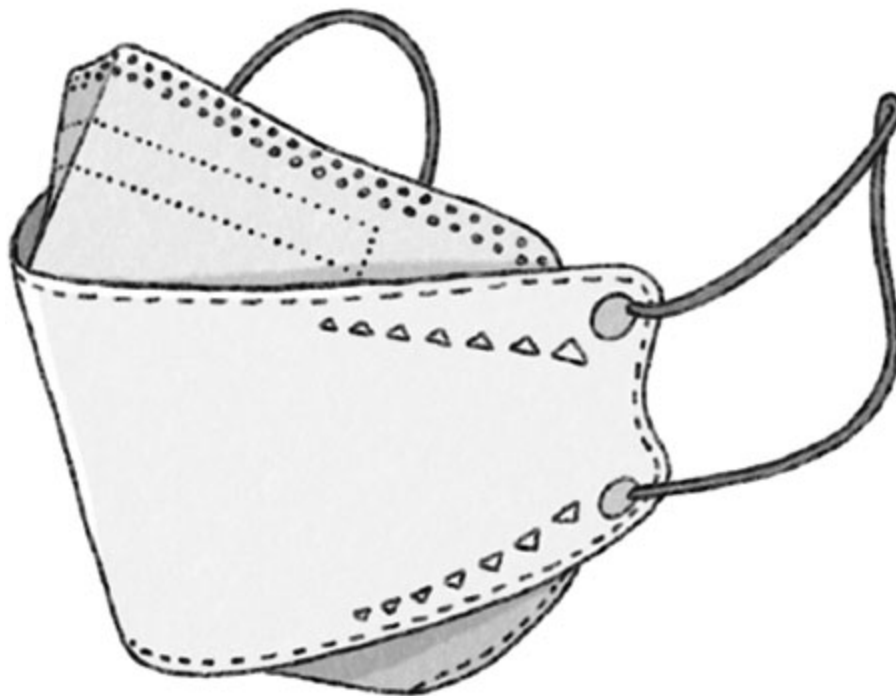
Хорошая ночь. Сегодня они пообщались и даже сделали совместную фотографию. Он снова почувствовал тепло семейного очага, которое успел забыть, а ведь нужно всего ничего. Продажу магазина и новые вложения можно обсудить и завтра. Главное, что маме тоже понравился эль. С госпожой О и этим Токко, или как его, о которых мама так беспокоится, тоже как-нибудь решится. Первая испугается и отступит сама. А вот со вторым сложнее, придется думать. Однако следует поторопиться. Если этот кассир расскажет матери, что продажи эля идут плохо, и выставит все в невыгодном свете, то Минсику станет еще сложнее уговорить ее.

Пожалуй, стоит изучить этого типа. Мама толком не отвечает, где его нашла, лишь улыбается, отчего все выглядит еще подозрительнее. В любом случае нужно избавиться от него, а для этого разузнать о нем побольше. Если удастся добыть на Токко компромат, то мама, женщина строгих моральных принципов, точно уволит его. Как только рассветет, Минсик собрался позвонить Кваку, своему приятелю из детективного агентства, с которым подружился, когда работал в Ёнсане.

Опустошая банки с пивом, Минсик думал о матери. Смогут ли они сблизиться, как раньше? Он достал телефон и заменил обои на сегодняшнюю фотографию. Теперь перед его глазами все время будет их неловко составленное пальцами милое сердце.

Глава 7

Срок годности вышел, но это не страшно

– Уж лучше работать в круглосуточном магазине, – пробормотал себе под нос Квак, выходя оттуда и следуя за объектом наблюдения к Сеульскому вокзалу.

Мужчина, за которым он шел по пятам, был в белом пуховике и шагал так неуклюже, что напоминал полярного медведя, заблудившегося после того, как ледники растаяли. А самому себе детектив казался старым слепым эскимосом, блуждающим по Северному полюсу. Так он ходил за ним уже четвертый день, но все безрезультатно. Квак устал бесконечно таскаться за этим типом и все чаще думал, что предпочел бы сидеть в теплом магазине за кассой, получая восемь с половиной тысяч вон в час, а то и больше.

В очередной раз ему пришлось пожалеть о том, что он согласился на предложение Кана. Когда в медицинской маске KF94 стало совсем

невыносимо, детектив на мгновение приподнял ее. Он не надел бы ее, даже если весной снова подует пыль из Маньчжурии. Куда катится мир, раз всех заставляют постоянно ходить в них? Старый Квак тяжело вздохнул, но в его легкие попал лишь собственный противный запах изо рта. Вспомнив свою договоренность с Каном и словно собираясь с силами, он покрепче завязал шарф.

«Нужно что-нибудь накопать о его прошлом. Заплачу тебе два миллиона сразу же», – пообещал Кан. Еще просил поторопиться, потому что этот тип, который оказался знакомым его матери и продавцом в ее магазине, мешал ему открыть новое дело. Квак потребовал половину авансом, однако Кан отказал, и они сговорились на одной десятой части.

«И поскорее, – сказал тот, протягивая Кваку деньги, которые только что снял с карточки в банкомате. – Если я сильно разозлюсь, то позову своих корешей и мы сами разберемся».

Кан Минсик говорил уверенно, и все-таки тот факт, что он нанял детектива, доказывал обратное. Квак давно знал его. Он привык к бравадам Кана и за глаза насмеялся над ним. И конечно, его самолюбие ущемляло, когда схемы Кана срабатывали, однако тогда ведь и Квак не оставался без прибыли. Поэтому и на этот раз детектив согласился. В любом случае ему нужны были средства на жизнь. Не для движения за независимость, не ради борьбы с преступностью, а чтобы спокойно жить на старости лет. Об этом он вдруг задумался недавно, когда ему исполнилось шестьдесят. Подобного рода заработок – единственное, на что сможет положиться такой одинокий старик, как он.

Кан сообщил лишь, что цель работает в магазине его матери в ночные смены и называет себя Токко. Черт! Ну и имя. По-корейски звучит почти так же, как «одиночество». Это шутка или только кажется? Так или иначе, Кваку предстояло узнать, имя это или фамилия. Он был уверен, что для детектива с тридцатилетним стажем проследить за каким-то медведеподобным типом проще простого.

Однако изо дня в день Токко всего-навсего бродил по городу. Выходил из магазина, миновал вокзал, дальше – к Маллидону, по Эогэ и Чхунчхонно, до хостела в Тончжадоне. После этого странный тип шел в Хуамдон, мимо старшей школы в Ёнсане, через Хэбанчхон и Погвандон в Ичхондон и к станции «Ёнсан», а затем снова в свой

хостел в Тончжадоне... Он бродил между Сеульским вокзалом и горой Намсан без устали, как заяц из рекламы батареек. Квака и так раздражала необходимость постоянно носить маску из-за этой ужасной пандемии, а вдобавок еще и изматывали длинные прогулки – точнее нет, прогулки в принципе. Выдерживая от силы несколько часов, Квак возвращался в свою однокомнатную студию на улице Вонхёро. Три дня бесполезных блужданий!

Больше откладывать нельзя. Плотно позавтракав, он принял твердое решение сегодня преследовать Токко до самого конца. Квак шел чуть согнувшись, как это свойственно старикам, скрываясь от объекта за парой человек. Он ходил за полярным медведем уже четвертый день, а тот, казалось, совершенно его не замечал, продолжая бродить кругами. Видя это, Квак еще больше приуныл. Неужели и сегодня все напрасно? Он тяжело вздохнул, как вдруг Токко повернул на Сеульский вокзал. Квак стремительно сократил расстояние между ними и встал на тот же эскалатор.

Поднявшись на вокзал, он сразу же огляделся в поисках белой куртки. На станции, как всегда, оказалось полно народу в больших куртках и пальто, так что отыскать даже достаточно грузного мужчину удалось бы не скоро.

Наверняка есть причина, по которой тот вдруг решил прекратить слоняться по улице и зайти внутрь. Он должен быть где-то здесь. Не мог же так быстро ускользнуть из здания. Квак озирался по сторонам, пытаясь понять, куда подевалась цель. Он заглянул в бургерную, в магазин, в туалет, но нигде не нашел Токко. Может, он решил купить билет на поезд? Квак направился к билетной кассе.

В этот момент по телевизору в центре зала сообщили срочную новость о том, что в районе Тэгу насчитали много зараженных коронавирусной инфекцией. Квак невольно остановился. Он-то ожидал, что пандемия очень скоро сойдет на нет, однако происходило обратное. Все кинулись скупать маски. Детектив испуганно попытался вспомнить, сколько их осталось у него. Известие о новой волне инфекции, которую считали смертельной для пожилых и людей с хроническими недугами, никак не могло пройти мимо больного диабетом с его слабой иммунной системой. Событие оказалось не менее серьезным, чем это неотложное поручение и слезка.

Внезапно он обнаружил человека в белой куртке. Тот сидел перед телевизором среди бездомных. Точно он! Квак вытащил свой старый кнопочный телефон и, притворившись, что звонит, незаметно сфотографировал Токко. Вот и первое доказательство, которое он отправит Кан Минсику. Квак воодушевился, ведь его предположение, что этот тип бездомный, раз он все время бродит в окрестностях вокзала, оказалось верным.

Квак осторожно подошел к ним. Приглядевшись, он заметил, что все бездомные уплетают ланчи из магазина и разговаривают с Токко. Зрелище так себе, но отчего-то детектив почувствовал к ним симпатию.

Внезапно Токко встал, надел свою белую парку, помахал товарищам рукой и куда-то ушел: видимо, обратно на площадь. Квак, склонившись, приблизился к группе бездомных и сел. Те окинули его подозрительным взглядом и уже собирались вернуться к еде, но неожиданно детектив вытащил свое поддельное полицейское удостоверение, которое часто пригождалось ему во время работы.

– Так, не шумим и только отвечаем на вопросы. Ясно? – угрожающе произнес Квак, уткнувшись в маску и стараясь не вдыхать ужасный запах.

Настороженно наблюдая за ним, бездомные продолжили есть.

– Кто этот человек в белом пуховике? Ваш друг?

– Н-нет, не друг, – ответил один бездомный.

– А кто тогда?

– Товарищ по несчастью, – вступил в разговор другой.

– Значит, бездомный. Чем он раньше занимался?

– Не знаем. Просто приходит и к-кормит нас, – сказал третий.

– Вы его не знаете? Почему он тогда вас кормит?

– Мерзавец, – произнес четвертый бездомный.

– Почему? Он же вас кормит.

– Да не... ты мерзавец, – вновь встрял второй и вдруг прорычал: – Посмотрите-ка на этого сукина сына!

– Вкусно, – взяв палочками рис, порадовался первый.

«Черт. Совершенно бесполезная болтовня. Нужно уходить».

Признав, что дальнейший допрос не имеет смысла, Квак поднялся. В этот момент третий бездомный открыл зубами какую-то бутылку. На сочжу не похоже. Первый и второй тоже последовали его

примеру. Квак пригляделся и прочитал: «Чай из кукурузных рылец». Они чокнулись друг с другом и принялись пить прямо из горла. Ну и ну. Оставив позади это странное зрелище, Квак вновь направился на поиски своей цели.

Детектив пересек вокзал и встал на эскалатор, который вел на площадь. Затем, спустившись в переход, обнаружил объект там. Токко купил билет на метро и пошел на первую линию. Квак поспешил за ним.

Объект сел на поезд в сторону станции «Чхоннянни». Стоя у дверей, он смотрел в темноту. Квак разместился на сиденье напротив и внимательно наблюдал за ним, готовый в любую минуту выскочить из вагона.

Внутри было достаточно спокойно и хорошо, за исключением неприятного запаха, характерного для этой линии. От теплого воздуха клонило в сон. Большинство пассажиров носили маски, а кто ехал без них, склонили головы и старались не дышать ртом. Кваку показалось, что вагон напоминает больничную палату. Глубоко вздохнув, он вновь почувствовал свой запах изо рта.

Когда метро остановилось у станции «Сичхон», недалеко от мэрии, вошел мужчина лет пятидесяти пяти в теплом пальто и без маски. Он громко разговаривал по телефону, а едва сел напротив детектива, полы пальто разошлись, демонстрируя всем его пупок.

– В Намянчжу давай пять тысяч, а остальное по частям в Хвенсон... Нет, говорю же, в Намянчжу пять тысяч, в Хвенсон я отправил вчера, нужно проверить по каждому адресу... Да... Товар хороший... Да-да, – орал мужчина в трубку голосом, напоминающим лай собаки, будто находился не в вагоне метро, а в своем кабинете.

Кваку даже захотелось спросить, что там за хороший товар в Хвенсоне. Судя по лицам пассажиров, рабочие дела мужчины им тоже порядком мешали. Наконец тот положил трубку, однако тут же набрал еще чей-то номер. То ли что-то напевая, то ли фыркая под нос, мужчина ждал, пока установится соединение.

– Ну что там? Да-да... Едем в эти выходные? В «Лейк-парк»? Давай в «Нью-кантри»? Мне обязательно туда надо... Да... А в «Лейк-парк» – весной. Весной. Нормально сейчас в «Нью-кантри»?.. Супер, я возьму еду и все остальное, да...

Мужчина болтал без умолку, и Кваку невольно приходилось слушать его разговоры. Вспомнив об объекте слежки, он перевел взгляд на него. Похоже, и тот наблюдал за нарушителем спокойствия.

Когда шумный мужчина закончил и собрался было сделать еще один звонок, объект уселся на свободное место рядом. Тот повернулся и встретил внимательный прищуренный взгляд нового соседа.

– И куда вы р-решили поехать?

– Чт-что? – растерялся мужчина.

– В «Лейк-парк» п-поедете? Или в «Нью-кантри»? – спросил человек в белом пуховике, изобразив удар клюшкой для гольфа.

– Тебе-то что за дело? – возмущенно прокричал мужчина. – Зачем подслушиваешь чужие разговоры? Совсем спятил?

– Было слышно, – невозмутимо оправдался Токко.

Оторопев от такой уверенности, мужчина в пальто промолчал. Все глаза в вагоне были прикованы к развернувшейся сцене. Люди затихли, словно в ожидании бури. Внезапно Токко продолжил:

– Мне вообще б-без разницы, в какой гольф-клуб т-ты поедешь в эти выходные. Но ты так громко говорил, что я д-даже заинтересовался. Мне т-тоже весной больше нравится в «Лейк-парке», поезжай туда. И да, к-куда именно в Хвенсон т-ты хочешь отдать половину? К олимпиаде в Пхёнчхане там дороги приличные построили... сильно поднялись цены на недвижимость, значит? С-сам сказал.

Токко говорил запинаясь и задавал вопросы, будто студент, выполняющий задание по аудированию. Мужчина, который еще недавно так уверенно обсуждал свои дела во всеуслышание, покраснелся и лишь с недоумением разводил руками, оглядываясь по сторонам в поисках поддержки. Но все пассажиры, включая Квака, считали, что он вполне заслужил такого обращения. Осознав, что союзников ему не найти, мужчина смутился. В этот момент машинист объявил, что поезд подъезжает к станции «Чонно-сам-га».

– Сто лет не ездил на метро. Сколько тут, оказывается, сумасшедших развелось, – выпалил он и направился к дверям.

Внезапно объект наблюдения встал и последовал за ним.

– Что? Что еще? – возмутился мужчина.

– Я тоже в-выхожу. Ты мне обязательно расскажи п-потом, что там с Хвенсоном в итоге. Так меня з-заинтересовал, что я теперь с-спать не

смогу.

– Отвали уже!

– Да я правда т-тоже выхожу.

– Делай что хочешь!

– А почему ты, кстати, б-без маски? Изо рта в-воняет?

Вокруг послышались смешки. Мужчина с покрасневшим лицом полез в карман, достал оттуда смятую маску и со злостью огляделся.

– Черт! Извините за шум. Все, – прорычал он и, как только дверь открылась, поспешил удалиться.

Человек в белой куртке последовал за ним. Квак тоже вышел и медленно двинулся за обоими. Люди в вагоне смеялись, глядя на них. Мужчина же обернулся и, заметив хвост, помчался прочь. Вот и славно. Ему явно хотелось, чтобы все пассажиры слышали его личные разговоры. Думал, раз он крупный и в возрасте, то ему все сойдет с рук. Ан нет, появился кто-то посмелее, и тот не вынес конкуренции.

Когда мужчина в пальто пошел по лестнице на выход, объект слежки наконец свернул в другую сторону, чтобы пересесть на другой поезд. Видимо, на третью линию. Квак, не слишком приближаясь, шел позади и обдумывал, что сейчас произошло. Мужчина в пальто назвал этого типа сумасшедшим, в то время как Кваку понравился его праведный гнев, который так редко можно встретить. К тому же он разбирался в гольфе и недвижимости. Хотя, конечно, мог все это выдумать.

И все же, судя по словам и поведению Токко, казалось, что он не понаслышке знаком с вложениями в недвижимость и часто ездил по гольф-клубам. Несмотря на то что сейчас этот человек возвращается в среде бездомных и подрабатывает в ночные смены, по-видимому, в прошлом он располагал деньгами. Да и третья линия ведет напрямиком в Каннам... Нужно проследить, на какой станции он выйдет, тогда завеса тайны приоткроется.

Стараясь не показывать своего волнения, Квак встал на платформе в сторону станции «Огым».

* * *

Объект наблюдения вышел на «Апкучжоне» и направился к старшей школе Хёндэ. Резкий порыв ледяного ветра застал Квака врасплох, и он поплотнее укутался в шарф. Ему нельзя заболеть, иначе сразу вылезут все старые болячки... Будто услышав его ворчание, объект внезапно остановился и стал задумчиво разглядывать окна здания. А затем быстро перевел взгляд на Квака, который поспешил наклониться и притвориться, что завязывает шнурки. Выждав момент, детектив вновь поднял голову и увидел край белого пуховика, мелькнувший в дверях здания.

Квак в мгновение оказался перед входом и принялся осматриваться. Пятиэтажное здание с фасадом из полированного бетона арендовала клиника пластической хирургии, где вертелись большие деньги тех, кто мечтал поправить себе разрез глаз, форму носа, подбородка или губ. Квак уверенно сделал вывод, что цель явилась сюда не ради пластической операции, и остался доволен своей проницательностью. Что-то в этой больнице имело отношение к прошлому или настоящему объекта. Детектив вновь ощутил то будоражащее чувство, которое вызывает у него настоящее расследование. Может, этот тип здесь раньше работал и зачем-то ищет одного из бывших коллег. Оставалось сделать лишь одно: сесть за столик возле окна в соседнем кафе и выждать – это у него получалось хорошо.

Не успел он допить кофе и проявить свои детективные навыки, как объект вышел из здания и зашагал обратно к станции метро. Недолго поколебавшись, Квак быстро опустошил чашку и встал. На сегодня хватит слежки. Покинув кофейню, он направился в клинику пластической хирургии, где человек в белом провел целых двадцать минут.

В молодости Квака многие его знакомые садились за руль с поддельными правами. Причина этому проста: если умеешь водить, то не попадаешь в аварии, а значит, шансы попасться довольно низки. Главное, чтобы совпадала фотография и имелись необходимые навыки. Квак аналогичным образом поступал с полицейским удостоверением. Хотя из-за одного досадного случая ему пришлось снять с себя форму, он до сих пор чувствовал себя настоящим служителем закона. Поэтому обмануть сотрудника на ресепшене для него не представляло никакого труда.

Холл выглядел на удивление красиво и современно. Квак даже слегка заперевивал, но сумел взять себя в руки. Предъявив сотруднице удостоверение и сказав, что мужчина, который сейчас был здесь, проходит свидетелем по одному делу, он стал задавать вопросы. Однако сотрудница, не поведя и бровью, продолжала твердить, что ей ничего не известно. Видимо, расколоть ее будет сложнее, чем он думал.

Когда Квак сурово пригрозил вернуться в следующий раз с ордером, девушка нахмурилась и смогла сообщить только, что мужчина ходил встречаться с директором. Детектив засомневался, стоит ли ему в таком виде разговаривать с ним, но сотрудница уже доложила начальнику о приходе полицейского, и к Кваку подошел высокий мужчина с большой головой. Его правая щека слегка дергалась. Директор окинул детектива высокомерным взглядом и позвал за собой. Отлично. Квак направился за ним в кабинет, полный решимости все разузнать.

Он сел за стол и осмотрелся. Комната была очень стильно отделана и идеально чиста. К Кваку вернулось волнение. Директор явно намеренно заставил его ждать, пока помощница принесет напитки, только затем он сел напротив и оценивающе посмотрел на гостя.

– Из какого вы участка?

– Отдел преступлений в сфере интеллектуальной собственности района Ёнсан. – И Квак снова показал удостоверение.

Директор даже не взглянул на карточку и набрал кому-то. Квак нервно сглотнул. Когда взяли трубку, директор еще раз спросил, как его зовут. Кваку пришлось снова назвать вымышленное имя, указанное в удостоверении. Он чувствовал, как на лбу проступил холодный пот. Директор передал его данные своему собеседнику и хладнокровно, словно голодный хищник, посмотрел на мужчину. Вскоре он положил трубку и улыбнулся.

– В отделе преступлений в сфере интеллектуальной собственности района Ёнсан такой сотрудник не числится.

– Не может быть. Проверьте еще раз...

– Видимо, этому отделу стоит заняться вами, – произнес директор и, откинувшись на спинку стула, расслабленно наблюдал за Кваком.

Детектив бесповоротно потерял инициативу и сам стал объектом допроса. Незаурядного человека не так-то легко провести. Разоблачение было быстрым. Что же делать? Директор с высокомерием победителя изучал его лицо. Квак не сразу собрался с духом. Нужно прикинуться нахальным стариком.

– Я полицейский в отставке. У меня срочное дело, поэтому пришлось немного соврать. Прошу вашего понимания.

– Не знаю, что там у тебя срочного, но ты пойман с поличным, когда выдавал себя за полицейского. Давай объясняйся теперь.

– Тот мужчина, с которым вы сегодня встречались... Это мой... племянник. Он долго отсутствовал, а теперь вот явился... Но ничего не рассказывает о том, чем занимался все это время, поэтому я и пошел на крайние меры.

Директор внимал каждому слову, будто пропуская их через детектор лжи. Он прикусил губу и с интересом посмотрел на Квака:

– Очень часто наши пациенты внезапно меняют свои решения, поэтому все разговоры в этом кабинете записываются. Доказательство тому, что ты прикидывался полицейским, уже есть, так что кончай ломать комедию и говори правду. Даю тебе последний шанс.

Директор мгновенно разоблачил ложь Квака и уже говорил с ним на «ты». Вот ведь противный упрямец. Квак понял, что попал в лапы настоящего хищника и теперь ему остается лишь рассказать правду. И он поведал директору, что управляет детективным агентством и получил заказ разузнать о прошлом этого типа. Затем низко опустил голову, показав лысину, и попросил прощения.

К его удивлению, лицо директора смягчилось. С видом великодушного судьи он посмотрел на Квака и поинтересовался:

– Частные детективы еще встречаются. Не ожидал. Ну и что ты накопал на него?

– Пока ничего особенного... Узнал только, что он общается с бездомными с Сеульского вокзала и сегодня заходил в вашу клинику.

– Ну ты и детектив. Какая польза от того, что ты выяснил?

Квак понимал, что директор просто его провоцирует, но сопротивляться не мог.

– А, еще он по ночам подрабатывает в круглосуточном магазине «Все для вас» в Чхонпхадоне, а днем шатается вокруг Сеульского вокзала и по Ёнсану. Одним словом, сумасшедший.

– По ночам работает в магазине «Все для вас»?!

Директор рассмеялся. Кваку казалось, он непробиваем, однако смех обнажил его настоящий облик. Если ничего не сделать сейчас, потом от сегодняшнего позора будет уже не отмыться. Надо переходить в контратаку.

Издав под конец слабый смешок, директор успокоился и перевел глаза на Квака:

– Смешно просто. Вроде магазин называется «Все для вас», но ничего полезного для тебя там не нашлось. Кстати, в твоём агентстве можно заказать человека?

– Что вы имеете в виду?

– Видимо, нет. В общем, надо понять, где этот товарищ живет. Куда он ходил, где бывает. Я сам узнаю, а ты приходи с компенсацией.

– С компенсацией? За что?

– За то, что я не сдал тебя в полицию.

– А, с-спасибо.

Директор кивнул и попросил у Квака телефон. Когда тот протянул ему старый кнопочный мобильный, он набрал кому-то. Через пару мгновений где-то на его рабочем столе завибрировал телефон. Если подумать, наверняка этот номер зарегистрирован на другого человека.

– Набери меня дня через три. Если заляжешь на дно, тебе не поздоровится. Расправимся не только с ним, но и с тобой.

– Понятно, – дрожащим голосом пробормотал Квак, попрощался и двинулся к выходу. Хотелось скорее убраться отсюда. Из-за чрезмерной уверенности директора он почувствовал себя будто в логове льва.

Детектив уже почти коснулся ручки двери, как вдруг сзади прозвучало:

– Секунду.

Сделав невозмутимое лицо, он повернулся к директору.

– Кто тебя нанял?

– Это конфиденциальная информация. Мне не положено такое... рассказывать. – Квак решил проявить профессионализм, с трудом сдерживая участившееся дыхание.

Последняя капля самоуважения испарилась без следа, когда директор снова с ухмылкой взглянул на детектива:

– Мне-то все равно. Я могу разобраться с ним и не зная, кто заказчик. Тебе не о чем беспокоиться. Ладно, просто сиди и жди. Скажешь потом, что это твоих рук дело, и потребуешь у своего заказчика оплату.

* * *

Квак вышел из клиники и побрел куда глаза глядят. Так он оказался около моста Тонхо, затем поднялся на него по лестнице. Порывы холодного ветра хлестали по лицу. Река по обеим сторонам уходила далеко за горизонт. Квак стоял и смотрел на водную гладь. Темно-синяя вода текла медленно, но неумолимо, прямо как время. Кваку вдруг захотелось присоединиться к этому потоку. А что? Ведь мир не изменится после его исчезновения. Там, в клинике, он увидел трейлер своей будущей жизни – позор, насмешки и унижение. Квак вытащил из кармана поддельное удостоверение. На него смотрел мужчина сорока лет, в самом расцвете сил, только сейчас все это не более чем жалкая ложь. Вместо него в реку полетел его поддельный документ. Лишь теперь он смог пойти дальше.

Квак покинул Каннам и снова оказался в центре. Чтобы погреться, он зашел в большой книжный магазин на Чонно, а к ужину отправился на место встречи. В одном мясном ресторанчике у торговых рядов «Нагвон», что рядом с Инсадоном, он договорился увидеться со старым другом Хваном, который работал сутки через сутки охранником в многоквартирном доме. Заметив, как детектив мрачно и молча пьет сочжу, Хван посоветовал бросить детективное агентство и следовать его примеру. Однако тот ответил, что, хоть и приходится иногда терпеть унижения, это единственная работа, которая ему по душе. А так хотелось согласиться.

После трех бутылок сочжу от бесконечных жалоб Хвана даже мясо стало казаться безвкусным.

– Мне уже скоро... идти надо будет. Смена рано начинается... И трезвею в последнее время долго... Черт! Мне же надо ложиться рано... График сутки через сутки совсем не для нас, стариков.

– Может, оставишь все это?

– Да так я хотя бы полтора миллиона в месяц могу заработать... Не уверен, что жена меня будет кормить, если я перестану приносить в дом деньги. В молодости я хорошо зарабатывал и она заботилась обо мне... А сейчас относится хуже, чем к собаке. Надо было развестись, как ты.

– Разве похоже, что я счастлив в одиночестве?

– Н-ну... Дружище... Да, мы постарели, но разве должны терпеть такое отношение? Мы строили страну, содержали семьи... А теперь – пятое колесо в телеге? От детей ни звонка, все относятся к нам как к отбросам.

– Может, и так.

– А кстати, знаешь, какие обязанности у охранника? Одна из них – сортировать мусор. Этот запах уже просто въелся в кожу... Я все время его чувствую. Мусорки мою тоже я. Вожусь в грязи. Но это еще не все. Умеешь отличать обычные отходы от перерабатываемых? Нет? А как думаешь, сколько людей бросают обычные в урны для перерабатываемых? Когда я вывешиваю объявление, что ушел разбираться с мусором, все смотрят на меня как на прокаженного и спрашивают: «Где это носит охранника?» В такие моменты хочется их самих заснуть в урну. Вот такая дерьмовая работа.

Хван все горячился, и на них уже стали коситься посетители с других столиков. Его резкий сиплый голос звучал крайне неприятно. Квак, чтобы хоть как-то смягчить гнев товарища, подлил ему сочку. Опустошив очередную рюмку, Хван снова вскипел и принялся жаловаться на семью, а затем и на весь мир. Ну почему у него такой противный голос?

Не в силах больше терпеть, Квак взял его за плечо и с силой толкнул:

– Говоришь, семья тебя не любит?

– Просто игнорируют меня, делают вид, что не замечают.

– Очень жаль. Но я бы на месте твоих детей вел себя так же. Кому понравится вся эта пустая болтовня?

– Вы поглядите на него. А что, я не имею права ничего говорить? – закатив глаза, возразил Хван.

Квак тяжело вздохнул:

– Тогда чего орешь и возмущаешься? Что ты знаешь о жизни? Может, учился много? Или книги читал?

– Эй, да я через столько тягот прошел в жизни. Чему учеба может научить? Ты, вообще, на чьей стороне? Кого поддерживаешь?

– Я? Я на стороне тишины. Послушай. У стариканов вроде нас, у которых ни сил, ни денег, нет права возмущаться. Знаешь, что хорошего в успехе? Он дает это право. Посмотри на успешных стариков: им уже перевалило за семьдесят, а они до сих пор занимаются политикой, управлением. Да! И когда они что-то говорят, то молодежь слушает. И дети им верны. А что мы? Мы ничего не нажили. Какой смысл разводить бессмысленную болтовню?

– Ты прав. Мы неудачники. Нищие... Но мы ведь можем собраться и высказаться! Выйти на Кванхвамун^[30]. Давай! Ты же развелся, тебе нечего терять. Выскажемся все вместе на площади в эти выходные. Пусть нас наконец услышат! Согласен?

Кваку стало стыдно. Хотя, в отличие от Хвана, причин выйти у него не было. Поднявшись, детектив взял маску Хвана со стола, натянул ему на уши, попросил заткнуться и пожелал не подцепить коронавирус на Кванхвамуне. Затем расплатился и ушел, слушая, как Хван выкрикивает ему в спину оскорбления. Ну вот, еще на одного друга меньше.

* * *

Квак не мог пойти домой – может, из-за неприятного чувства после низкосортной забегаловки, в которую его привел Хван, а может, все дело в унижительном разговоре с директором клиники. Да и назвать его дешевой, холодной, промерзающую однушку домом едва ли язык поворачивался. Ему хотелось возвращаться в дом, освещенный солнечным светом и теплом семейного очага, а не в пустую тесную квартирку размером с гроб. Но в такой холод идти ему было некуда. Поэтому он просто брел по зимним улицам и думал, когда же его жизнь пошла наперекосяк.

Сын захотел последовать примеру сестры: выражать себя через какое-то занятие. Сестра любила спорт, а его потянуло в художественную школу. Поэтому Кваку срочно понадобилась крупная сумма денег. В этот момент и пришло искушение: он принял взятку. На полученные деньги он купил сыну музыкальный инструмент и оплатил

занятия. Кара оказалась жестокой: пойдя на такой шаг ради семьи, Квак потерял репутацию, а вместе с ней и работу. Тогда он решил основать свое детективное агентство, однако вскоре почувствовал, что его игры с законом не по душе жене и детям, которые стали сильно от него отдаляться. Черт. Они думают, что ему так хотелось заниматься этими слежками? Квак терпел их ради того, чтобы принести денег в семью. Сталкиваясь с постоянным унижением, он честно работал, обеспечивал родных и даже смог оплатить детям учебу в университете.

Но вскоре силы кончились. Он перестал поспевать за молодыми, куда более талантливыми коллегами. Потерял доход, а затем и уважение семьи. Жена потребовала развода. Дети, повзрослев, поспешили обрести независимость и только иногда звонили ему, чтобы напомнить себе о его существовании.

На самом деле, справедливо. Тогда Квак этого не понимал, но сейчас осознал в полной мере. После развода он много размышлял над своими поступками. Понял, что совершенно ничего не умеет, всю жизнь только пытался заработать. Готовить он научился только лапшу, как включается стиральная машина – не знал, разговоры с детьми давались ему с трудом. С женой идеальных отношений так и не получилось: он вечно ругался, кричал, заваливал ее упреками. А дети же выросли, за всем этим наблюдая... Неудивительно, что он остался один.

Когда Квак понял, что семья раскололась по его вине, он порадовался, что хоть медицинская маска теперь не дает ему говорить. Вот бы этот рот вообще никогда не открывался! Каждый раз, едва в голове назревали грубости, готовые бесцеремонно обрушиться в адрес близких, Квак убеждался, что своими же руками разрушил себе жизнь.

Миновав мэрию и рынок «Намдэун», детектив оказался на Сеульском вокзале. На глаза попало несколько бездомных, и ноги сами понесли его в Чхонпхадон. Изначально он собирался сесть на автобус и доехать до своей улицы, однако внезапно решил прогуляться по кварталу. Захотелось вернуться туда, где началось его сегодняшнее путешествие, встретить этого безмолвного плюшевого медведя и что-нибудь сказать ему. Снять наконец маску и воспользоваться правом, которого сам себя лишил: пожаловался бы и рассказал, как целый день следил за ним, спросил бы, кто он такой и почему шляется непонятно где. Может, ему тоже за это платят?

Перед входом в магазин его одолели сомнения. Возле кассы стояла какая-то старушка и болтала с объектом наблюдения. Она ничего не собиралась покупать и не выглядела как обычный покупатель. А когда женщина сказала этому медведю переставить что-то из товаров и он послушался, Квак понял, что перед ним хозяйка магазина – мать Кана, заказчика слежки. Ему стало совсем не по себе.

Прозвонил колокольчик на двери. Владелица магазина улыбнулась объекту, помахала ему и вышла на улицу. На вид она была на пару лет старше Квака. А он почему-то думал, что матери Кана уже за семьдесят. Наверное, эта милая старушка очень переживает из-за своего сына. С такими мыслями Квак зашел внутрь.

– Добро пожаловать, – после небольшой паузы раздался голос продавца.

Стараясь не встречаться с ним взглядом, Квак направился к холодильнику. На улице холод, но у Квака пересохло во рту. Все из-за навязчивых мыслей. Чтобы избавиться от них, а заодно и от жажды, детектив взял несколько пол-литровых банок пива и отнес на кассу.

– Если в-вы вместо этой принесете д-другую, то четыре банки будут по акции за д-десять тысяч вон.

– Правда?

– Да. А сейчас у вас в-выходит тринадцать т-тысяч семьсот вон. Просто поменяйте одну – и получится д-дешевле на три тысячи семьсот.

– Ага, вот оно что.

Квак сделал все, как ему сказал продавец, взял пакет и рассчитался. Засунув две банки в карманы куртки, а остальные держа в руке, он вышел на улицу, сел за столик на веранде и откупорил одну. Сделав глоток из холодной зеленой банки, он почувствовал облегчение.

В этот момент открылась дверь. Объект слежки вынес какой-то аппарат на улицу и, поставив его рядом с Кваком, включил в розетку. Неужели обогреватель? Подул горячий воздух, и мужчина ощутил тепло, как от присутствия кого-то близкого. Квак хотел было поблагодарить мужчину, но тот уже зашел внутрь, а догонять его не хотелось. Странный тут сервис.

А это тип приветливый. И отнесся к Кваку с той же добротой, что и к остальным покупателям, хотя даже не знал его. Сэкономил ему денег, позаботился, чтобы не замерз, пока с жалким видом распивает спиртное на улице. Неожиданное гостеприимство отбило у Квака желание высказать этому человеку всю ту чушь. Детектив просто уселся поудобнее и в одиночестве наслаждался хмельным. Несмотря на холодное пиво, благодаря обогревателю было тепло.

Внезапно снова раздался звон колокольчика. Объект вышел на улицу и сел возле детектива. В обеих руках у мужчины было что-то отдаленно напоминающее хот-дог, и один он протянул озадаченному Кваку.

– Вот, д-держите. Это сосиска в тесте. Очень вкусно. Я р-разогрел ее в микроволновке... Б-будете?

Квак старался сохранить самообладание, но теперь уже не мог удержаться. У него потекли слюнки: слишком уж аппетитно поднимался пар от разогретой в микроволновке булочки. Только с чего вдруг этому типу кормить его? Может, хочет втереться в доверие и что-то разузнать?

– Почему ты меня угощаешь?

– Не стоит в-выпивать без з-закуски. Да и дни х-холодные, нужно съесть чего-нибудь горячего. Кстати, у нее т-только что истек срок годности. Но она нормальная, н-не переживайте, – заикаясь, заверил мужчина и снова протянул закуску.

Детектив расслабился, взял сосиску в тесте и сразу же откусил. Горячая еда мгновенно взбудоражила вкусовые рецепторы. Квак внимательно посмотрел на объект, который сидел прямо возле него и жевал с не меньшим аппетитом.

– Нормально? – с набитым ртом спросил Токко.

Он еще спрашивает! Квак кивнул и с охотой накинулся на еду. Затем открыл вторую банку пива, сделал глоток и внезапно разрыдался. До хрипоты, так, что даже затряслись плечи. Вытерев рукавом слезы, он по-шпионски загадочно начал:

– Я-то нормально, а ты будь осторожен. Кое-кто на тебя зуб точит.

Токко лишь озадаченно смотрел на него.

– Ты ведь ходил сегодня в клинику пластической хирургии в Апкучжондоне?

В этот момент выражение лица Токко изменилось. Зрачки его маленьких глаз расширились. Он посмотрел на собеседника и спросил, откуда ему это известно. Будоражающее чувство. Квак вспомнил работу в полиции и день, когда его самого допрашивал прокурор.

Детектив рассказал все, начиная тем, как сын хозяйки магазина поручил ему накопать что-нибудь на «неудобного продавца», и заканчивая встречей с директором клиники, который намеревался Токко убить.

– Он спросил меня, где ты живешь. Но я не назвал адреса хостела, хотя знаю его. Я не в курсе, что вы не поделили, только он явно хочет избавиться от тебя.

Мужчина слушал молча. Внезапно уголки его губ поднялись и раздался громкий смех. В какой-то момент Кваку даже показалось, что тот смеется над ним. Детектив нахмурился.

– Спасибо в-вам. Н-не стоит беспокоиться, – перестав смеяться, произнес объект и снова принялся за еду.

Поникший детектив опустошил банку пива.

– А з-зачем сын хозяйки п-пытается разузнать обо мне?

– Так с твоим приходом вырос доход, и теперь он не может продать магазин. Надеется накопать на тебя что-нибудь и повлиять на мать.

– Хм.

– Что?

– Смотрите: за последние п-полчаса посетителей совсем н-не было. Так что т-торговля идет плохо. А х-хозяйка все равно не продает магазин. Поэтому я г-гарантирую, что мое увольнение не решит его проблему.

– А что решит?

– На жизнь хозяйке х-хватает пенсии. Для нее главное, чтобы были д-деньги на зарплаты сотрудникам. Магазин она держит не для т-того, чтобы заработать много д-денег.

– Но ее сын хочет вложить... – Квак не смог договорить.

Детектив вдруг понял: мать Кана – уникальной доброты человек, а твердая уверенность Токко только доказывает, что правда на их стороне. Сорокалетний опыт работы в полиции и детективном агентстве научил его отличать истину от лжи.

– П-передайте ее сыну, что х-хозяйка ни за что не п-продаст магазин. Вы же д-договорились о награде, если у в-вас все получится? С-скажите, что нашли н-на меня компромат и меня выгнали, чтобы он заплатил в-вам.

– Что? Зачем?

– Я все равно с-собирался уходить, – ответил он и указал пальцем на дверь.

На стеклянной двери висело объявление о поиске нового сотрудника. Да уж! Детектив, человек, который зарабатывает на жизнь благодаря своему вниманию к деталям, даже не заметил его! Пора уходить в отставку.

Квак встал и подошел к объявлению. Искали сотрудника на ночную смену – с десяти вечера до восьми утра. Оплата почасовая – девять тысяч вон, что на пятьсот больше минимальной. Наверное, потому, что работать придется по ночам?

«Неплохо», – подумал он и вернулся за столик.

Объект с умиротворенным видом пил чай из кукурузных рылец. Заметив озабоченный взгляд Квака, он облизал губы и сказал:

– П-представляете, я завязал со спиртным. Оказалось, чай в-вкуснее.

– А чем ты будешь заниматься... когда уйдешь с этой работы? Я следил за тобой несколько дней: ты бывал только в этом магазине и в хостеле.

– Ничего себе. Вы все м-мои маршруты узнали.

– А что еще мне оставалось делать? Нагулялся я на холодном ветру с тобой.

– Да, в последние д-дни я много гулял. Всегда так д-делаю, когда надо п-подумать. Очень помогает. Я посчитал, что мне н-нужно уехать из Сеула. Долго не мог решиться – и н-наконец набрался смелости. Только сначала найдем кого-нибудь х-хорошего мне на замену. Такой ответ вас устроит?

Квак кивнул и слегка улыбнулся. Странно это – общаться с объектом слежки вопреки запретам и слушать его советы, как лучше завершить дело. Квак внезапно почувствовал, что ему небезразлична судьба этого человека, поэтому его ответ успокоил детектива. Неужели причина в том, что ему нравилась уютная атмосфера этого места? Магазин, где гостя готовы согреть, а от холодного ветра заслонит

верзила, сидящий напротив. Магазин, который хозяйка не закрывает ради своих сотрудников, несмотря на то что денег он не приносит.

– Как я могу к вам обращаться? – поинтересовался объект.

– Просто детектив Квак.

– Можете в-выполнить и мой заказ? Мне н-нужно найти человека.

Кваку стало неловко при таких обстоятельствах взять новое дело.

Заметив растерянность детектива, Токко тут же заверил его:

– Я, само собой, з-заплачу. Сколько это б-будет стоить?

– Тебе сделаю скидку. А кого нужно найти? Если знаешь имя и номер удостоверения личности, это не составит проблем.

– З-знаю, – спокойно ответил он.

Квак одобрительно кивнул.

– А если ч-человек умер? Найти его все еще в-возможно?

– Конечно.

На лице мужчины появилась по-детски искренняя улыбка. Квак вздохнул и спросил:

– А для работы в ночную смену подойдут старики вроде меня? Срок годности еще не вышел?

– Конечно подойдут, ничего с-страшного, – радостно заверил Токко, чуть придвинувшись.

– Тогда последний вопрос: такой грубый, не умеющий нормально общаться с людьми человек, как я, сможет этим заниматься?

– Вы ведь д-детектив? И ваша, и моя работа состоят из трех «с»: склизко, сложно, страшно. Вам, н-наверное, приходилось иметь д-дело со склизкими, изворотливыми людьми. Все наши п-покупатели как н-невинные овечки... Но есть одна б-бабушка, которая требует в-вернуть ей деньги за мороженое, потому что у нее б-болят зубы от холодного. Мы называем таких «ПП».

– Что это означает?

– Сокращение от «проблемный покупатель». В любом случае у вас в-все получится.

Может, он хочет поскорее уехать и поэтому так старается подбодрить его? Но Квак уже серьезно все решил. Взяв банку, он допил пиво и взглянул на мужчину:

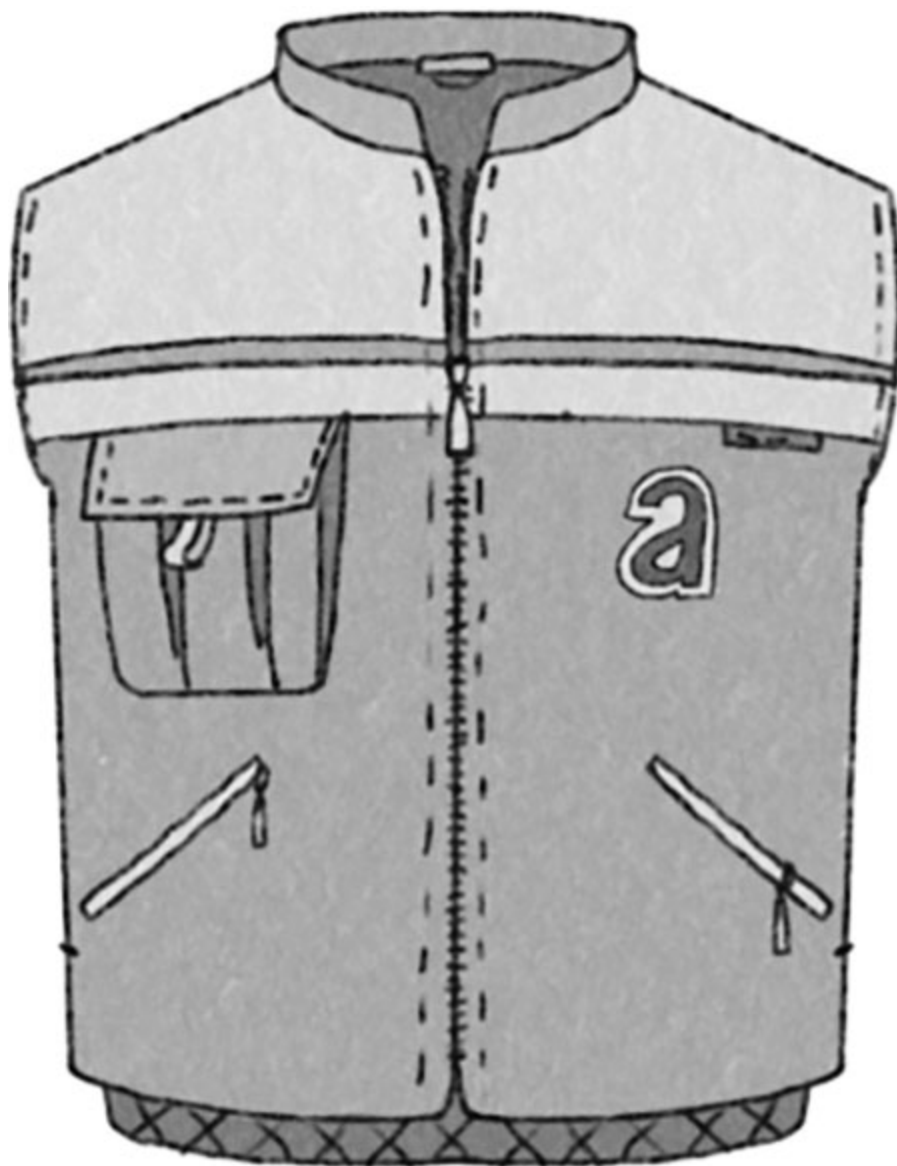
– Значит, закончу с твоим делом и посвящу себя круглосуточному магазину. Передашь хозяйке, что я готов работать?

– Конечно. П-приготовьте резюме. И п-побыстрее, если можно.

Квак кивнул и открыл последнюю банку пива. Чтобы поддержать его, объект поднял бутылку с чаем. Когда они чокнулись, в магазин зашли трое молодых людей. Новый знакомый детектива попрощался и, надев маску, поспешил за прилавок. Квак допил пиво и прежде, чем надеть маску, глубоко вдохнул холодного зимнего воздуха.

Глава 8

«Все для вас»

Что, если непрерывно думать о чем-то двадцать четыре часа в день целую неделю? А если эта мысль болезненная? Из-за гнетущих мыслей мозг будет все тяжелеть, да настолько, что если вы окажетесь в открытом море, то он утянет вас ко дну, в самую бездну. Очень скоро вы заметите, что стали дышать по-другому. Вы дышите не ртом, не

носом и даже не жабрами – вы превратились в существо, далеко не похожее на человека, кто бы ни говорил обратное. Надеюсь забыть о боли и стереть ее из памяти с помощью алкоголя, мы забываем все, даже голода не чувствуем. Большая часть воспоминаний улетучивается, и мы уже не помним, что собой представляем на самом деле.

Тот старик встретился мне как раз в такой момент, когда я забыл себя. Собрав остатки сил, я пришел на Сеульский вокзал и больше не смог оттуда уйти. Сидел и дрожал от страха. Он спросил, как меня зовут, а мне было нечего ответить. Я старался вспомнить хоть что-то, но эти попытки только причиняли головную боль. Я привык питаться объедками из мусорных баков и в пунктах раздачи еды возле вокзала – он же рассказал мне о бесплатной столовой на Чонно, про убежище в подземном переходе на Ыльчжиро и других местах помощи бездомным.

Наверное, без этого человека меня бы уже давно не было. Несмотря на то что я лишился памяти, мои сердечно-сосудистые болезни не давали о себе забыть. Если бы тот старик не договорился с докторами и не отправил меня лечиться, я бы точно оказался на том свете. Конечно, не запивай я лекарства сочжу, выздоровел бы куда быстрее, но теперь хотя бы умирал помедленнее.

Мы много пили вместе с ним. Он увлекался алкоголем даже больше меня, будто видел в нем единственную защиту от внешнего мира. Бездомные не должны выпрашивать деньги, но, когда кончается выпивка, они неизменно прибегают к этому. Добыв ценного нектара, старик не жалел ни капли и делился, а бездомные все равно не принимали этого человека. Возможно, он общался со мной потому, что ему нужен был телохранитель. Или секретарь, ведь, по слухам, раньше он руководил крупной компанией, а потом она обанкротилась во времена Азиатского финансового кризиса.

Старик почти всегда был пьян и чуть ли не весь день разговаривал со мной, просто чтобы убить время. Мы вместе смотрели телевизор на вокзале, обсуждали политику, экономику, спорт и развлечения. Делились мнениями о том, что услышали на каналах новостей. За год общения с ним я узнал много нового о мире. Эти знания отличались от того, что я успел увидеть когда-то сам. Старик рассказывал мне истории из жизни разных незнакомых людей. В какой-то момент я стал

им сочувствовать. Единственное, чем старик не делился со мной, – своим прошлым. Может, не помнил, а может, не хотел. Но мы оба будто подчинялись какому-то негласному правилу и никогда не касались этой темы.

Спустя два года после того, как я поселился на Сеульском вокзале, и полтора года после его появления старик умер: свернулся калачиком возле меня и не проснулся. А я ничего не смог сделать, чтобы помочь ему. Искусственное дыхание? Вызвать скорую? Нет, в ту ночь я почувствовал, что он умирает, и просто прижался к нему, старался согреть. И повторял одно слово, которое он сказал мне накануне, будто это было завещание.

«Токко». Он попросил запомнить, что его так зовут. Черт. Я ведь даже не решился спросить, имя это или фамилия, а у него не хватило сил рассказать самому. Под утро старик умер, и я в память о нем взял имя Токко.

* * *

На Сеульском вокзале я провел еще два года. Ничего не брал от центров на Чонно или Ыльчжиро. Стал самым настоящим бездомным. Под стать имени стал одиночкой во всем и мог сам справиться против двоих. Если же нападали трое, то приходилось идти к врачу. Грудь колело, я не мог сходить в туалет, лицо распухло от ударов и напоминало лепешку, но было не особо больно – просто часть пути к саморазрушению. Поначалу я еще пытался вспомнить что-нибудь, а потом перестал. Разговаривать было не с кем, я отвык говорить и стал запинаться и заикаться. Зато благодаря этому люди мне больше сочувствовали и давали денег – на них я покупал еду и спиртное. Только сначала с силой выдавливал из себя: «Очень х-хочется есть».

В тот день я решил преподать урок двум мерзавцам, которые жили на первом этаже в западной части вокзала: накануне они отняли у меня выпивку. Если не проучить их, они сделают это снова. В таких местах нужно быть готовым защищать то, что у тебя есть, пусть даже у тебя нет ничего. Я направился к ним, но вдруг заметил их довольные рожи и розовую сумочку в руках одного. Ну что ж. Я решил убить сразу двух зайцев. И побежал за ними.

Разобрался с теми двумя и отобрал украденную вещь. С гордостью вернулся в свое убежище и открыл сумочку. Внутри оказались очень ценные вещи: кошелек с наличными, банковские карты, удостоверение личности, записная книжка и даже бумажка с ПИН-кодом. Я испугался, что если возьму это все, то могу загреметь за решетку. Ломал голову, как теперь быть. В итоге решил спрятать сумку под куртку и лечь спать. Есть тоже хотелось, но спать – сильнее.

Долго мне поспать не удалось. В голове все время крутились мысли о женщине, которая потеряла сумочку. Судя по документам и фотографии, она была уже довольно пожилой. Ее доброе лицо не давало уснуть. Я снова открыл сумку и достал записную книжку. На последней странице нашел имя и номер телефона, чтобы связаться с ней и отдать пропажу. За это «нашедшему» она обещала награду. Впервые за долгое время я наконец-то мог почувствовать себя человеком. Я позвонил с таксофона, а деньги на звонок взял из ее кошелька. Очень быстро из трубки послышался голос старушки. Она сказала, что скоро вернется забрать свою сумочку на Сеульский вокзал. Так мы и познакомились с хозяйкой магазина.

* * *

Теперь я работаю в круглосуточном магазине «Все для вас» в переулке Чхонпхадона. Я тут уже давно провожу ночи. Даже не понял толком, как это произошло. Хорошо было то, что там можно спрятаться от зимнего холода и найти что-то из еды. Из минусов: пришлось бросить пить. Давалось мне это плохо, но я терпел изо всех сил. Может, тогда во мне заговорил инстинкт выживания. Как бездомная беременная кошка заходит в дом к человеку и дает себя приручить, чтобы окотиться, я пришел сюда и отказался от спиртного, будто у меня еще оставалась хоть какая-то причина жить.

Я бросил пить, стал хорошо питаться, высыпаться, и здоровье улучшилось. На койке в хостеле я набирался сил перед ночной сменой в магазине. После дня отдыха чувствовал, как все хронические болезни отступили. На чаше весов между жизнью и смертью я всегда склонялся ко второй, но теперь смог взять себя в руки и держать баланс. На удивление мысли тоже прояснились. Беседы с работниками

магазина заставляли меня думать быстрее, а общение с покупателями медленно излечивало меня от заикания.

Вот так я начал вести себя как человек, а тепло магазина потихоньку растапливало мой замерзший мозг. Ледяная стена между мной и воспоминаниями раскалывалась на куски. Мертвая память возрождалась и накрывала меня волной. Воспоминания из прошлого, как зомби, оживали и кидались на меня, но на этот раз я мог смотреть им прямо в лицо, не пытаюсь скрыться и убежать.

Работа в магазине быстро будила мою память. Как-то ранним утром пришла женщина с маленькой дочерью, и даже воздух внезапно изменился. Они смотрели на товары, как на картины в галерее, и вместе выбирали. Девочка радостно отвечала маме, какие печенье ей понравились, и все это навеяло мне одно далекое воспоминание. Когда они положили на кассу печенье, на которое указала дочь, я уже не мог поднять головы. Мне казалось, если я встречу с ними взглядом, не удержусь на ногах.

Они рассчитались и вышли из магазина. Только тогда я с трудом поднял глаза и посмотрел им в спины. Они напомнили мне, что у меня была жена и дочь. Крик сам вырвался из груди. Я позвал дочь по имени. Они обернулись. Когда увидел их лица, решил, что больше ворошить прошлое не стану.

Я снова начал много думать. Ночью в магазине как раз было тихо, а днем я приходил домой, задергивал шторы и в полной темноте лежал на койке, как в гробу. После еды тянуло выпить, но я заменил алкоголь на чай из кукурузных рылец. Почему именно он? Когда искал подходящий напиток, этот чай продавался по акции 1+1. Может, он стал для меня плацебо, зато хорошо утоляет жажду и отвлекает от тяги к алкоголю.

* * *

С первой зарплаты у меня осталось восемьсот тысяч вон, потому что еще миллион хозяйка мне выдала авансом. Это было куда больше, чем я заработал за последние несколько лет, пока попрошайничал и подбирал с пола. Правда, я не знал, на что их тратить, поэтому просто убрал деньги во внутренний карман куртки. Хозяйка уговаривала

поскорее восстановить документы, завести сберегательный счет и банковскую карту, я же не торопился. Решил отложить. Когда на нее в магазине напали хулиганы, нам пришлось пойти в полицию, и там я узнал свое настоящее имя и номер удостоверения. Но, выйдя из участка, сразу же забыл их.

Когда сделал себе удостоверение личности, понял, что жизнь продолжается. И если жить по правилам, то мне снова придется страдать. Я боялся возвращаться в прошлое, которое обрывками всплывало в голове: вдруг все эти мысли пробудят ужасную травму, сломавшую предохранитель моей памяти?

Для начала я дал себе время до конца зимы. Наверное, память о том морозном утре, когда умер старик, все еще пугала меня. Память о его неподвижной, заочневшей спине. Может, поэтому мне хотелось найти место потеплее – например, магазин. Я решил провести эту зиму в круглосуточном и набраться сил. А с приходом весны человек, которого сейчас все зовут Токко, исчезнет, растворится в неизвестности, покинет этот мир. Я собирался оставить вокзал и спрыгнуть с моста в большую реку, которая разделяет Сеул. Но сначала набраться в магазине сил, чтобы сделать это.

Только вот образ жены никак не выходил из головы. Даже тогда, в полицейском участке, мне напомнили о жене и дочери. Я сразу предпочел забыть об этом, но со временем картинки из прошлого становились все ярче. Я уже хорошо представлял ее: черты лица, жесты. Она была невысокая, с короткой стрижкой и очень тихая и спокойная. А еще настолько тактичная и вдумчивая, что всегда с улыбкой принимала, если я раздражался или хвастался. Помню, как однажды она по-настоящему разозлилась. И помню, из-за чего. Смотрела на меня с презрением, с гневом, но все так же молчала, отчего я раздражался еще сильнее. Тогда она оставила меня. Собрала вещи и уехала.

Я задремал. Меня разбудил звон колокольчика на двери. Зашли покупатели – явно забежали перед работой. Пока они выбирали товары, я пил чай из кукурузных рылец, чтобы осколки воспоминаний, которые я утопил в пьянстве, больше не впивались в мое сознание.

* * *

В конце года Сихён, девушка, которая работала со мной, перешла в другой магазин. Точнее, ее переманили конкуренты. Необычная история для круглосуточных магазинов. Еще неожиданнее было получить от нее подарок – станок для бритья. Она сказала, что у нее все получилось благодаря мне. Сам не знаю зачем, я взял бритву и коснулся подбородка, на котором уже проявлялась щетина. Мы попрощались и пожелали друг другу всего хорошего.

Когда Сихён ушла, у нас с Сонсук, другой сотрудницей магазина, прибавилось работы. Она все еще не считала меня за человека. За годы жизни бродягой я хорошо научился понимать, как люди на меня смотрят. Во взгляде большинства людей на вокзале читались жалость и презрение, в пропорции примерно три к семи. Кто-то смотрел с искренним сочувствием. И на удивление находились те, кто бросал на меня завистливые взгляды. Может, неосознанно.

Во взгляде Сонсук пропорции были один к девяти – само собой, в пользу презрения. Но с нападками она не набрасывалась. Во время пересменок всегда выглядела усталой или совсем измученной. А если я после работы задерживался, чтобы прибраться в магазине и на улице, бывало, торопила меня, чтобы поскорее шел домой. Убирал я, вообще-то, хорошо, ей просто не нравилось, что мельтешу перед глазами. Я же не обращал внимания и делал по-своему. Мне хотелось отплатить хозяйке за ее доброту и за то, что нашла для меня место, где можно в тишине провести последнюю зимнюю спячку.

Зато ко мне хорошо относилась седая старушка лет восьмидесяти, которая жила неподалеку. Она, согнувшись, ходила по окрестностям с длинным шарфом, обмотанным вокруг шеи несколько раз. Этим он напоминал змею. Однажды бабуля спросила меня, зачем я каждый день убираю уличные столики, если на дворе зима. Я ответил, что протираю их от голубиного помета, отчего она поморщилась: кажется, ни голуби, ни их помет не вызывали у нее приятных эмоций.

На следующий день старушка привела в магазин своих подруг. Им понравились наши акции, и они стали приходить сюда с внуками и брать товары со скидками. В благодарность я однажды помог ей донести до дома тяжелые сумки, о чем она тут же сообщила подругам, и те тоже стали просить меня помочь им. Кое-кто даже уговаривал доставлять им товары всегда. Причин отказывать у меня не было:

после такой хорошей разминки лучше спалось. К тому же они всегда меня угощали печеньем и фруктами.

Эти женщины заменили мне и бабушку, и маму, и обеих тетушек. Благодаря им я чувствовал тепло и материнскую заботу, которые слабо мерцали в моих воспоминаниях. Единственное, что меня смущало, – это их постоянные допросы. Бабушки устраивали с большим увлечением, гремя вставными челюстями: «Ты *был* женат?», «Пора снова жениться», «А сколько тебе лет?», «Чем занимался до магазина?», «Может, познакомить с нашей племянницей?», «А в церковь ходишь?», «Не хочешь поработать у нас в деревне?». На это все я отвечал кратко: «Не стоит беспокоиться» – и все в таком духе. К счастью, после нескольких попыток они успокаивались и больше не мучили меня: наверняка решили, что мне больно рассказывать о своей непростой жизни. Кроме той седой старушки. Она каждый раз при виде меня заводила свою шарманку:

– И чем же ты все-таки занимался? Я-то уже совсем старуха, мне в жизни особо ничего и не надо, а вот про тебя я просто обязана все узнать. Понимаешь, сынок, не выношу, когда любопытно. Ну и чем такой милovidный молодой человек мог заниматься раньше? И как оказался в наших краях?

– Да я сам не знаю ответов на эти вопросы. Но как узнаю, обязательно расскажу вам. Вы были ко мне добры, так что я с радостью утолил бы ваше любопытство.

Сейчас, вспоминая об этом, думаю, именно благодаря ей я продолжал задаваться вопросом: кто же я на самом деле?

Сонсук, похоже, была не очень рада, что у нее из-за этих старушек прибавилось работы по утрам. Она без остановки ворчала, уверенная, что они не так уж и много покупают, чтобы с ними столько возиться. Но продажи росли, и хозяйку это радовало. Поэтому Сонсук помалкивала и открыто свое недовольство не высказывала. Ведь, если дела пойдут совсем плохо, магазин закроется и она потеряет работу.

* * *

После наступления нового года Сонсук неожиданно попросила у меня прощения. Сказала, что была неправа, и обещала исправиться. А

я похвалил ее жареную курицу. Тогда она стала жаловаться на свою семью. Говорила, что со мной общаться куда приятнее, чем с родными.

С поникшим видом и тяжело вздыхая, она рассказывала, что ее муж и сын совсем не умеют общаться. Не умеют общаться? В этот момент я внезапно осознал, что я такой же. Я тоже вел себя грубо с женой и дочерью. И она исчезла, с разочарованием и печалью на лице... Жена или дочь? Никак не получалось вспомнить.

Через несколько дней Сонсук пришла на работу и расплакалась. Я сразу пошел ее успокаивать, но как я мог помочь? Решил принести ей чаю из кукурузных рылец, который в трудные минуты помогал мне. Она сделала глоток, немного успокоилась и перевела дыхание. И тут ее будто прорвало: жалобы на сына полились рекой, остановить ее было невозможно. Видно, у них серьезный кризис, сын сошел с дистанции, устал от жизни. Вернуться в прежнее русло всегда нелегко. Да и о чем тут говорить, ведь это не тот мир, где можно просто бежать по прямой и добраться куда надо. Я спокойно слушал каждое слово Сонсук. Похоже, ей было совсем не с кем поделиться, раз она пришла ко мне. Поэтому я дал ей высказаться и постарался поддержать.

Я понял выражение «побывать в чьей-то шкуре», только когда сам сбился с пути. Моя жизнь двигалась по улице с односторонним движением. Вокруг были люди, которые слушали меня, а я заботился о своих чувствах и, если кто-то не принимал моего образа жизни, прекращал общаться. С семьей именно так и произошло. Теперь я полностью осознал все, что со мной случилось, и наконец смог бы утолить любопытство той старушки и рассказать ей все начистоту.

Дочь как-то отметила, что я совсем не умею общаться. Как она выглядела в тот момент, когда говорила это? Теперь, когда вспоминаю ее лицо, я готов расплакаться... А жена терпела меня такого. Очень долгое время. Я думал, она со мной во всем согласна, и только сейчас понял, что просто смирялась. Дочь совсем не такая. Не похожа ни на свою мать, ни тем более на меня.

Сонсук сокрушалась из-за того, что сын, которого она родила, так сильно отличается от нее. У меня были похожие чувства из-за дочери. Конечно, мы с ней разного пола, возраста и поколения, но мы не совпадали ни в чем. Дочь не ела мяса и не любила учиться. Как травоядное животное. Ее спокойный характер совсем не вписывался в корейское общество: оно-то больше напоминало джунгли. А я все

время ругал ее. В детстве она притворялась, что слушает меня, и уже в подростковом возрасте начала бунтовать. Я никак не мог понять этого, а жена все время защищала ее. В то время мне хотелось думать, что именно жена была во всем виновата, но сейчас понимаю: я своими собственными руками построил высокую стену между нами. Воспринимал дочь как непослушного ребенка, и она просто перестала меня замечать. Тогда все и началось. Разлад в семье, все мои неудачи, потеря самых близких людей. И все из-за моего равнодушия и высокомерия.

Только пережив потерю памяти и с трудом открыв глаза на этот мир еще раз, я понял, что мне совсем не чуждо сострадание и участие. Но слишком поздно. Никого не осталось рядом. И искать их было бессмысленно. Я просто должен держаться. Ради того, чтобы помочь Сонсук, которая сидела возле меня, вытирая слезы, одной ногой в той же самой яме, куда когда-то свалился я.

Мне хорошо знакома боль Сонсук, и срочно нужно было хоть как-то помочь ей. Тогда я внезапно вспомнил слова Ччамона. И протянул женщине треугольный кимпап. Я посоветовал отнести его сыну и приложить письмо. А заодно выслушать его. Так же, как я выслушал ее. Она кивнула, но мне стало стыдно. Стыдно и больно оттого, что мне сейчас некому писать и некого слушать.

* * *

После новогодних праздников разразилась пандемия. Люди все чаще заражались, в аптеках закончились маски и санитайзеры. Но оказалось, что у хозяйки припасено несколько масок. Из-за слабых легких ей приходилось чуть ли не всю весну носить их, когда в воздух поднималось много пыли. Хозяйка отдала маски нам с Сонсук, чтобы мы носили их на работе. С тех пор я так и принимал посетителей, и особых неудобств мне это не причиняло. Когда они уходили, я выдавливал санитайзер и протирал руки. Все это мне было непривычно, но я чувствовал, что естественным образом справляюсь.

На следующий день хозяйка предупредила, что нужно быть еще осторожнее, и принесла нам тонкие латексные перчатки. В ту секунду, когда я их надел, меня будто молнией пронзило. Я надавил

санитайзера, растер его, поднес руки к лицу и вдохнул аромат. Несмотря на то что возле кассы стояли покупатели, я оставил рабочее место, подбежал к зеркальной витрине в конце магазина... и посмотрел на себя в маске. Короткие волосы, угловатые брови и маленькие глаза. Маска на лице, запах спирта, прикосновение латексных перчаток к коже – все это открыло мне глаза на прошлое. Я был врачом.

Мне показалось, если бы я надел сейчас халат и взял в руки скальпель, смог бы выполнить любую операцию. Откуда-то донесся запах антисептика и крови, как в операционной, послышался тихий гул медицинского оборудования. Я вышел из операционной, которой для меня стал магазин, на улицу и полной грудью вдохнул холодного воздуха. Почему-то я решил, что нужно дышать как можно глубже, будто накачивая воздух в легкие, чтобы воспоминания не улетучились.

Следующие несколько дней я собирал пазлы из вернувшихся ко мне фрагментов. Мои извилины напряженно зашевелились. Вместе с памятью просыпались боль, страх и отрицание, но я уже не мог остановиться.

* * *

Однажды пришел молодой человек, который отказался платить за четыре банки пива. Сослался на то, что он сын хозяйки. Сходство выдавали глаза и переносица, но я не мог отпустить его просто так. Ведь продавец обязан взять деньги. А еще мне хотелось поставить его на место, показать, что на этот магазин, который ему так нужен, у него нет никакого права. Он ведь даже ни разу не помог хозяйке с делами.

Ушел ее сын весь красный и злой, а где-то через час вернулся выпивший. Я как раз выставлял товар. Он показал мне фотографию на телефоне, спрашивал, устроит ли меня такое доказательство. На ней они с хозяйкой сидели и улыбались. Потом он интересовался, как продается пиво. Я ответил как есть. Он попробовал поспорить и снова ушел. Его жалкий вид напомнил мне о моем старшем брате.

Он тоже был у меня. И тоже кошмарно жалкий. Мы оба хорошо соображали, но я посвятил свой ум учебе, а он – махинациям. Брат зарабатывал на жизнь обманом, а когда узнал, что я поступил в

медицинский и сколько зарабатывают врачи, перестал со мной общаться. Только через пару лет снова вышел на связь. Наверное, его арестовали и собирались посадить.

Последний раз мы виделись, когда я работал в больнице интерном. Он угрозами пытался выудить из меня деньги, а я ответил, что врачи могут не только спасать людей, но и убивать: ведь у нас есть скальпель, ножницы и токсичные вещества. После этого разговора брат исчез, и я забыл о нем.

А когда моя память стала восстанавливаться, я увидел его в сыне хозяйки. За ним, как ростки из земли, повылазили образы и остальных членов семьи. Я вспомнил маму, которая дала нам ум и смекалку, но забрала у нас ощущение семьи, когда оставила нашего плохо образованного отца и своих собственных детей на попечение свекрови. Случилось это, когда мы были еще в младших классах.

Папа работал на стройке и почти никогда не разговаривал с нами. Только бил нас и кормил – вот и вся его забота. Чего еще ждать от несчастного человека, который не понимал даже свою жизнь. Но я учился хорошо и, в отличие от брата, подавал надежды, поэтому меня отправляли на всякие кружки и давали карманные деньги. Мне повезло: я унаследовал хорошие стороны матери, ум. Поступил в медицинский и так же, как она, ушел из дома. Зарабатывал на жизнь частными уроками, день и ночь учился и хотел стереть из памяти своего отца и брата.

Я хотел стать врачом и жить иначе. Встретить хозяйственную девушку, создать семью и жить долго и счастливо. И у меня это почти получилось. Но мысли и воспоминания не отпускали меня, как дурной сон, и мне ничего не оставалось – только бессильно досматривать этот кошмар до конца, будто фильм ужасов.

* * *

Масок не хватало. Люди выстраивались в очереди у аптек. Когда в Тэгу заразилось много народу, туда отправили медиков со всей страны. Коронавирус перевернул жизни людей, а я надел маску и много думал. Что-то изменилось. Весь мир, я. По телевизору показывали, как

горевала одна итальянская семья, которая не могла приехать к умирающему родственнику.

И вдруг болезненные воспоминания, как вирус, поглотили мое сознание и заставили меня выбрать жизнь. Удивительно, но, даже когда везде бушует смерть, где-то остается место для нее. Пришло время жить по-настоящему.

Я вернулся. Перевыпустил регистрационный номер, восстановил пароли в интернете. И кто бы мог подумать? В облаке сохранились все данные обо мне, а точнее, обо мне и о том случае. Тогда я без колебаний, будто ракета с самонаводкой, сделал то, что считал правильным.

Я пошел к хозяйке и все ей рассказал. Она меня поняла, хотя бы потому, что это утолило ее любопытство. Ей было прекрасно известно, что круглосуточный магазин – такое место, где ни покупатели, ни сотрудники не задерживаются надолго. Как в пункте техосмотра, где можно поменять масло, купить кофе и снова отправиться в путь. Так она мне и сказала.

* * *

За мной стал ходить мужчина. По виду ему лет шестьдесят. Впервые кто-то преследовал меня, да еще так нелепо. Садился ровно напротив меня в метро и просто отворачивался. Но куда интереснее был мужчина возле него. Он напоминал отца. Грузное тело и упрямое лицо. Когда мы с отцом виделись в последний раз, ему было примерно столько же лет.

Я сразу понял, кто привел меня к этому типу, похожему на отца. Тот самый парень, который выглядел как мой брат. Зачем ему понадобилось терзать мое прошлое? Почему-то я перестал ненавидеть их. Мысли об отце и брате больше не вызывали злости. Я кивнул своему преследователю, чтобы показать, что пора идти дальше, и на «Апкучжоне» пересел на другой поезд.

В больнице было не много знакомых лиц. Все из-за директора, который считал персонал расходным материалом. Девушка на ресепшне спросила, что мне нужно. Я ответил, что хочу встретиться с директором, и уверенно направился в его кабинет.

Он совсем не изменился. Не видел меня четыре года и сразу же, даже не моргнув, спросил, не хочу ли вернуться на работу. Когда я ответил, что клиники скоро может и не быть, он возразил. Сказал, что мне явно пришлось пройти через многое, но еще один неправильный выбор в жизни совсем меня уничтожит.

– Ты, наверное, был бы рад, если бы я п-просто исчез, но знай: я р-расскажу все о тебе и об этой больнице.

– И что? Думаешь, что тогда приговор помягче вынесут?

– Для тебя л-люди – вещи. Если они п-приносят деньги, то ты используешь их, а если нет – в-выбрасываешь.

– У тебя хорошо получалось приносить нам деньги. Сам знаешь, что я поэтому тебя и нанял.

– Но люди не в-вещи. Люди с-связаны друг с другом. Н-нельзя просто взять и использовать кого-то, обязательно будут последствия.

Директор отвратительно улыбнулся и наклонился ко мне:

– Ты сказал, что думаешь. Теперь моя очередь. Я нашел многих из вас, из тех, кто залег на дно. Благо у меня есть друзья, которые умеют искать беглецов. Тебя я найти не смог, но теперь скажу им, что ты шатаешься тут по всему городу. Пообещаю вознаграждение, и тебя быстро поймают и приведут ко мне. А я буду ждать в операционной со скальпелем в руках.

Внезапно я рассмеялся. Так громко, что чуть не вывихнул челюсть. Директор выпучил на меня глаза: подумал, наверное, что я сошел с ума, а мне только стало смешнее. Мерзавцам не нравится смех. Все его лицо перекосило.

– Я прикончу тебя. Обещаю. Переломаю все кости.

Тогда я перестал смеяться и равнодушно посмотрел на него.

– М-моя жизнь и так уже кончена. Так что для меня это н-ничего не изменит. К тому же я уже рассказал о тебе нужным людям. Сейчас много передач, которые освещают общественно важные дела. А деньги лучше п-потратить на адвоката. Тебе он точно п-понадобится.

– Идиот. Ты только сделаешь мне рекламу. Все доложил, говоришь? Так ты пойдешь ко дну вместе с нами. Просто смешно.

– Я уже г-говорил, что моя жизнь к-кончена.

– Что ты мне сказки рассказываешь? Говори, чего тебе нужно? Работу? Вернуть тебе твою должность? Или денег хочешь?

– Вот чего я хочу, – ответил я и поднял левую руку в одноразовой перчатке, которую взял на входе в клинику.

Директор молча смотрел на меня. Я сжал руку в кулак, а правой схватил его за шкирку и ударил в лицо. Его голова откинулась. Я ударил снова и только тогда отпустил, и он тут же обмяк в кресле.

Я оставил этого подонка мучиться и ушел.

* * *

На следующее утро, когда закончилась моя смена, я собрался уходить, как вдруг меня кто-то позвал. Я обернулся и увидел ту писательницу, которая работала над пьесой в пятиэтажке напротив. Она приближалась к магазину. С собой у нее, как в первый день, была сумка на колесах. Похоже, собралась уезжать. С улыбкой женщина сказала, что черновик готов и теперь ей пора возвращаться на Тэханно. Я ей тоже улыбнулся. Писательница стала моим психологом. Хотя психология и не была ее профессией, она давала мне много полезных советов, расспрашивала обо всем. Так ей удалось расшевелить мой мозг, и воспоминания стали возвращаться гораздо быстрее. Во многом мое решение – ее заслуга.

– Надеюсь, ваша пьеса б-будет успешной.

– Теперь, с этой пандемией, даже и не знаю, чего ожидать. Я написала свое главное произведение, а весь мир перевернулся с ног на голову, – произнесла она из-под маски. Ее глаза блестели.

Она встречала свою трагедию с улыбкой. Я чувствовал силу в ее словах. Силу человека, у которого есть мечта. По ночам мы сидели в магазине и разговаривали. Чтобы пробудить мою память, она делилась своим прошлым. Я завидовал ее неугасающей энергии и упорному желанию заниматься своим делом. Однажды я спросил, где она берет силы на все это. Писательница ответила, что жизнь – это путь от решения одной проблемы к решению другой. И если так, то стоит выбирать такие проблемы, решить которые вам под силу.

– Токко, ваша память вернулась? В моей пьесе Токко уже вспомнил прошлое.

– Да, благодаря в-вам. Спасибо.

Писательница протянула ко мне руку, я сделал то же самое, и мы слегка соприкоснулись кулаками. В эпоху пандемии этот жест заменил рукопожатие. Мы на мгновение встретились взглядом на прощание. Мои настоящие воспоминания и воспоминания Токко из ее пьесы никогда не пересекутся. Но мы оба понимали, что это и не нужно.

* * *

Тот торговый агент пришел в магазин после десяти вечера. Он улыбнулся и положил на кассу лапшу с кунжутом, чай из кукурузных рылец и шоколадки по акции 1+1. Я вспомнил его милых близняшек и тоже улыбнулся. Затем протянул ему листок, на котором было написано мое имя и номер Хона, начальника отдела в больнице Кыктон. Тот агент недоуменно посмотрел на меня, а я объяснил, что если он еще продает медицинское оборудование, то может смело обращаться к Хону и ссылаться на меня.

Он быстро сообразил, к чему это, и сказал спасибо, пообещал дать мне знать, если все хорошо сложится, и ушел. Я проводил его взглядом. Хона, своего однокурсника, я предупредил еще днем. Он удивился моему звонку, а потом удивился даже больше, когда я рассказал про этого мужчину. Может, Хон не забыл, что был должен мне, или все еще считал меня влиятельным, но в любом случае он обещал позаботиться о торговом агенте. Когда тот расскажет ему, что со мной приключилось, Хона ждет новое удивление.

* * *

Квак работал уже третий день. Он рассчитывал двух девушек – видимо, мать и дочь. Будто извиняясь за свою медлительность, он нарочито громко пожелал им хорошего дня. Девочка обернулась и тоже пожелала ему всего доброго. Он улыбнулся, но, когда заметил, что я смотрю на него, смутился.

– Раздельная оплата пока еще мне дается с трудом. Прости, что задерживаю тебя. Я уже совсем старый.

Он еще просит прощения. Именно благодаря тому, что этот человек согласился заменить меня на ночных сменах, я наконец-то смогу оставить магазин. А благодаря записке, которую он протянул мне сегодня, – отправиться туда, куда давно должен был отправиться.

Сегодня я купил себе новый телефон и сразу зашел на канал Сихён на «Ютьюбе», который назывался «ЛД: легко и доступно для работников магазинов шаговой доступности». Я открыл видео на тему раздельной оплаты и показал Кваку. Тот взял в руки сканер и стал повторять за Сихён. Я был рад снова услышать ее спокойный голос.

«Несмотря на название нашего канала, работа в круглосуточном магазине совсем не легка. Как и любая работа. Ради удобства покупателей сотрудникам приходится многое терпеть. Только так посетители будут чувствовать себя комфортно. Мне потребовалось около года, чтобы осознать эту вроде бы очевидную мысль. Желаю, чтобы и вы сумели справиться с трудностями и доставляли себе и покупателям только радость. Даже если вы не собираетесь работать в магазине шаговой доступности всю жизнь, постарайтесь принести себе и окружающим ощущение комфорта. Все для вас! С вами канал «ЛД»».

Когда я объяснял Кваку, как расставлять товары, он уверенно заявил, что служил в хозяйственной части и хорошо знаком с этим «родом деятельности». Но сегодня он опять все сделал неправильно. Придется рассказать ему все с самого начала.

Ранним утром мы с Кваком сели есть лапшу быстрого приготовления. Он говорил без умолку, будто соскучился по разговорам. Сказал, что ему понравилась хозяйка и что работать продавцом в ночные смены куда лучше, чем охранником. Вспомнил, как вчера сын хозяйки увидел меня и испугался. Я расхохотался.

Когда Кан увидел, что человек, которого он нанял следить за мной, теперь работает в магазине, его лицо изменилось, будто он встретил призрака. Кан тут же накинулся с расспросами. Он не мог понять: с чего вдруг Квак ошивается в чужом магазине. Детектив не растерялся и ответил, что вообще-то в нашей стране каждый свободен выбрать род деятельности по душе, к тому же благодаря ему ухажу с работы я, то есть со своим заданием он справился. Сын хозяйки страшно разозлился и угрожал продать магазин. Квак ответил, что госпожа Ём все равно не даст этого сделать. Кан был в бешенстве. В

этот момент уже вмешался я. Сказал, что ближайший полицейский участок в пяти минутах ходьбы и лучше бы ему успокоиться, если не хочет, чтобы мать написала на него заявление. В итоге он хлопнул дверью и ушел со словами, что в нашем мире никому нельзя доверять.

– Наконец-то Кан это понял. Теперь его хоть реже станут обманывать, – со скучающим видом сказал Квак.

– П-позавчера хозяйка жаловалась мне на н-него. Говорила, вся эта затея с пивоварней просто м-мошенничество. Он все уговаривал ее п-продать магазин и вложить деньги в эту н-новую прибыльную нишу. Но госпожа Ём решила все р-разузнать. Оказалось, это какая-то подозрительная схема.

– Вот он и срывается на мне, – усмехнулся Квак.

– Хозяйка сильно п-переживает из-за сына. Вы его л-лучше других знаете, присмотрите за ним, пожалуйста.

– Без проблем. Он все равно через месяц-другой позвонит мне и пригласит где-нибудь поужинать, – ответил Квак и посмотрел на восходящее солнце.

Намсанскую телебашню на горе осветили первые лучи, начинался новый день. Квак глядел вдаль, о чем-то думая. А я доел лапшу и убрал со стола. Внезапно Квак печально посмотрел на меня и спросил:

– У тебя есть семья?

Я кивнул.

– Всю жизнь я пренебрегал семьей. А теперь жалею. Даже не знаю, что сказать им при встрече.

Я собирался ответить... но, может, потому, что вопрос волновал и меня, нужные слова не находились. Так что я просто грустно посмотрел на него. Квак махнул рукой, будто все это пустяки, взял в руки упаковку лапши и отвернулся.

– Просто в-ведите себя с ними так же, как с п-покупателями.

Квак снова повернулся ко мне.

– Вы добры к посетителям. С семьей в-ведите себя так же. Тогда все т-точно получится.

– Как к покупателям... В этом деле мне тоже еще предстоит много чего выучить.

Квак поблагодарил меня и снова отвернулся. Если задуматься, семья – те же покупатели, которые встретили друг друга в магазине под названием «жизнь». Ценные или незваные, но покупатели. Так и

стоит к ним относиться, и тогда мы не причиним никому боли. Мой внезапный ответ успокоил Квака. А годится ли он для меня? Смогу я стать хотя бы каким-то покупателем для своей семьи?

Я проследил, пока Сонсук сменяла Квака, и ушел из магазина. В сторону Сеульского вокзала. Прошел мимо этого здания, которое когда-то служило мне убежищем, на площадь, к автобусной остановке. Междугородный красный автобус сегодня отвезет меня к месту назначения. Пока ждал его, я стоял на остановке и думал о Сонсук и ее сыне. Недавно она с улыбкой сказала, что теперь переписывается с ним в мессенджерах. После нашего разговора Сонсук отдала ему письмо и треугольный кимпап, и очень скоро от него пришло длинное сообщение. Сын попросил прощения первым, сказал, что сейчас готовится к чему-то важному и просит понять и подождать. Уже этого было достаточно, чтобы Сонсук опять поверила в своего ребенка. Женщина показала мне эмодзи в виде животных с сердечками в глазах, которые он ей прислал. Я не понял, еноты это или кроты, но одно знал точно: Сонсук счастлива.

Наша жизнь – это отношения с другими людьми, и главным ингредиентом в отношениях всегда становится взаимопонимание. Счастье не где-то там далеко, в недостижимых фантазиях, оно здесь, рядом, в искренности и общении с ближними. За осень и зиму, проведенные в круглосуточном магазине «Все для вас»... хотя нет, еще и за несколько лет, которые прошли на Сеульском вокзале, я узнал много нового и повзрослел. Видел родителей, что провожали своих родных, видел, как влюбленные встречали с дороги вторую половинку, как приветствовали друг друга и прощались друзья... Я наблюдал за ними, пока бормотал себе под нос всякую бессмыслицу, пока бродил, страдал, – но все-таки осознал кое-что.

Автобус ехал уже долго и наконец прибыл в городок недалеко от Сеула. Шоссе еще строилось, поэтому мимо нас без конца проезжали бетономешалки и другой строительный транспорт. Автобус высадил меня и скрылся за облаками пыли, поднятыми его же колесами, а я направился к указателю, который увидел еще из окна.

Некоторое время я просто стоял и смотрел на надписи. Там говорилось, что до парка с колумбарием The HOME осталось пятьсот метров. Я пошел в сторону холма и по дороге размышлял, как лучше перевести это название. «Дом»? «Пристанище»? «Семья»? Внезапно я

понял чувства человека, который придумывал это название. Просто «дом». Бездомный направляется домой. Странно идти туда, где мне не рады, пока я жив, и где не смогу оказаться после смерти. Но вот я здесь и готов встретиться с любой проблемой лицом к лицу.

Я прошел мимо подавляющей размерами скульптуры возле входа в парк и вытащил записку, которую мне дал Квак. Там значился адрес: зеленый сектор, А-303. Парк с колумбарием находился на крутом холме, залитом солнцем. Я приспустил маску и глубоко вдохнул. Мне будто не хватало воздуха, я задыхался от чувства вины, оттого, что жил и продолжал дышать. Вокруг не было ни души, хотя для пристанища мертвых это, наверное, неудивительно. Я снял маску и, так как никто не осудил бы меня здесь за это, сунул ее в карман куртки.

Во время консультации она сильно тревожилась. Болезненная ли операция, какие могут возникнуть осложнения и придется ли повторять. Я сказал, что сделаю ей общий наркоз, а беспокоиться ей стоило бы, только если бы она делала операцию где-нибудь в захолустной клинике на северной окраине города.

– Не обращайтесь внимания на то, что вы слышали в новостях. Это ведь телевидение как-никак. Вы слишком сильно беспокоитесь. Вы же в Апкучжоне, в престижном районе. Полагаю, прежде чем прийти к нам, вы узнали про все клиники пластической хирургии в округе.

– Я... долго копила деньги на операцию. И если придется переделывать или повторять, то у меня не хватит средств... Поэтому немного нервничаю. Да и такую операцию я делаю впервые.

– Вы пришли по адресу. В нашей клинике работают настоящие профессионалы, которые позаботятся о вас. Так что переживать абсолютно не о чем. Просто слушайте, что говорит врач.

– Хорошо. Спасибо вам.

Ее оперировал Чхве, бывший стоматолог, поэтому он работал под моим наблюдением. Но в один момент я отлучился, чтобы принять нового пациента и сказать ему все то же, что говорил ей. Девушка умерла от рук «хирурга-призрака».

Директор быстро замял это дело. Того врача не существовало на бумаге, а скончалась девушка в результате «врачебной ошибки». Родственники погибшей обвиняли во всем больницу и даже подали в суд, но директор поднял своих юристов, и в итоге они не смогли даже выдвинуть обвинения.

Дело уладили деньгами и моим увольнением. Директор сказал мне переждать, пока шум уляжется. Поэтому я впервые за долгое время взял отпуск, чтобы наконец-то отдохнуть дома.

* * *

В какой момент все пошло наперекосяк? Когда я поручил операцию другому человеку? Когда вышел, чтобы уговорить еще одного человека и побольше заработать? Когда обманул девушку, которая смотрела на меня с такой надеждой и тревогой? Или все случилось потому, что работал на директора, готового поощрять любые методы ради наживы? А может, я вообще зря решил стать врачом ради статуса? Или же надо винить моих родителей, которые научили меня ненавидеть мир, бедность, в которой я жил подростком, и желать успеха любой ценой?

Тогда я не знал ответа. Да и не мог знать. А сейчас, когда нашел его, вернуть все назад уже нельзя. Стоя здесь, возле могилы этой двадцатидвухлетней девушки, чье милое лицо до сих пор стояло у меня перед глазами, я плакал навзрыд, утирая слезы маской.

Она хотела исправить свою внешность, чтобы устроиться в престижную компанию, и копила на операцию, подрабатывая во время учебы. Девушка хотела приспособиться к стандартам современного мира, но он же своим отвратительным острым лезвием и погубил ее. Я видел, как держу тот проклятый скальпель, который и лишил ее жизни. По телу бежали мурашки.

Я постарался успокоиться и достал из внутреннего кармана куртки... цветок. Искусственный, купленный накануне. И положил этот неестественно-красный цветок возле ее маленького пристанища. А после стоял, не зная, что делать. Из глаз снова полились слезы.

Когда слышались чьи-то шаги, я надел маску и опустил голову. Закрыв полные слез глаза и стал молить ее о прощении. Я виноват перед вами. Я совершил ошибку. И не заслуживаю прощения. Надеюсь, там вы обрели покой. Спите спокойно.

Когда автобус заехал в Сеул, стали скапливаться пробки. Я сидел в полудремоте, пытаясь сдержать бушующие внутри меня чувства.

Жена не поверила, что мне дали оплачиваемый отпуск. Постоянно расспрашивала. Чем дольше это продолжалось, тем бесстыднее и наглее я врал, что решил взять себе время подумать из-за конфликта с директором. Но очень скоро все раскрылось. Волонтерская организация, где состояла девушка, устроила демонстрацию возле клиники. Новости о трагедии появились в телевизоре и интернете.

Дома меня просили рассказать правду. А я уклонялся. Думал, что рассказывать правду глупо. Держал рот на замке ради спасения семьи. Но жена не успокаивалась, говорила: дочь тоже спрашивает, что случилось с пациенткой папы. Может, нужно было продолжать молчать и изображать, будто сам ничего не понимаю? Под таким давлением я выдал что мог. Начал с того, что это не моя вина, а начальника отделения Со. Да и разве такие случаи редкость во врачебной практике? Директор знает, что делать. Поэтому я заверил ее, что отдохну немного от всей этой суеты, а потом вернусь к обычной жизни.

Только вот жена не перестала тревожиться. Хотя больше и не спрашивала ничего. Просто уходила куда-то на целый день: то ли помолиться, то ли еще куда – и возвращалась поздно вечером. Дочь тоже все чувствовала и избегала меня. Так я и проводил воскресные вечера, в одиночестве ожидая доставку еды. Пока однажды не разозлился. Я позвонил жене и все высказал разом:

– Ты думаешь, что это все нравится мне? Думаешь, я не испытываю угрызений совести? Для чего я, по-твоему, работаю в этом отвратительном месте? Чтобы прокормить вас с дочерью! На что нам жить? Да, случается, что в этом распрекрасном мире кто-то ошибается или оказывается среди пострадавших, но я все эти годы горбатился ради нашей семьи! А теперь захотел отдохнуть, как вдруг ты отказываешься встать на мою сторону... Где тебя вообще носит?

Они вернулись поздно вечером. Стояли передо мной, как будто собираясь сдать. Жена пообещала, что не будет меня критиковать, пока не закончится расследование. Затем я перевел взгляд на дочь, ожидая увидеть в ее глазах послушание. Она подняла на меня свои крохотные глаза – единственное, чем мы были с ней похожи, потому что и характер, и темперамент, и остальные черты внешности у нее

совсем не мои. И то, что я увидел в этих глазах, мне не понравилось. Тогда мысль, которая давно созревала где-то глубоко в подсознании, вырвалась наружу:

– Ты должна меня слушаться. Тогда перед поступлением в университет я сделаю тебе более выразительные глаза.

– Хочешь и меня убить?

От ее небрежно брошенных слов мы с женой застыли. Я потерял дар речи, меня затрясло. Дочь же не отрывала от меня презрительного взгляда. Внезапно я, сам того не осознавая, замахнулся. К счастью, на моем пути встала жена, загородив собой дочь. Я попытался кинуться на нее, но жена оттолкнула мое трясущееся от злости тело и что-то закричала. Только в тот момент я уже ничего не слышал и безотчетно толкнул ее в ответ. Издав короткий крик, она упала и ударилась о шкаф.

Когда пришел в себя, дочь сидела возле нее и в спешке набирала чей-то номер. А я опустился на колени и не верил глазам.

Врач посоветовал оставить ее в больнице, чтобы дать отдохнуть несколько дней и вылечить гематомы. Жена лежала на больничной койке и избегала даже моего взгляда – просто уставилась в потолок и не замечала ничего. Я попросил прощения и пообещал, что этого больше не повторится. Но она все молчала. Затем отвернулась к окну, чтобы не видеть меня. Я сидел рядом на стуле, схватившись за голову, и глотал слезы.

Не знаю, сколько прошло времени, но внезапно раздался ее голос:

– Ты думал, что защищаешь нас?

Я поднял голову и увидел ее измученное лицо. Она сидела, облокотившись на спинку больничной койки.

– Можешь... больше этого не делать.

– В каком смысле?

Она закрыла глаза и собралась с силами.

– Чтобы защитить семью, нужно быть искренним с ней.

Жена по-прежнему ждала правды, а я все так же не отвечал. Мне казалось, что, как только я признаю свою вину, она сразу же вынесет мне приговор. Поэтому я мог только молчать.

Ее выписали через пару дней, и казалось, все вернулось на круги своя. Как раз тогда мне позвонили с работы и сказали возвращаться. И

я как ни в чем не бывало вышел. А когда вернулся домой, жены и дочери уже не было. Пришел конец всему.

И мне тоже. Они исчезли, не оставив даже записки. Мне хотелось, чтобы моя семья отличалась от той несчастливой, в которой я жил в детстве, но все пошло наперекосяк. Без алкоголя у меня больше не получалось уснуть.

Несколько дней я не ходил на работу. Потом позвонил директор. Я взял трубку и все ему высказал: что моя семья разрушена, да и жизнь тоже. Он только усмехнулся и посоветовал отдохнуть. Для него мои слова были детскими капризами. И я решил, что пора преподать ему урок. Он относился ко мне как к дурачку и должен расплатиться за то, что сделал с моей жизнью. Пусть идет на дно вместе со мной.

Я собрал доказательства нарушений в клинике и загрузил их в облако. При этом не прекращал поиски жены и дочери. Но сам постепенно стал скатываться в бездну. Все материалы о несоблюдении закона подтверждали и мое бесстыдство, меня душило чувство вины перед семьей и перед погибшей пациенткой. Разрывало изнутри. Единственным спасением стал алкоголь. Не в силах вынести эти муки, я все время напивался и вскоре уже не смог вести нормальную жизнь. Прежде чем вернуть семью, мне нужно было вернуть самого себя.

Когда узнал, что жена и дочь в Тэгу, я уже умирал в пустой квартире, которую должны были отнять за долги. Собравшись с последними силами, я отправился на Сеульский вокзал и купил билет. Пока ждал поезда, представил себе лицо жены и дочери за турникетом, и меня начало трясти, по всему телу проступил холодный пот. В итоге я разорвал билет и побежал в туалет. Меня стошнило, и я свалился без сил.

Когда очнулся, при мне остались только футболка и брюки. Дорогую куртку, обувь ручной работы, кошелек и сумку кто-то украл. Я стоял босиком в туалете и смотрел в зеркало. Из него на меня опять посмотрели жена с дочерью. Когда их образы растворились и осталось только мое потерянное лицо, я наконец осознал, что происходит.

С тех пор я не покидал Сеульский вокзал. Люди называли меня бездомным, а другие бездомные – Токко. Так же, как того почившего старика. Могло быть и хуже.

Теперь, снова очутившись на вокзале, я пошел в Хвехёндон и заселился в мотель. Пот лил ручьем. Я выпил четыре бутылки чая из кукурузных рылец, которые купил по дороге, набрал горячую ванну и хорошенько вымылся, с остервенением стараясь оттереть всю грязь со своего тела. Затем снова принял душ, почистил зубы и наконец лег в кровать.

На следующее утро я сразу вышел на улицу. Хотелось есть, но на голодный желудок соображаю лучше, поэтому решил пару дней продержаться без еды.

Я остановился и смотрел на Сеульский вокзал. Отчего-то сердце бешено заколотилось. Пройдя через несколько светофоров, я оказался на привокзальной площади. Какая-то волонтерская организация раздавала бездомным маски. Видеть бездомных в масках было очень непривычно. Зачем это все? Чтобы позаботиться о них? Или чтобы они не представляли угрозы для окружающих? Наверное, и то и другое. В масках все казались одинаковыми, независимо от статуса. Вирус не щадил никого. Вирус под названием «человек», которым мог заразиться кто угодно и заразить остальных. Вирус, который преследует Землю десятки тысяч лет.

Я купил билет до Тэгу и вспомнил, как четыре года назад на этом же месте внутри меня что-то сломалось. Но теперь я был не один. Ко мне с пакетом в руках, в котором наверняка лежал обеденный набор, шла хозяйка магазина. Она сказала, что обязательно придет меня проводить и отговаривать бесполезно. По ее словам, на Сеульском вокзале мы встретились и там же должны расстаться. Звучало убедительно. На самом деле я крайне нуждался в ее помощи: она бы удержала меня, если бы я снова захотел сдать и разорвать билет.

– Возьми, твой любимый набор, – сказала хозяйка и протянула пакет.

Я молча взял его и разглядел внутри «Сытный обед» и чай из кукурузных рылец.

– В Тэгу получится подтвердить, что ты врач?

– Я уже подтвердил п-по телефону.

В нашей стране, даже если врач убивает человека или совершает преступление сексуального характера, он не лишается лицензии. Врачи, как птицы феникс, всегда возродятся из пепла. А все почему? Да потому, что медики чувствуют себя бессмертными. Эта врачебная

лицензия на убийство и спасение жизней заставляет нас чувствовать себя всемогущими. Когда одна моя пациентка стала знаменитой, все твердили, что этим она обязана врачам, у которых золотые руки. А я всего лишь человек. Плохой человек, эгоистичное существо, думающее только о себе.

– Я не хочу тебя отпускать, но и не могу отговаривать ехать волонтером в разгар пандемии. Ты человечный, у тебя все получится. Аккуратнее там.

– Спасибо вам. Если бы не в-вы, я бы так и лежал здесь, на в-вокзале. И не смог бы п-поехать никуда.

– Значит, я тоже вношу вклад в борьбу с коронавирусом?

– Еще как!

Я ехал в Тэгу врачом-волонтером, впервые за всю свою карьеру я делал что-то бескорыстно, без алчности. Мне вспомнилась урна с прахом той девушки. Поездка в Тэгу не станет искуплением, но я смогу жить дальше, даже если и никогда не забуду о совершенных грехах. Мне предстоит и дальше учиться человечности.

– Люди стали носить маски, так что теперь мне спокойнее.

– Ага.

– Люди заботятся только о себе. А ведь мир – это не школьный класс. Все притворяются успешными и всезнающими – вот планета и послала на нас эту чуму, чтобы внушить людям скромности.

– Но не все н-носят маски.

– Этих негодяев надо проучить.

Я невольно усмехнулся.

– В масках им, видите ли, неудобно. Да коронавирус вообще доставляет немало неудобств, и что теперь? В нашем мире вообще неудобно жить.

– Это точно...

– Кстати, ты знаешь, что все в округе зовут наш магазин «Ничего для вас»?

– В-вы узнали.

– С твоим приходом каждый стал находить что-то для себя. И я, и покупатели. А теперь все снова будет по-прежнему.

– Почему?

– Да что «почему»? Просто заканчивай дела в Тэгу и возвращайся обратно.

Я только улыбнулся, а хозяйка в ответ похлопала меня по плечу:

– Хотя чего это я... Сама же знаю, что «Все для вас» – это преувеличение, чего-то да будет не хватать. Так что замечательно. Можешь и не возвращаться.

– Хорошо.

– В Тэгу, помимо волонтерской работы, встретиться с семьей.

Что? Разве я говорил хозяйке, что жена и дочь сейчас там? Неужели память снова подводит?

Хозяйка магазина напоминала мне всевидящего Бога, в которого она верила. Всегда заботливая и чуткая. Говорят, что у врачей золотые руки. Но гораздо важнее в этом мире руки таких людей... Да не оскудеет рука дающего.

Пора было идти к поездам, но я не мог сделать ни шагу. Казалось, какой-то магнит тянул меня назад. Я как прирос к земле рядом с хозяйкой, не в силах даже сам вдохнуть, будто она была моим аппаратом искусственного дыхания.

– Ну все, я пошла. Тяжело вот так долго стоять.

Я повернулся и посмотрел на хозяйку магазина. Кем она стала для меня? Мамой, которая когда-то бросила нас с отцом и братом? Или бабушкой, что до самой смерти заботилась обо мне? Глядя ей в глаза, я тихо сказал:

– Вы спасли того... кто был на грани смерти. Мне стыдно за все мои ошибки... но я буду жить, я больше не хочу умирать.

Вместо ответа она дотронулась до меня своей рукой и похлопала по плечу.

* * *

Я прошел через турникеты и добрался до платформы, не оглядываясь. Когда занял свое место в вагоне, слезы сами полились из глаз. Скорее бы уже поезд тронулся! И пусть поедет так быстро, что смахнет эти слезы и мигом домчит меня до Тэгу. Будто прочитав мои мысли, он скрипнул и застучал колесами. Вдруг в окне показалась дорога к магазину. На зеленом холме стоял магазин шаговой недоступности «Ничего для вас».

Поезд заехал на мост через реку Ханган. Лучи утреннего солнца отражались от поверхности воды и яркими бликами освещали все вокруг.

Я говорил, что не покидал Сеульский вокзал и его окрестности с тех пор, как стал бездомным. На самом деле однажды я ходил к реке. Поднялся в тот день на мост и хотел прыгнуть с него. Но не смог. Тогда подумал: сделаю это позже, а за зиму пока наберусь сил. Спрыгну с моста Мапхо или Вонхё и просто потону. Только теперь я осознал: реки нужно переходить, а не прыгать с моста и идти на дно.

Слезы не останавливались. Я побывал на грани смерти, стыжусь всех моих ошибок, мучаюсь виной... Но я буду жить, помогать страждущим, протягивать им руку помощи, не впуская в душу алчность: буду спасать других так же, как когда-то спасли меня. Найду семью, чтобы попросить у них прощения. А если они не захотят встречаться или прощать, то уйду со спокойной душой. И буду помнить, что жизнь всегда имеет смысл и должна продолжаться. Я больше не хочу на дно, я выбираю жизнь.

notes

Примечания

1

Пхёнтхэк – город-спутник на юге от Сеула.

Именная печать (точжан) – корейцы, особенно старшее поколение, вместо подписи до сих пор используют именные печати, сделанные из дерева или камня. *(Здесь и далее – прим. пер.)*

Шведская музыкальная группа АВВА и их известные хиты «Малышка», «Танцующая королева».

4

Все номера сеульских городских телефонов начинаются с кода 02.

Самый популярный обеденный набор в сети магазинов GS25, в состав которого входит рис, несколько видов рыбы, мяса, салатов и закусок. Стоит не больше 5 долларов.

6

GS25 – одна из самых распространенных сетей круглосуточных магазинов в Корее, изначально принадлежала конгломерату LG.

Чхонпхадон – буквально переводится как «район зеленых холмов».

Самое дешевое жилье в Корее всегда находилось на холмах.

В Корее школьное образование делится на три ступени: младшие классы длятся 6 лет, средняя школа – 3 года и старшая школа – 3 года. Таким образом, школьное образование в Корее длится 12 лет.

Норянчжин – это один из небогатых районов Сеула рядом с рыбным рынком. В Норянчжине располагались скромные общежития, в которых выпускники университетов готовились к экзаменам на государственную службу.

«Пибибик» – популярная в Корее марка мороженого со сладкой начинкой из перемолотых красных бобов.

Патпинсу – традиционное блюдо. Накрошенный лед с красными бобами и кусочками сладких рисовых клецок.

Традиционный способ наказания в школе заключался в том, что учеников ставили на колени в классе и они стояли с поднятыми руками до тех пор, пока учитель не разрешал им вернуться на место.

Хэчжангук – традиционный острый суп, который часто едят от похмелья. Готовят его из овощей с добавлением бычьей крови.

Демонстрации свечей – серии акций протестов 2016–2017 годов против президента Южной Кореи Пак Кынхе, результатом которых стало объявление импичмента.

Кимпап – роллы, завернутые в сушеные прессованные листы морской капусты и наполненные приготовленным на пару рисом с добавлением начинки, нарезанной или выложенной полосками.

Речь о традиционных корейских пирожных в виде рыбок с теплой бобовой начинкой.

Юмористическая аллюзия на миф о Тангуне, основателе первого корейского государства, который по легенде родился от союза сына небожителя Хвануна и медведицы. Прежде тигр и медведица, мечтавшие стать людьми, должны были сто дней провести в пещере, питаясь лишь чесноком и полынью. Тигр не выдержал испытания, а медведица прожила сто дней в пещере, после чего превратилась в человека.

Анпанман – прозвище Сонпхилия, данное в честь героя популярного детского аниме в Японии. Сюжет повествует о супергерое, которым стала ожившая булочка. Он спасает всех, кто попадает в беду, и кормит голодных.

Чхусок – главный традиционный праздник в Корее. День осеннего полнолуния, окончания сбора урожая и поминовения предков.

Тэханно – улица и оживленный богемный район в Сеуле, где много кафе, баров, театров и творческих студий. Рядом находится несколько крупных университетов, поэтому здесь всегда много молодежи.

Из автобиографии Боба Дилана «Ответ знает ветер».

По-английски сериал называется Breaking Bad, по-русски – «Во все тяжкие».

В книге упоминаются соцсети метаплатформы Meta Platforms Inc, Facebook и Instagram, деятельность которых запрещена на территории РФ.

Фильм Дзедзи Мацуоки 2015 года.

Пьеса Сэмюэла Беккета 1949 года, литература абсурда.

Имя Киён состоит из двух иероглифов, и второй означает «дракон» – это слово герой и заменяет английским dragon.

Уезд Чхонпхён, дословно иероглифы в названии переводятся как «зеленые равнины».

Известная марка японских сигарет.

Кванхвамун – главная площадь в Сеуле у дворца Кёнбоккун, на которой проходят различные акции протестов.